

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
Шуйский филиал ИвГУ

МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта»
г.о. Шуя

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ
Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск тринадцатый

Шуя 2022

*Научный редактор
доктор исторических наук Ю. А. Иванов*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Шуйского филиала Ивановского государственного университета*

В сборнике представлены материалы XXII (2020 г.) и XXIII (2021 г.) Чтений по региональной казуальной истории «Уездная старина», проводимых Шуйским филиалом ИвГУ и музеем с 1999 г.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX в., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Раздел сборника «Шуйская старина» посвящен повседневной истории Шуи и Шуйского уезда с древнейших времен до начала XX века. Следующий раздел «В уездном городе N» знакомит с уездной жизнью соседних губерний. Заключительный – «Записки провинциалов: век XX» – содержит свидетельства очевидцев о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитона Воробьева – уроженца деревни Тепляково Шуйского уезда*

ISBN 978-5-86229-466-8

© Шуйский филиал ИвГУ, 2022

© Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта, 2022

© Коллектив авторов, 2022

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

Е. С. БУТРИН
(г. Иваново)

РЕМЕСЛЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ШУЕ В XVII-XVIII ВВ.

Вопрос о характере ремесленных занятий шуян в XVII – начале XVIII вв. впервые поставил еще В.А. Борисов. В своем историческом обзоре шуйской промышленности он опирался на опись шуйских промышленных «заводов» земского бурмистра Д.В. Носова. Сам он датирует ее 1710 г., но в действительности Носов исполнял эту должность в следующем году. Ссылка же на предыдущий обусловлена тем, что опись составлена после знаменитого пожара 12 июня 1710 г., уничтожившего большую часть города.¹ Итак, согласно этой описи в Шуе имелось 11 мыльных заводов, 16 кожевенных, 7 скорняжных, 14 сыромятных, 4 «медных котельного дела», 4 рукавичных, 11 кузнечных.² Кроме этого, Борисов отмечал такие занятия шуян, как огородничество, бортничество, хмелеводство и хлебопашество. Носовская опись до нас не дошла и известна лишь в пересказе В.А. Борисова и Ф.Г. Журова.³ Упомянутые в ней «заводы» представляют собой домашнее производство. Тем не менее, Борисов полагал, что «такую промышленность не во всяком городе можно видеть» – ею занималось не менее трети дворовладельцев. Остальные документы, характеризующие промышленное развитие Шуи, имели случайный характер. Для характеристики шуйских ремесел в XVII в. В.А. Борисов ссылался на известную челобитную Ивана Степанова Лисина марта 1623 г., который «завел у себя варити мылишко» и уплатил «с трех варь» все пошлины таможенным откупщикам. Но когда 12 марта 1623 г. вновь явился к откупщикам заплатить пошлину «с достальных с мыльных варь», они отказались принимать ее, изменив размер «своим произволом».⁴ Успехи шуян в кожевенном производстве, по его мнению, характеризовала отписка по указу от 5 мая 1722 г. о высылке в Москву «к науке кожевенного дела» в качестве учеников двух посадских людей (И.Н. Ламанова и И.В. Подшивалова). Еще одно свидетельство о кожевенном производстве имелось в указе из Московской ратуши от 31 января

1709 г. по челобитной шуян на горицких крестьян, которые «меж шуйских торговых дней торгуют у себя с посторонними людьми всякими товары безошлинно», а многие из них имеют «в том селе кожевенные заводы». Результатом конкуренции со стороны крестьян являлась «поруха и недобор» таможенному сбору в Шуе. Ратушский бурмистр велел местным властям произвести розыск, по итогам которого торгующие в лавках и имеющие домашний промысел крестьяне подлежали выводу на посад.⁵

Ф.Г. Журов и Я.П. Гарелин⁶ отмечали еще несколько «борисовских» документов о шуйской промышленности в XVII в. Прежде всего, следует отметить две челобитные о разрешении топить «избы и мыльни» и работать кузнецам. Первая была подана весной 1631 г. В ней земский староста сообщал, что в результате указанного запрета в Шуе «от стужи и от гладу без хлеба роженицы помирают напрасною смертию и ремясляные людишка кузнецы и хлебники и колашники промыслишков своих отбывают». Нарушение запрета грозило шуянам тюрьмой, батогами и двухрублевым штрафом. Челобитчики ссылались на то, что в городе у них «нет наряду» и пороховой казны, а «домишки свои» они берегут сами. Они просили выделить им «указные дни» в летние недели для возможности топить избы и бани, а также работать хлебникам, калашникам и кузнецам.⁷ Судя по всему, ссылка на «умирающих рожениц» выполняла «декоративно-жалобную» функцию, а главной причиной возбуждения вопроса был именно вопрос о летней работе кузнецов, хлебников и калачников. Вопрос этот возникал неоднократно, а итогом тяжбы стала выдача шуйскому воеводе И.А. Судакову 28 марта 1638 г. грамоты с разрешением шуянам топить избы и мыльни, а также работать в кузницах «без запору с великим береженьем».⁸ Предшествовал ей челобитная, в которой отмечалось, что шуйские «хлебники, калачники и всякие харчевные люди и кузнецы» кормятся благодаря своим промыслам «что на торг хлеба и колачи пекут и кузнечное дело делают». О развитии в Шуе красивого промысла свидетельствовала челобитная посадского человека Матвея Васильева Москвитина, у которого 16 марта 1646 г. из амбара на дворе исчезли 23 белых новины и полпуда «краски крутику» (всего на 25,56 руб.).⁹ Ф.Г. Журов на этом основании прямо заключал, что челобитчик «занимался крашением холстов в синий кубовый цвет». Такого же мнения держался

и Я.П. Гарелин, который отмечал также челобитную Патрикея Герасимова Посникова – у него 31 января 1665 г. из клетки исчезли, в числе прочего, пять «белильных тонких новин», «крашенина лазоревая» и «ширинка миткальная, шита золотом».¹⁰

На более основательный путь в статье «о начале заводов и фабрик» в Шуйском уезде вставал основоположник шуйского краеведения В.А. Борисов. Он полагал подбор единичных документов по промышленным занятиям шуян не слишком перспективным, поэтому остановил свое внимание на актах, характеризующих шуйские промыслы с точки зрения обложения оброчных объектов.¹¹ Прежде всего, это сказка земского старосты Г.Д. Несмеянова и выборных людей, данная писцу А.И. Векову 28 ноября 1629 г. о количестве оброчных объектов на посаде. В ней шуяне заявляли, что оброка за дворовые пустые места и огороды в земскую избу никогда «не сбиравали», с кузниц, «мыльных поварен и солодяных мшаников» оброку также «не бывало», а оброк с лавок и лавочных мест платится в таможеню в одинаковом объеме (по 7 коп.).¹² В ходе писцового описания Векова оброчные объекты были обложены налогом, который шуяне ежегодно должны были уплачивать в приказ Галицкой четверти. Три мыльные варницы оказались пусты, зато обложению подверглись посадские дворы (кроме бобыльских и нищих), 11 кузниц, 46 лавок, 37 шалашей, 8 полков и даже 2 пустых лавочных места. Общий оброк с них составил 9 руб. 64,5 коп. При этом мыльные варницы располагались во дворах исключительно «лучших людей» (Иван Васильев Бусыгин, Степан Фомин Макаров и Иван Степанов Лисин). Они в оброк не попали, а вот все кузницы были положены в одинаковый оброк – 10 коп. Еще у одного «молодшего человека», Тимошки Трофимова Дубовикова, на дворе имелся солодовенный омшаник и пустой амбар, также оказавшиеся необложенными.

В дальнейшем на регистрацию каждого торгового или промышленного объекта требовалось получить разрешение – он включался в общую оброчную роспись по городу. В частности, по смете от 9 июня 1652 г. два пустых места были сданы под амбары шуянам М.Г. Котелникову и Н.А. Гатищеву с оброком по 6 коп., а еще одно пустое место под полк – С.И. Ворошилову с оброком в 3 коп. По той же смете на оброк были сданы 5 кузниц (по 10 коп.), поставленных на своих дворах И.П. Торопчениным, А.К. Неупокоевым, А.С. Дементьевым, А.А. Григорье-

вым и Т.Ф. Рудаковым.¹³ При этом несанкционированные изменения в числе оброчных объектов никак не учитывались, хотя ясно, что они постоянно исчезали и возникали вновь. В связи с этим летом 1693 г. государственной казной была предпринята попытка выявить оставшиеся вне ее поля зрения оброчные статьи в Шуе. Направленный в город подьячий Большого прихода П.Т. Копнин должен был «лавки и всякие оброчные статьи, которые в малом оброке, переоброчить». Для этого необходимо было переписать имевшиеся у шуян «лавки и анбары и прилавки и полки и столы и шелаши и харчевные избы и квасницы и кузницы», а также «по дворам солодовни и кожевные и мыльные промыслы и всякие торговые заводы и оброчные земли и уголья и по рекам мелницы и рыбные ловли». Владельцев этих оброчных мест Копнин должен был допросить «по каким крепостям или по чьим дачам и с которого году кто чем владеет», после чего «досмотреть» представленные ими крепости и взять копии с них. Оброчники также должны были сообщить ему об уплате оброка с того времени, когда они получили эти объекты и представить соответствующие отписи (квитанции). Лица, получившие оброчные объекты «без указу великого государя и без воевоцких дач самовольством», обязаны были вернуть их в казну, а также уплатить пеню в размере 2 руб. 24 коп. «за то – не занимай самовольством государевой земли». Кроме того, эти места необходимо было положить в оброк «применяяс к таким же оброчным местам» и получить с незаконных владельцев оброчные деньги за весь срок владения ими.¹⁴ Сведений о результатах копнинского разбора торгово-промышленных объектов в Шуе не сохранилось. Перечисленные в наказе условия представляются не просто разорительными для «самовольщиков», а откровенно невыполнимыми. Судя по всему, шуянам удалось добиться «оброчной амнистии»: во всяком случае, отписи в приеме «стрелецких денег» (в число которых входили и оброчные платежи) свидетельствуют о неизменности оклада с января 1690 г. до января 1698 г.¹⁵

Профессиональный состав жителей Шуи можно проследить на материалах писцовой книги А.И. Векова 29 июля 1629 г. Сохранились две более ранних шуйских дозорных книги Н.В. Неплюева (20 июля 1619 г.) и С.М. Уварова (27 февраля 1623 г.). Однако в них указания на профессию встречаются лишь в виде исключения («Тихонко Игнатъев сын, горшечник»). А вот в пис-

цовой книге А.И. Векова значительная часть домовладельцев снабжена указаниями на профессию («Гришка Семенов сын, портной мастер»). В ряде случаев профессиональное обозначение заменяло даже «отцовскую» фамилию («Митька Овчинник»). Тот факт, что эти «прозвища» являются не родовыми, а предполагают именно соответствующую профессию, иллюстрируется такими примерами, как «Ивашка Антипин, торгует щепетиньем», или «Ивашка Вахромеев, торгует мылом». Результаты анализа этого источника представлены в следующей таблице.

Табл. 1. Профессиональный состав населения г. Шуи по писцовой книге 29 июля 1629 г.¹⁶

Профессия	Лучшие	Средние	Молодые	Бобыли	Дворники	Итого
Калачник		1	10	2		13
Крашенник		2	7	2		11
Кузнец		1	8	2		11
Портной			9	2		11
Сыромятник			6	2		8
Сапожник			3	5		8
Мясник		3	3			6
Соленик		1	2	1		4
Мыльник			2	1		3
Хлебник			3			3
Лняник			3			3
Скорняк			3			3
Иконник			2	1		3
Овчинник			1	2		3
Пирожник		1	1			2
Извозчик				2		2
Плотник			2		1	3
Щепетинник			2			2
Винокур				2		2
Масленик			1			1

Рудомет				1		1
Часовник			1			1
Серебреник		1				1
Харчевник			1			1
Рыболов			1			1
Судоплат				1		1
Свечник			1			1
Горшечник			1			1
Садовник				1		1
Барышник					1	1
Коновал					1	1
Седельник					1	1

Всего в вековской книге учтено 4 двора лучших людей, 12 – «средних», 91 – «молотчих», 48 бобыльских и 21 «нищий» двор. Как видим, ремесленники составляли основу посада: в высшей и низшей категориях они вообще не представлены (хотя трое из четырех «лучших» людей имели на дворах мыльные варницы, «мыльниками» они не именуются). Среди бобылей ремесленные профессии названы у 30% (16 из 48), среди «средних» людей – у 60% (7 из 12), а вот среди «молодых», составлявших большинство посадского населения – у 80% (73 из 91). Если посадские «верхи» очевидно, занимались крупными торговыми операциями, то большинство представителей «низов» своего дела не имели, подвизаясь в качестве наемных работников. Спектр профессий достаточно широк и включает 32 наименования, в том числе весьма экзотических: «рудомет» (врач), «судоплат» (строитель судов), «часовник» и «серебреник». Заметим, что дворники светских и духовных феодалов, проживавшие в «белых» дворах, занимали профессиональную нишу, отсутствующую на посаде – трое из них имели занятия, незнакомые посадским людям. Самыми внушительными категориями среди ремесленников были калачники (13 дворов), крашенинники, портные и кузнецы (по 11 дворов), а также сыромятники и сапожники (по 8 дворов). Отметим значительное число профессий, связанных с производством и продажей продуктов питания (10 профессий, 34 двора), а также с обработкой кож, тканей и пош-

вом одежды (7 профессий, 47 чел.). Остальные профессии были представлены эпизодически (за исключением кузнецов, составлявших неперемнную принадлежность любого средневекового города). Наиболее престижным делом являлось мясницкое (сразу трое мясников представляли узкую прослойку «средних» людей), а внизу «профессиональной лестницы» располагались сапожники, извозчики, овчинники и винокуры.

Хорошие данные о профессиональном составе жителей города дает переписная книга кн. С.В. Клубкова-Масальского 1646 г. В ней обозначено все мужское население двора (включая посторонних приживалов, соседей, а также наемных работников-«ярыжных»). В этом источнике мы впервые сталкиваемся с «расхождением» профессионального прозвища и реальной профессии: Григорий Власов Кожевник занимался «калашным» промыслом. Впрочем, его пример представляет собой исключение. В абсолютном большинстве случаев «профессиональное прозвище» явно предполагало занятие обозначенным промыслом. Особенно ясно это видно в тех случаях, где проживавший в том же дворе сын занимался иным промыслом, чем его родитель. В частности, сын бердника Савы Дементьева Андрей Савин, занимался кузнечным ремеслом. Имеются и обратные примеры: сын скорняка Лариона Федорова Переславцева Леонтий, проживавший с ним в одном дворе, обозначен, как «скорняк же». Поэтому при анализе этого источника отдельно учитывались лица, проживавшие во дворах хозяев с иной профессией, а также лица, проживавшие во дворе, занятие хозяина которого не обозначено. Например, сын вдовы Федота Гатилова Дмитрий Федотов обозначен как «солодовник», а сын Федора Иванова Бобыля Никита – как «иконник».

Табл. 2. Профессиональный состав населения г. Шуи по писцовой книге 1646 г.¹⁷

Профессия	Дворов	Не хозяин	В чужих дворах	Наймнты	Дворники
Калашник	16	1		4	
Иконник	14	2			2
Кузнец	12		1		

Портной	10			1	
Сыромятник	9		1		
Соляник	7			1	
Отъезжая тор- говля	6			2	
Красильник	5	1		1	
Москотильник	6				
Скорняк	6				
Сапожник	6		1		
Мыльник	5			3	
Льняник	5			1	
Мясник	4			1	
Хлебник	4				
Коновал	4				
Овчинник	3				
Кожевник	3			2	
Кормитца рабо- той	2				
Шапошник	2				
Солодовник	1	1		1	
Мельник	2				
Горшечник	2				
Рукавичник	2				
Огородник	1				
Серебряник	1				
Воскобойник	1				
Бердник	1				
Масленик	1				
Оловяничник	1				
Седельник	1				1
Холщевник	1				
Свечник	1				
Орешник	1				

Винокур	1				
Оконничник					1
Щепетильник		1			2
Нашивочник					1
Итого	147	6	3	17	7

Как видим, спектр профессиональных занятий шуян несколько расширяется – до 38 профессий. Некоторые занятия исчезают, причем не только экзотические («часовник», «судоплат», «рудомет»), но и вполне обычные (пирожник, плотник, извозчик, рыболов, харчевник). Зато появляются новые, связанные с основной городской специализацией – обработка кож и пошив одежды. К таковым относятся москотильники (производство химических веществ, 6 дворов), кожевники (3 двора), шапошники и рукавишники (по 2 двора), холщевник, нашивочник и бердник (по 1 двору). Представители некоторых профессий сильно увеличивают свою численность. Среди таковых можно назвать, прежде всего, иконников – их число возросло в 7 раз (с 2 дворов до 14). Так что отчасти появление иконы Шуйско-Смоленской Богоматери осенью 1654 г. имело вполне рациональное объяснение. В остальном изменения профессиональных занятий шуян носили косметический характер. Можно отметить увеличение числа коновалов (с 1 до 4 дворов), сыромятников (с 8 до 10 дворов), мыльников (с 3 до 5 дворов). Это свидетельствует об усилении специализации по обработке шкур. В то же время число лиц, занятых обработкой ткани, несколько сократилось (красильников – с 11 до 6 дворов). Зато значительно расширилось пищевое производство (число калашников выросло с 13 до 17 дворов). Здесь важно, что у них появляется значительное число наемных работников (4 чел.), что явно свидетельствует о расширении производства. Также наемников держали представители таких престижных профессий, как мыльники, кожевники и отъезжие торговцы. Всего в переписных книгах 1646 г. обозначено 219 посадских дворов. Владельцы и жители почти трех четвертей из них (153 двора) получили профессиональную характеристику. Судя по всему, ее лишены оказались лишь лица, работавшие по найму в городе, либо вдали от него. Хотя в источнике и появляется категория людей, «кормившихся рабо-

тою», но она слишком мала (2 двора), чтобы считать ее исчерпывающей всех шуян «без определенных занятий».

К сожалению, в переписной книге Шуи Д.И. Гурьева (12 декабря 1677 г.) обозначение профессий встречается лишь в виде исключения.¹⁸ Репрезентативных данных о спектре занятий шуян на рубеже последней четверти XVII в. из этого источника получить нельзя. Тем не менее, она дает некоторое представление об их профессиональных занятиях. Всего в этом источнике упоминается 7 сыромятников, по 5 иконников и москотильников, по 4 калашника и кузнеца, 3 котельника, по 2 хлебника, сапожника и портных мастера и наконец, по 1 кожевнику, мыльнику, коновалу, суслинику, серебрянику и мяснику. Таким образом, городская специализация, в целом, сохраняется. Но в середине XVII в. в Шуе возникает котельное дело – отрасль, до того в городе неизвестная. Судя по всему, ее появление было связано с ведущими городскими производствами – для обработки кож и шкур, а также варки мыла требовались хорошие котлы. Следующий перечень профессионального состава горожан имеется в ведомости о торгово-экономическом состоянии Шуи земского бурмистра И.Я. Голятина от 16 октября 1718 г. Эта ведомость была представлена им в Московскую ратушу. Она включала сведения о номенклатуре и размере окладных сборов, «оброчных и откупных статей», численности административного и служебного персонала и наконец, роспись посадских людей с указанием их промыслов. Источник был опубликован И.М. Лядовым, но с тех пор краеведами практически не использовался.¹⁹ Он сохранился в ГАИО, вследствие чего текст Лядова нами выверялся по подлиннику. Кроме промысла, в ведомости обозначен торг (в лавке в Шуе, в уезде по ярмаркам, в Архангельске и Астрахани). Двое фигурантов работали преимущественно на заказ – скорняк А.И. Ивкин «делал на людей», а Иван Андреев «лил свечи салные на людей».

***Табл. 3. Профессиональный состав населения г. Шуи
по ведомости 16 октября 1718 г.²⁰***

Занятие	Дворов	Торгует в Шуе	Торгует в Архангельске	Торгует в Астрахани	Ездит по ярмаркам	Работает по заказам

Кормитца работой	75					
Калашник	17					
Сыромят- ник	15					
Мясник	13	9				
Мыльник	10	8	1			
Скорняк	7	3				1
Моско- тильник	6	2				
Кожевник	5	1	4			
Иконник	5					
Рукавич- ник	4	2			1	
Прянич- ник	3			1		
Портной	3					
Кузнец	3					
Хлебник	3					
Масленик	2					
Сапожник	2					
Свечник	2					1
Котельник	2					
Торгует городовым товаром	1				1	
Торгует железом	1	1				
Щетинник	1		1			
Льяняник	1		1			
Харчевник	1					
Шапош- ник	1					
Солодов- ник	1					
Итого	184	26	7	1	2	2

Итак, итогом Петровских преобразований начала XVIII в. стало резкое увеличение в городе низшего класса населения – «работников». Их число возросло до 75 чел. – 41% от всех шуйских тяглецов. Число профессий при этом снизилось до 24 – более чем на треть сравнительно с серединой XVIII в. Это свидетельствует о «профессионализации» городского населения – число специальностей снижалось, в ходу оставались лишь наиболее важные из них, обеспечивавшие ведущие отрасли промышленности. Прежде всего, заметим, что исчезают профессии, связанные с обработкой ткани (красильники, холщевник, бердник). Число дворов льняников снижается с 5 до 1. Оказалась не востребована также значительная часть ремесленников, не входивших в крупные корпорации (воскобойник, щепетильник, винокур, горшечник, серебряник, оловяничник). Исчезает также ряд промыслов, связанных с обработкой шкур (седельник, коновал, овчинник). Сокращаются до минимума и старые ремесленные корпорации – число дворов портных снижается с 10 до 3, кузнецов – с 17 до 3, иконников – с 18 до 3, сапожников – с 7 до 2. Зато расцветают занятия по обработке кож и мыльному промыслу: число хозяйств сыромятников увеличивается с 10 до 15, мыльников – с 5 до 10, кожевников – с 3 до 5. Появляются котельники (2 двора) и торговец, промышленный щетиной и пенькой (Г.И. Шилов). Работники в большинстве своем трудятся у своих же посадских людей на крупных производствах.

Для определения наиболее доходных промыслов в Шуе в этот период целесообразно провести сравнение ведомости октября 1718 г. с окладным списком, составленным полутора годами ранее – в феврале 1717 г. также И.Я. Голятиным «с товарищи». Из заглавия его следует, что оклад производился «вправду, смотря по торговому промыслу и по пожитком». Причем практически полное совпадение порядка именования лиц в этом окладном списке и в октябрьской ведомости 1718 г. свидетельствует, что источником для последней выступал именно он. Окладной список составлялся на мирском сходе, в ходе которого определялась общая сумма, необходимая для покрытия всех расходов посада в течение года. Исходя из нее, вырабатывалась раскладка по «деньгам» (условным налоговым единицам), выражавшая долю конкретного тяглеца в общегородских налоговых сборах.

**Табл. 4. Распределение тягловой раскладки
по профессиональному составу населения г. Шуи 1718 г.²¹**

Занятие	Тяглецов	Общая сумма	Среднее тягло
Кожевник	5	132	26,4
Торгует городовым товаром	1	26	26
Щетинник	1	24	24
Котельник	2	42	21
Мыльник	10	188	18,8
Льняник	1	16	16
Пряничник	3	38	12,6
Торгует железом	1	10	10
Солодовник	1	10	10
Москотильник	5	42	8,4
Сыромятник	15	121	8
Мясник	13	102	7,8
Скорняк	7	44	6,2
Рукавичник	4	22	5,5
Кузнец	3	14	4,6
Свечник	2	9	4,5
Портной	3	12	4
Харчевник	1	4	4
Калашник	17	64	3,76
Кормитца работой	72	247	3,4
Хлебник	3	9	3
Масленик	2	6	3
Сапожник	2	6	3
Иконник	5	13	2,6
Шапошник	1	2	2
Итого	180	1203	9,5

Анализ распределения тягла по профессиональному составу свидетельствует, что наиболее доходными «заводами» являлись

кожевенные (среднее тягло – 26,4 ден.), котельные (21 ден.) и мыльные (18,8 ден.). Согласуется это и со сведениями об «отъезжей торговле» представителей этих ремесел в далеком Архангельске. Хорошо зарабатывали также москотильники (8,4 ден.), сыромятники (8 ден.), мясники (7,8 ден.) и скорняки (6,2 ден.). Большинство остальных категорий ремесленников недалеко уходило от обычных наемных работников – кузнецы, портные и калачники зарабатывали лишь немного больше, а хлебники, сапожники и иконники – даже меньше их. Таким образом, нам представлена возможность «в реальном времени» наблюдать падение старых городских ремесел под напором новых – специализированных и более доходных, связанных с мыловарением и обработкой кожи. При этом в каждой категории ремесленников были, конечно, свои «гиганты» и «карлики». В частности, крупнейший мыльник П.А. Шигин был положен в оклад 44 ден., а самый мелкий, Г.А. Коверин, платил всего 4 ден. У кожевников «разбежка» была меньше – И.Я. Голятин платил 40 ден., Н.К. Кожевников – 12 ден. Среди сыромятников выделялся А.И. Дорожаевский – 30 ден., низший оклад выплачивал Ф.М. Козлов – 3 ден. Меньше была разница у москотильников – от 4 до 16 ден., мясников – от 2 до 13 ден., скорняков – от 3 до 10 ден. и калашников – от 2 до 10 ден. Отметим весьма высокие оклады целого десятка лиц, «кормившихся работою»: И.Ф. Фомин и Г.В. Селиванов платили по 12 ден., Ф.Г. Шилов и Б.И. Мотох – по 8 ден., К.И. Лядов – 7 ден., еще пятеро работников – по 6 ден. Таким образом, можно было прилично зарабатывать, даже не имея домашнего «завода».

Эволюция номенклатуры шуйских ремесленных производств на протяжении XVII – начала XVIII вв. свидетельствует об изменении городской специализации. Первоначально шуяне занимались преимущественно обработкой кож и тканей, а также выделкой разных изделий из них. Значительным был также сегмент пищевой промышленности. К середине XVII в. производство и обработка ткани сокращается, затем фактически сходит на нет. Новой важной специальностью становится иконное дело, но после его бурного всплеска в середине XVII в. к концу столетия оно также значительно сокращается. В начале XVIII в. работы шуйских иконников даже ниже, чем у наемных рабочих. Зато начинают появляться новые ремесла, обслуживающие наиболее доходные шуйские «заводы» (кожевенные и мыльные)

– в частности, котельное дело. Петровские реформы начала XVIII в. окончательно определили городскую специализацию во многом за счет уничтожения старых ремесленных корпораций – портных, сапожников и кузнецов. В первой четверти XVIII в. Шуя – город мыльников и кожевников. Именно представители этих профессий выплачивали наивысшее тягло, вели «отъезжую торговлю», на их «заводах», вероятно, трудились и многие жители города, не имевшие определенных занятий. Развиваются в Шуе и сопутствующие производства – скорняжное, москотильное и котельное дело. В то же время обработка тканей фактически ликвидируется, а доходы представителей «бакалейных» и «галантерейных» ремесел весьма ограничены.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 324. Оп. 1. Д. 557. Л. 1.

² *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов) / Сост. Вопилин Е.Г., Баделин В.И. Т. 1. – Иваново: МИК, 2002. – С. 61-62.

³ *Журов Ф.Г.* Исторические сочинения / Сост. Возилов В.В. – Иваново: Референт, 2007. – С. 84-85.

⁴ *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов). Т. 1. № 13. С. 158-159.

⁵ Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 346. К. 1. Д. 66. Л. 1-1 об.

⁶ *Журов Ф.Г.* Исторические сочинения. – С. 85-88; *Гарелин Я.П.* Очерк развития льняной промышленности в бывшей Шуйской области и настоящее ее состояние в Шуйской местности // Труды Владимирского губернского статистического комитета (ВГСК). Вып. 1. + Владимир, 1863. – С. 21-25.

⁷ Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край / Ред. Котков С.И. – М.: Наука, 1984. – № 136. – С. 170.

⁸ *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов). Т. 1. № 20. С. 165.

⁹ *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов). Т. 2. № 61. С. 87

¹⁰ Там же. № 95. С. 120.

¹¹ *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов). Т. 3. С. 150-151.

¹² НИОР РГБ. Ф. 67. К. 4. Д. 6. Л. 1-3 об.

¹³ ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 101. Л. 1-3; НИОР РГБ. Ф. 67. К. 4. Д. 15. Л. 1-3.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 67. К. 4. Д. 26. Л. 1-2.

¹⁵ Там же. К. 5. Д. 66. Л. 1-15; Там же. К. 4. Д. 21 Л. 8-9.

¹⁶ Составлена по: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 908. Л. 39 об.-54 об.

¹⁷ Составлена по: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11330. Л. 1-22 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11324. Л. 12-26.

¹⁹ *Лядов И.М.* Состояние города Шуи в экономическом, статистическом, торговом и промышленном отношении в 1718 г. // Труды ВГСК. Вып. 5. – Владимир, 1866. – С. 59-77.

²⁰ Составлена по: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 625. Л. 1-22.

²¹ Составлена по: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 625. Л. 1-22; Там же. Д. 611. Л. 1 об.-8 об.

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДА ШУИ

В истории города Шуи привлекает внимание передача соборного статуса от градской церкви к посадскому храму, произошедшая во второй половине XVII в. Первоначально соборным в Шуе был храм Покрова Божией Матери, расположенный в «осыпи», то есть, в границах городской стены. В первом историческом очерке о городе Шуе, его составитель А.И. Извольский¹ (1830), приводит пересказ описи *«градским и посадским церквям и домам, жителям и оброчным податям»*, учинённой по Указу Царя Михаила Романова (1629)². Историкограф пишет о соборной церкви, как о расположенной *«в городе»* и называет её деревянной, как и три церкви *«на посаде»*. В наши дни ранняя история Покровского собора Шуи прослежена в работе Л.Д. Мазур (2006)³. Автор приводит полную запись о градской соборной церкви из вышеупомянутой Писцовой книги 1629 г. *«А в осыти соборная церковь Покрова Пречистые Богородицы да в пределе Ивана Предтечи да благоверного князя Владимира Киевского, древяна клецки»*⁴. Кроме того, Л.Д. Мазур цитирует опись 1619 г., составленную в конце Смутного времени. В ней отмечено плачевное состояние соборного места после очередного разорения города отрядами мятежников: *«В городской осыти бывала ружная соборная церков(ь) во имя Покров Пресвятыя Богородицы, да был предел во имя Усекновения Честныя Главы Иоанна Предтечи древен, да та церковь згорела да разоренья как город згорел»*⁵. Но через десять лет, как мы видели, соборная церковь была отстроена на прежнем месте и сохраняла свой статус длительное время, окормляя в основном городскую знать.

Передача соборного чина от Покровской церкви Воскресенскому храму была предметом изучения всех бытописателей Шуи. Не вызывает сомнений, что процесс передачи соборного чина Воскресенской церкви связан с официальным прославлением храмовой иконы Божией Матери Шуйской Смоленской в июле 1667 г. Но точная дата освящения Воскресенской церкви в качестве *соборной* остаётся белым пятном в истории города из-

за отсутствия документальной основы. В краеведческой литературе присутствуют два мнения по этому вопросу. Начиная с В.А. Борисова (1851), смена чина церквей в Шуе с оговорками относилась к 1690 г. Этой даты придерживались И.М. Лядов (1863) и Ф.Г. Журов (1891). Но церковные историки П.И. Гундобин (1862) и протоиерей Евлампий Правдин (1884) полагали, что Воскресенская церковь получила соборный чин раньше, в 1667 г., одновременно с шуйским актом прославления иконы Богоматери Шуйской Смоленской. К этой дате склонялся и В.Д. Березин (1898). Из заметок краеведов XIX в. ранняя дата перешла и в академический Свод памятников архитектуры России (2000)⁶.

На протяжении XVII в. по указам, исходившим из Поместного (т.е. земельного) приказа, было составлено в общей сложности семь описаний Шуи⁷. Все они, упоминая «церковное место», фиксируют чин Покровской и Воскресенской церквей, что позволяет проследить реформу их статуса. Воскресенская церковь имела выгодное местоположение, в соответствии с водным торговым путём, проходившим по реке Тезе. Она была поставлена у торговой пристани, которая располагалась рядом с крепостью, чуть выше по течению реки. Для иллюстрации хронологии преобразования посадской церкви в соборную приведём последовательно названия церкви из описей Шуи. Первое упоминание о ней представлено в «Дозорной книге дворов и населения Шуи, дозорщиков Галицкой чети Никифора Неплюева и подьячего Елисея Минчакова», составленной 20 июня 1619 г. *«В Широкой улице храм Воскресение Христова древен теплой шатровой да был храм Николы чудотворца»*⁸. По-видимому, из двух, стоявших в одной улице церквей, «храм Николы чудотворца» был предназначен для летних богослужений, в дополнение к тёплой, то есть, зимней, Воскресенской церкви. Упоминание Никольского престола в прошедшем времени (на 1619 г.) связано с уже упомянутым разорением Шуи в период Смуты. Никольский престол отсутствует и в следующей по хронологии описи Шуи. «Дозорная книга города Шуи, посадских дворов и людей города, переписи дозорщика Галицкой чети Северина Михайловича Уварова и подьячего Грязного Колодничка» была составлена 27 февраля 1623 г. Краткая запись о посадской церкви упоминает лишь Воскресенский престол: *«Церков[ь] теплая во имя Воскресение Христова, строение мирских людей»*⁹.

Далее следует «Писцовая книга посадских земель и церковных мест города, письма и меры писцов Афанасия Ивановича Векова и подьячего Селиверста Иванова». Она была составлена по наказу из Галицкой чети и передана в Поместный приказ 29 июля 1629 г. Это описание Шуи было доступно для историкографов XIX столетия¹⁰. Здесь название Воскресенской церкви отражено следующим образом: «*Церков[ь] Воскресенье Христова да в пределе Николы Чудотворца древена верх*»¹¹. Как видим, на тот момент престолы совмещались в одном строении.

Следующий документ – «Переписная книга дворов и людей города Шуи переписи стольника князя Семена Клубкова-Мосальского и подьячего Никиты Семенова», составленная в 1646 г. В данном случае церковь на посаде удостоилась только краткого упоминания: «*Церков[ь] Воскресения Господа нашего Иисуса Христа*»¹². Но всё же записи в этой книге в числе посадских улиц впервые упоминают улицу Воскресенскую¹³. О Никольском приделе Переписная книга 1646 г. умалчивает, но в собрании В.А. Борисова приводится практически синхронный документ, составленный в апреле 1652 г. Из текста челобитной архиепископу Суздальскому и Торусскому Серапиону следует, что оба престола по-прежнему сосуществовали в одном строении: «*въ церкви Воскресения Христова въ верхней службе престоль, да въ исподней службе Николая Чудотворца престоль*»¹⁴. Наличие верхнего и нижнего («исподнего») престолов свидетельствует о двухэтажной конструкции храма.

После 1646 и 1652 гг., ретроспектива событий привела нас к осени 1655 г., когда шуяне получили избавление от моровой язвы с помощью иконы Божией Матери, нареченной Шуйской-Смоленской. Образ Богородицы был написан местным мастером по заказу прихожан Воскресенской церкви. Имя этого мастера – Герасим Тихонов сын Иконников. Оно известно по Сказанию о Шуйском чуде, составленному в 1667 г. Здесь будет уместно добавить, что описи 1623, 1629 и 1646 гг. среди посадских мест упоминают двор его отца, Тихона Иконникова и перечисляют членов его семьи: «*Тихон / Тихонка / Тишка Дмитриев сын иконник, посадский молодчий человек, кабацкий верный целовальник, дети – Стенка, Гераска (Гараска), Сенка, племянник Якимка Кириллов (Кирилов)*»¹⁵. Средний сын, «Гераска», и есть тот самый Герасим, который, став «гораздым мастером», (как пред-

ставляет его Сказание), написал икону Божией Матери, избавившую жителей Шуи от моровой язвы.

По данным описей 1629 и 1646 гг., двор Тихона Иконникова располагался в начале Ковровского тракта. Реконструкция застройки Шуи, выполненная в точном соответствии с межеванием первой половины XVII в., (Л.Д. Мазур, 2006), позволяет определить дистанцию между Воскресенской церковью и двором Тихона Иконникова. Она составляла 65 казённых саженей (или 140 м). В наши дни эта территория свободна от застройки и находится в юго-западном углу Зелёной площади. Сведения о положении двора Иконниковых позволяют представить маршрут шествия с иконой из дома мастера до Воскресенской церкви. Этот эпизод также отражён в Сказании¹⁶.

В первые годы образ Богоматери почитался как местная святыня и был достойно украшен благодарными шуянами¹⁷. Через двенадцать лет чтимый образ Богоматери вновь стал источником обильной благодати. С апреля по октябрь 1666-1667 гг. клирики Воскресенской церкви собрали в особую «роспись чудес» 103 истории исцелений от неизлечимых болезней. Творимые иконой чудеса привели в Шую патриаршую комиссию под началом Суздальского архиепископа Стефана. Итогом её работы стало прославление образа Богоматери, состоявшееся 28 июля в день праздника Одигитрии Смоленской. Книга, составленная этой целевой комиссией, свидетельствует, что, приехавшие в Шую *«Преосвященный Стефан архиепископ со архимандриты и игумены и протопопом <...> пришли из соборные церкви Покрова Пречистой Богородицы в церковь Воскресения Христова со кресты и пели молебен»*¹⁸. Как видим, основная праздничная служба состоялась в «соборной церкви Покрова», и лишь затем духовные власти перешли в приходскую Воскресенскую церковь и соборно отслужили молебен перед чтимым образом Богоматери, тем самым совершая его *общецерковное* прославление.

Следом, документ деловой серии от 4 августа 1667 г. впервые упоминает престол *«Пресвятая Богородицы»*¹⁹, как часть Воскресенского храма. Можно предположить, что новый престол был освящён в нижнем храме, на месте Никольского престола, с условием возобновления последнего в отдельно стоящем строении.

Через десять лет, 12 декабря 1677 г., в Шую для Поместного приказа была составлена «Переписная книга посадских дворов и людей города, переписи Данилы Ивановича Гурьева и подьячего

Кузьмы Конюхова». К этому времени на посаде существовала Воскресенская улица и Воскресенский десяток, но сама церковь оставалась всё в том же скромном достоинстве посадского храма: «Напосаде ж церков[ь] Воскресение Христова»²⁰. Второй престол здесь не упоминается, но при двухэтажной конструкции храм традиционно именовался по верхнему престолу.

Таким образом, можно сделать первый вывод, что сторонники ранней даты – 1667 г. – были правы только отчасти. Престол в честь Пресвятой Богородицы действительно, был освящён в этой церкви в 1667 г., но в соборный чин Воскресенская церковь была возведена несколько позже. Суздальская епархия в эту пору переживала не лучшие времена. В связи с деятельностью суздальского протопопа Никиты Добрынина (приверженца старого обряда) архиепископ Стефан был удалён от кафедры. Он пребывал в Москве при Архангельском соборе (для поминовения лиц царствующей династии) и по месту служения имел звание архиепископа Архангельского. Несмотря на резонансное прославление иконы Богоматери в Шуе, руководство епархией было сильно затруднено. Кроме того, в апреле 1672 г. обширная Суздальская епархия была ощутимо уменьшена в пользу новообразованной Нижегородской епархии, что не могло не отразиться на епархиальной казне. А учреждение викариатства в Юрьеве Польском²¹ задержало церковное строительство в Шуе в сравнении с соседними городами. Ситуация изменилась при митрополите Иларионе, поставленном на Суздальскую кафедру в декабре 1682 г. В бытность рядовым иноком Успенской Флорищевой пустыни, он пережил моровую язву 1654-1655 гг. и хорошо знал, откуда пришла помощь шуянам в те трудные времена. Он, безусловно, понимал необходимость возвышения престола, освящённого во имя Шуйского образа Богоматери. Но передача соборного чина предполагала расширение «*церковного места*», что зависело от Поместного приказа.

Уже в августе 1683 г. в Шуе была составлена «Межевая книга посадской земли города, межевания Артемона Гавриловича Жадовского и подьячего Панфила Блохина»²². Обращает внимание, что межевание проводилось только на посадской земле. Вероятно, новое межевание на посаде, спустя всего шесть лет от предыдущего (1677), имело отношение к передаче соборного чина Воскресенской церкви. По-видимому, свободной земли на посаде выявить не удалось. Тогда, на склоне берега была спро-

ектирована дополнительная терраса, где предполагалось заново разместить Николаевский престол²³, а чуть южнее поставить первую соборную колокольную. Но требовалось выждать некоторое время, чтобы подпорная стена из кирпича устоялась и надёжно укрепила склон берега.

Новое описание Шуи было проведено в 1685 г. Оно вновь касалось посадской земли с уточнением церковных мест. О существовании этой описи знал В.А. Борисов²⁴, но отыскать самую книгу ему не удалось. «Писцовая книга церковных мест и посадской земли города и поместных и вотчинных земель писцов Поместного приказа Александра Осиповича Теприцкого и подьячего Ивана Небогатого» была составлена 20 мая и подана в Поместный приказ 9 ноября того же года. В настоящее время эта опись систематизирована и находится в собрании Писцовых книг Восточного Замосковья в РГАДА²⁵. Раздел с кратким описанием церковных мест уместился практически на одном листе этой Писцовой книги. И здесь, при упоминании Воскресенской церкви, нас ожидает важное открытие: *«В Шуе городе на посаде соборные церкви Пресвятые Богородицы Чюдотворного ея образа Одегитрея и Николы Чюдотворца круг кладбища двести тритицат[ъ] восемь сажен с полусаженью и те церкви огорожены»*²⁶. Перед нами первое официальное упоминание Воскресенской церкви в соборном чине. Более того, престол во имя «чудотворного образа Одигитрии» назван здесь главным. Для сравнения приведём и название Покровского собора из этой описи: *«Церкви Покрова Пресвятые Богородицы что в городе в осыпи старого собору круг кладбища восемьдесят четыре сажени с полусаженью огорожена»*²⁷. Эта запись не оставляет сомнений, что Покровская церковь на момент составления описи перешла в рядовой чин, но из уважения к её именитому некрополю именуется *«старым собором»*. Таким образом, суммируя сказанное, можно сделать ещё один вывод: митрополит Иларион после рассмотрения земельного вопроса Поместным приказом к 1685 г. осуществил в Шуе передачу соборного чина Воскресенской церкви.

Косвенную информацию о том, что это деяние произошло именно в 1685 г., можно почерпнуть из местного акта 1684 г. В сысканой челобитной шуйских мирян архимандриту Николо-Шартомского монастыря Матвею, упоминаются *«Шуи города протопоп Василиск»*, (т.е. старший священник из градской церк-

ви) и «в *Шуе на посаде, у церкви Воскресения Христова и Пресвятыя Богородицы поп Андрей*»²⁸. Приписные звания духовных лиц указывают на то, что всего за год до составления Писцовой книги А.О. Теприцкого иерархия церквей в Шуе оставалась прежней. Но всё же эта книга ничего не говорит о каменном устройстве соборных церквей в Шуе. Действительно, маловероятно, что всего за два года возможно было возвести два каменных храма в Шуе, при этом, один из них – на свежей земляной насыпи (террасе). Вероятно, это были ещё деревянные строения, но придание им соборного статуса позволяло ускорить сбор средств на возведение каменных зданий. То есть, сторонники поздней даты передачи соборного чина Воскресенской церкви (1690), тоже недалеко от истины.

В заключение обзора Писцовых книг XVII столетия процитируем опись города Шуи, составленную в 1709 г. воеводою Яковом Сытиным. Исторически это описание связано с включением Шуи в новообразованную Московскую губернию (декабрь 1708). Особая честь, оказанная шуянам от Петра I, отчасти подтверждает городское предание о личном почитании царем Шуйской иконы Божией Матери. Но для нас важно, что воеводская опись подводит итог реформированию церквей Шуи и сообщает о соборном ансамбле следующее: «*да в Шуе на посаде Соборная и Апостольская церковь Пресвятыя Владычицы Шуйския, да церковь Великаго Чудотворца Николая, каменные*»²⁹. Как видим, здесь впервые отмечено каменное строение обеих соборных церквей и приводится их новое наименование. Столь торжественные «титутлы» нельзя приписать усердию шуйского воеводы, составлявшего данное описание. В новом названии Воскресенской церкви отразилось московское прославление чудотворной иконы Божией Матери, получившей при этом официальный топоним *Шуйская*. Московское прославление, произошедшее в 1690 г., состоялось благодаря усердию патриарха Иоакима и двух митрополитов: Илариона Суздальского и Ионы Ростовского. Основной идеей московской канонизации было закрепление за иконой Богоматери из Шуи особого статуса Одигитрии. Итогом этого всецерковного деяния стало установление нового празднования в честь Одигитрии Шуйской *во Вторник Светлой седмицы*, совместно с другими иконами Одигитрии, Иверской и Смоленской. Особый чин богородичной иконы из Шуи был отмечен в частной Похвале, составленной в честь этого образа Бо-

гоматери³⁰. Тогда же был обустроен каменный тезоименитый храм в Ярославском Кремле (1690). Усердием богословов и иконографов были созданы два программных списка новой Одигитрии из Шуи (МРИ³¹ и ГТГ³²). Наконец, список новочтимой иконы был помещён в главном храме государства Российского, в Успенском соборе Московского Кремля³³.

Далее скажем несколько слов об архитектурных особенностях каменного здания собора в Шуе. Специалисты предполагают, что уже первое каменное здание (1690) имело двустолпную конструкцию четверика и пятиглавое завершение. По-видимому, именно в это время его алтарная часть была впервые сделана трёхпрестольной. Судя по упоминаниям в Писцовых книгах XVII в., никогда ранее Воскресенский храм не имел подобного устройства алтарной части. Теперь центральный престол был освящен в честь *«Пресвятыя Владычицы Шуйския»*. В южной части алтаря расположился Воскресенский престол, а в северной части алтаря был устроен новый престол в честь праздника Успения Божией Матери. Интересно отметить, что церковь в ярославском Кремле, освященная во имя иконы из Шуи (1690), по своему расположению была ближайшим зданием от кафедрального Успенского собора. Как видим, сочетание престолов во имя Одигитрии Шуйской и в честь праздника Успения Божией Матери произошло как в Шуе, так и в Ярославле. Такие параллели, очевидно, были продуманы заранее, при подготовке московской канонизации иконы Одигитрии из Шуи.

Добавим, что предположение о позднем устройстве третьего престола в летнем здании собора, в ходе основательной реконструкции 1792-1798 гг., не согласуется с данными картографии. В 1787 г. уездный землемер, титулярный советник Адам Зидек составил «План Владимирской губернии уездному городу Шуе»³⁴. 9 декабря 1788 г. его проект реконструкции центра Шуи получил высочайшее одобрение Екатерины II. Но для нас интересен тот факт, что за пять лет до начала реконструкции 1792 г. в «изъяснении» своего плана под литерой «F» он оставил следующую запись: *«Собор во имя Шуйския Смоленския Божия Матере сдвумя приделами и особою теплою церковью»*. Здесь собор сохраняет наименование по главному алтарю. Временной промежуток от 1685 до 1787 гг. показывает, что на протяжении целого столетия собор в Шуе официально назывался с главным посвящением Божией Матери³⁵. *«Особая тёплая церковь»* озна-

чает Никольский храм, а упомянутые под литерой «F» два придела собора свидетельствуют о трехчастном устройстве алтаря. На архивных фотографиях собора (1911), сделанных до возведения новой паперти, можно увидеть следы трёхнефного устройства старой трапезной³⁶. По-видимому, реконструкция летнего здания (1792-1798) происходила по распланировке фундамента раннего четверика, с расширением его алтарной части.

Приведём мнение современного специалиста по истории архитектуры о культурном значении главного здания Воскресенского собора. *«Собор в Шуе представляет собой прекрасный пример храма двустолпной конструкции (центричное двустолпие со световым пятиглавием), построенного в эпоху раннего классицизма. Возможно, что на выбор типологии собора повлияли формы предшествующего здания, находившегося на этом месте и пострадавшего во время пожаров. Можно предположить, что предшествующий собор также имел двустолпную конструкцию, т.к. в церковной архитектуре столицы, Замосковского края и Поволжья встречается много примеров центричного двустолпия. Среди них собор Сретения Владимирской иконы Божией Матери московского Сретенского монастыря (1679), Одигитриевская церковь в селе Палец Нижегородской области (1681), церковь Иоанна Богослова Ипатьевской слободы в Костроме (1681-1687). Иногда в пятиглавии этих церковных зданий световой является лишь центральная глава, а боковые остаются декоративными. Тем не менее, известны храмы центричной двустолпной конструкции с полным световым пятиглавием, выстроенные в последней четверти XVII столетия. Примером служат памятники Луха: Воздвиженский собор Тихонова Луховского монастыря (1679) и церковь Воскресения на посаде (1680). Названные храмы располагались в соседнем уезде и могли оказать влияние на выбор типологии раннего собора в Шуе (1690). Архитектурный облик Воскресенского собора в Шуе демонстрирует жизнеспособность традиционных форм древнерусского зодчества, возможность построить их в стилистику нового времени (в данном случае – в стилистику раннего классицизма)»³⁷.*

Завершая наш исторический экскурс, кратко повторим хронологию возвышения посадской Воскресенской церкви до соборного чина и достоинства. Как видим, период приготовления соборного престола для чудотворной иконы Богоматери занял

30 лет с момента её явления осенью 1655 года. Освящение нового престола во имя Божией Матери в Воскресенской церкви произошло через 12 лет, в дни шуйского прославления чудотворной иконы, первоначально именуемой Одигитрией Смоленской. Соборного чина Воскресенская церковь была удостоена в 1685 г. при митрополите Суздальском и Юрьевском Иларионе, и стала именоваться как «*соборная церковь Пресвятыя Богородицы Чудотворного ея образа Одигитрея*». Но завершение строительства каменной соборной церкви напрямую связано с московским прославлением образа Одигитрии, официально получившего при этом краткий титул «Шуйского». Соответственно, освящение первого каменного здания собора в Шуе следует отнести к 1690-му году. По логике событий, придел в честь праздника Успения Божией Матери был устроен тогда же, в общей алтарной части первого каменного здания летней соборной церкви. При этом трудно представить, чтобы столь значимое епархиальное событие, как освящение в Шуе соборной церкви «*Пресвятыя Владычицы Шуйския*», происходило без личного участия митрополита Суздальского Илариона.

¹Извольский А.И. Город Шуя. // Вестник Европы. – 1830. № 23-24. – С. 229.

²Имеется ввиду подробная опись Шуи, составленная в 1629 году Афанасием Вековым. Именно в описи 1629 года приводится упомянутое А.И. Извольским деление жителей посада на «лутчих, середних и молотчих, бобылей и нищих», которое в других описях Шуи отсутствует.

³Мазур Л.Д. Церковь и её владения в Шуе в XVII веке // Архитектурное наследство. – 2006. Вып. 46. – С. 87-88.

⁴Там же. С. 88.

⁵Там же. С. 87.

⁶Свод памятников архитектуры и монументального строительства России. Ивановская область. Ч. 3. – М.: Наука, 2000. – С. 366.

⁷Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 3. Писцовые книги Восточного Замосковья. Шуйский уезд / Сост.: М.Ю. Зенченко (отв. сост.) и др. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – С. 316-328. Первое известное описание Шуи было приведено в Дозорной книге Шуйского уезда дозора Истома Выповского и подьячего Оленя Гаврилова (1574/1575). Дозорная книга Истома Выповского не сохранилась, известна по отсылкам к ней в актах служилых землевладельцев XVI века.

⁸РГАДА. Ф.137. Боярские и городовые книги. Оп.1. Галицкая четь. Суздаль. Шуя. Л. 532. Цитата публикуется впервые. Автор выражает благодарность Л.Д. Мазур за сведения, предоставленные из данного документа, а также из приводимых ниже документов РГАДА. Ф.1209: Оп.1. Ч.2. Кн. 11330; Оп.1. Ч.2. Кн. 11324; Оп.1. ч.1. Кн. 464.

⁹РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.1. Поместный приказ. Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент. № 908. Л. 10. *Мазур Л.Д.* Церковь и её владения в Шуе ... С. 89.

¹⁰Описание города Шуи (1629) // Владимирские губернские ведомости. – 1845. № 25; 1854. № 35-37.

¹¹РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.1. Кн. 908-в, Л. 37а. Список XVIII века: Ф.1209. Оп.1. Ч.1. Кн. 11329. *Мазур Л.Д.* Церковь и её владения в Шуе ... С. 89.

¹²РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.2. Кн. 11330, Л. 25об. Цитата публикуется впервые.

¹³Бывшая Узкая улица разделилась на две части – Кабацкую и Воскресенскую.

¹⁴*Борисов В.А.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. – М.: тип. В. Готье, 1853. – С. 145. Акт № 78: Челобитная 1652 года Суздальскому и Торусскому архиепископу Серапиону о присылке в Шую, для новоустроенных церквей, антиминсов.

¹⁵1623 год: РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.1, Л.8; 1629 год: РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.1. Кн. 908, Л. 48об. 1646 год: РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.2. Кн.11330, Л.13об.-14. Сводная цитата публикуется впервые.

¹⁶Сказание о чудесах от иконы Шуйской-Смоленской Божией Матери / Описание Шуйского Воскресенского собора. – М.: издание Н.Г. Калужского, 1862. – С. 47.

¹⁷Краткое описание иконы, драгоценного оклада, венцов, двух цат, прикладной утвари и золочёного киота сохранилось в «Книге свидетельства чудотворного образа Пречистыя Богородицы Одигитрия и чудесем, что в Шуе», составленной 28 июля 1667 года. ГИМ. Отдел рукописей. Собр. Уварова № 1724/196. Л. 72об.-74.

¹⁸Книга свидетельства... ГИМ ОР. № 1724/196. Л. 70.

¹⁹*Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. – М.: тип. Вед. Моск. Гор. Полиции, 1851. – С. 428. Акт № 88. Письмо составлено в ответ на запрос из Суздаля от 4 августа 1667 года (акт № 90 по реестру В.А. Борисова, 1851). *Макарьянц Б.Л.* История Сказания о Шуйской иконе Богородицы по документам XVII в. и спискам XVII – XVIII вв. // Бурыйнский альманах. – 2018. №1. – С. 7.

²⁰РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ч.2. Кн. 11324. Л. 29об. Цитата публикуется впервые.

²¹Титул архиепископа Стефана поменялся с прежнего «Суздальский и Торусский», на новый: «Суздальский и Юрьевский». Соответственно, после реорганизации Суздальской епархии викариатство было перемещено в Юрьев Польской.

²²РГАДА Ф. 1209 оп. 1, ч. 1 кн. 44. Л. 768-783.

²³Свод памятников архитектуры и монументального строительства России. Ивановская область. Ч. 3. – М.: Наука, 2000. – С. 520-521. Одно из последующих обновлений Никольского храма было выполнено в 1756 г.

²⁴*Борисов В.А.* Описание города Шуи... С. 277.

²⁵РГАДА, Ф.1209. Оп.1. ч.1. кн.464. Л.123-127. Сохранилась в подлиннике.

²⁶Там же, Л. 126об. Цитата публикуется впервые.

²⁷Там же, Л. 127. Цитата публикуется впервые.

²⁸*Борисов В.А.* Старинные акты... С. 296. (Акт № 162).

²⁹*Борисов В.А.* Описание города Шуи... С. 105.

³⁰*Макарьянц Б.Л.* Похвала на икону Одигитрии Шуйскую: особенности гимнографии // Кадашевские чтения. Вып. XXV.– М., 2019. – С. 174.

³¹ Восточнохристианское искусство от истоков до наших дней. Каталог собрания. Том. I: Памятники античного, раннехристианского, византийского и древнерусского искусства III - XVII веков / Под ред. И. А. Шалиной. – М.: Музей русской иконы, 2010. – С. 339.

³² Сидоренко Г.В. Богоматерь Одигитрия Смоленская Шуйская / София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX веков из собраний музеев России: [Каталог]. – М.: Радунница, 2000. С. 108-109.

³³ Опись Успенского собора Московского Кремля 1701 года // Русская историческая библиотека. Т III. СПб., 1876. Ст. 624. В описи упомянута икона Божией Матери с кратким титулом *Шуйския*, расположенная на втором правом столпе *«на полуденной стране»*, возле образа Соловецких чудотворцев (вверху сбоку): *«образ Пресвятыя Богородицы Шуйския, оклад, поля и оплечки и венец с коруною, а у Превечного Младенца венец с сиянием и подписи серебряные чеканные золочены; пред образом лампада медная гладкая, маленькая золочена»*.

³⁴ РГАДА, Ф.1356. Оп.1 № 299. Проектный план уездного города Шуя. Мазур Л.Д. Изобразительные источники по истории города до периода его регулярных преобразований эпохи классицизма. (Владимир, Суздаль, Шуя, Юрьев-Польский) // Международный электронный научно-образовательный журнал «Architecture and Modern Information Technologies» 2011. №3 (16). Статья №5. Рисунок 5.

³⁵ После завершения реконструкции собора в 1798 году, собор вновь стал называться Воскресенским. В центральном издании XIX века встречается название соборной церкви Шуи с посвящением «во имя Обновления храма Воскресения Христова». Историческое описание соборных и приходских церквей Российской Империи. М., 1828. С. 159.

³⁶ В итоге обновления здания летней соборной церкви в 1911-1913 гг, она приобрела современный вид. Двусветную папёрть собора венчают три позолоченные главы, с южной стороны к трапезной пристроено новое помещение для Воскресенского придела, а с северной – новое помещение для Успенского придела. Трехчастный алтарь целиком был отдан главному престолу во имя «Пресвятыя Владычицы Шуйския». Трапезная стала намного просторнее, что позволяет в наши дни совершать здесь представительные архиерейские богослужения в день престольного праздника 28 июля / 10 августа.

³⁷ Автор выражает благодарность Н.А. Мерзлютиной за представленный комментарий по архитектуре Воскресенского собора Шуи. История строительства двустолпных церквей в Поволжье рассмотрена более детально в её работах «Церковь села Палец Нижегородской области. К вопросу о распространении двустолпного типа храма в Поволжье в последней четверти XVII века» (Архитектурное наследство. – 2017. Вып. 67. – С. 11-20) и «Двустолпные церкви Ярославской области: к вопросу о развитии типа в Верхнем Поволжье в XVII-XVIII веках» (Архитектурное наследство. – 2018. Вып. 69. – С. 18-30).

**ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСЕЙ НИКИТСКИЙ (1751-1836):
СВОИХ НАСТАВНИКОВ ДОСТОЙНЫЙ УЧЕНИК**

Обращение к биографии видного представителя духовенства города Шуя связано с неординарным примером его жизни. Сын простого сельского дьячка стал высокообразованным белым священником и на протяжении 60 лет нёс бремя настоятеля городского Воскресенского собора. В итогах его служения Шуе можно увидеть подобие итогов полувекowego служения городу Ярославлю митрополита Ионы Сысоевича. Одним из первых биографов почтенного протоиерея стал его младший сослужбник из Воскресенского собора Евлампий Правдин. Народная память о дорогом предстоятеле была настолько крепкой и благодарной, что молодому священнику удалось собрать подлинные свидетельства о жизни протоиерея Алексея Никитского.

Биографический очерк начинается тёплыми словами о детстве будущего протоиерея. «Отец протоиерей Алексей Никитович Никитский родился в селе Антилохове от родителей бедных и незнатных, отец его был церковным причетником в том селе. По всей вероятности, детство его протекало так же, как детство всех детей низшего сельского духовенства. На восьмом году, а может и позднее, родитель посадил его за азбуку, а потом за Часослов и Псалтирь, чем обычно ограничивался в то время весь курс домашнего обучения причетнических детей. Выучивши сына кое-как читать, отец отвёз его для дальнейшего образования в семинарию, которая в то время находилась в Суздале, за стенами Спасо-Евфимиевского монастыря».

Здесь необходимо сделать небольшое отступление для того, чтобы пояснить читателю местные условия, в которых происходило воспитание Алексея Никитского. Из истории Суздальской семинарии известно, что она была учреждена раньше других средних учебных заведений Владимирской епархии (1723). Но в первые годы существования, из-за большой стеснённости в «кормовых» средствах для учащихся, она несколько раз закрывалась. Наиболее длительным был период прекращения обучения с 1744 по 1755 гг., после которого набор учащихся был открыт на новых условиях её содержания. Сохранились некоторые

сведения из истории этой семинарии. Известно, что в первые пять лет семинаристы последовательно изучали *элементарь* (букварь), затем *фару* (части речи), *инфиму* (основы устной речи), *грамматику* (словообразование с рукописанием), *синтаксиму* (соединение слов и построение сложных предложений). В старших семинарских классах преподавалась *поэтика* и *риторика* (составление речей и письменных текстов). Учебный материал старших классов давался с трудом, поэтому обучение в каждом из них занимало 2-3 года. Из-за скудости средств на образование в Суздальской семинарии приходилось довольствоваться одним учителем на все 5 классов. Как видно по сохранившейся ведомости за 1744 г., возраст семинаристов колебался *от 12 до 21 года*. По принятым правилам, семинария была полностью закрытой от внешнего мира, что было непростым испытанием для юношей и подростков. Учеников распускали только по чрезвычайным обстоятельствам (неурожайные годы или повальная болезнь) и потом с немалыми трудностями возвращали их обратно.

По новой инструкции от 1762 г., введённой в практику при Екатерине II, учебный курс семинарий был изменён и распределён на восемь лет. В первые два года большая часть учебного времени отводилась на изучение латинского языка. Следующие два года предназначались для обучения риторике. Философия и катехизис, с добавлением второстепенных дисциплин, постигались также два года. Ещё два года отводилось всецело на усвоение богословия. Новой вехой в истории Суздальской семинарии стало 1-е сентября 1763 г., когда для неё были выделены помещения в стенах Спасо-Евфимиевского монастыря.

Послужной список, сохранившийся в клировой ведомости за 1831 г., содержит весьма ценные сведения о жизни отца протоиерея. Здесь указаны некоторые подробности о начальных этапах образования, которые мог сообщить только он сам. С его слов, из неоконченного философского класса Суздальской духовной семинарии он был «в числе требуемых десяти человек студентов» переведён в Московскую Академию, где окончил Философский и Богословский классы. В той же ведомости указан возраст почтенного протоиерея – 79 лет. Если путём несложных вычислений принять за дату рождения Алексея Никитского 1751 г., то временем его поступления в Суздальскую семинарию (с учётом младшего возраста учащихся этой семинарии) можно

считать сентябрь 1763 г. Как мы уже знаем, после успешного прохождения пяти начальных классов, он вскоре был переведён в Московскую Академию. Таким образом, его зачисление в столичную Академию могло произойти в 1769 г. Год окончания академии (1776) точно указан в клировой ведомости, то есть учёба в Москве заняла около семи лет. Исключением был учебный год во время эпидемии чумы (1771), когда все учащиеся по требованиям карантина были высланы из города до улучшения обстановки в столице.

Духовная Академия в те годы располагалась в Заиконоспаском монастыре, и рядом с ней, в пяти минутах ходьбы, находился Московский гражданский университет. Пытливый ум юноши стремился к всестороннему образованию, и кроме Философского и Богословского курсов Академии, ему удалось прослушать *полный университетский курс лекций* по математике, истории, географии и французскому языку. Приобретению новых знаний мешала большая стеснённость в деньгах. Сам он рассказывал об этом времени так: «Идёшь, бывало, из университета с непреодолимым желанием достать известную книгу, а достать не у кого, купить не на что. Вот и обратишься за помощью к первому, попавшемуся навстречу богато одетому господину, — и добрый человек, узнав мою нужду, спасибо, с охотой оказывал мне пособие».

Ректором Академии с 1770 по 1774 гг. был архимандрит Феофилакт Горский, признанный позднее одним из основателей отечественной традиции религиозно-философской мысли. На этом посту его сменил Амвросий Подобедов, уроженец Владимирской губернии. Его лекции, по словам современников, отличались силой мысли и чистотой русского языка. Среди преподавателей Академии того времени выделялся Гавриил Петров, читавший богословие в строго православном духе, при том, что учебники в Академии по ряду дисциплин были западного происхождения. Выпуск из Академии 1776 г. принимал митрополит Платон, назначенный указом Священного Синода на Московскую кафедру в конце 1775 г. Вполне вероятно, что именно по его решению аттестованный молодой академист был «обращен в Суздальскую епархию на протопопское место в Воскресенский собор города Шуи». Вскоре он был рукоположен епископом Суздальским Тихоном во священнический чин.

По сведениям, полученным иереем Евлампием из уст шуйских старожилов, Алексей Никитский был в самых близких отношениях со своим наставником, протоиереем Матвеем Васильевым. Впоследствии он взял на себя уход за настоятелем собора, ослепшим по старости лет. У него на руках он и скончался в 1778 г.

Академическое воспитание выделяло молодого священника в глазах епархиального начальства и ему стали доверять ответственные должности. Так в июне 1800 г., он был поставлен цензором для рассмотрения проповедей других священников Шуи. Через год ему было поручено «сказывать проповеди в определённые дни» во Владимире, что он неукоснительно исполнял с 1801 по 1807 гг.

Составитель первого биографического очерка об Алексее Никитском посетовал между строк, что *«сам он записок по себе никаких не оставил»*. Вероятно, здесь имелись в виду дневники или воспоминания. Но всё-таки, хотелось бы отметить один письменный документ, принадлежащий перу настоятеля, который оставил ценную память о своём составителе. По некоторым сведениям, именно он в 1800 г. составил резервный список «Сказания о Шуйской иконе Божией Матери». Вероятно, решение о создании нового списка было продиктовано желанием уберечь ветхую рукопись от излишнего читательского спроса. В итоге, исходный текст был продублирован в точности, без сокращений и дополнений, поменялась только пропись рукописи. Трудно читаемая скоропись XVII в. была заменена на более чёткий полуустав. Единственная правка, которую внёс опытный книжник, коснулась частной молитвы к Божией Матери перед Её чудотворным образом Шуйско-Смоленским. В текст этой древней молитвы, составленной архиепископом Стефаном в 1667 г., было по необходимости вставлено имя правящего императора Павла I. Эта поправка – ценное свидетельство о практике употребления данной молитвы в соборе, вероятно, на мирских молебнах перед чудотворным образом.

Результат работы Алексея Никитского с уникальной рукописью XVII в. говорит о многом. Академическое образование, многолетняя служба в Шуе и знание местного предания давали ему право внести в рукопись важные дополнения, как это сделано в Саровской рукописи Сказания 1783 г. хорошо осведомлённым духовным лицом. Новые примеры целительной помощи от

знаменитой иконы и незаурядный талант словесника, замеченный в нём даже Владимирским архиереем (об этом немного позже), также могли подвигнуть соборного протоиерея к продолжению Сказания о главной святыне Шуи. Но мы видим обратное. Отношение книжника к ветхим страницам исходной рукописи сопоставимо с отношением к величайшей святыне. Кроме того, как мы увидим далее по очерку Евлампия Правдина, отец протоиерей с глубоким почтением относился к исконной богослужебной традиции, и старинная книга имела для него «статус неприкосновенности».

Настоятель собора пользовался большим уважением, и это уважение и доверие его прихожане перенесли и на выполненную им копию. Благодаря этой доступной для чтения рукописи из соборной библиотеки, Сказание стало широко известно в среде образованных шуян. Впоследствии, в одном из последних выпусков московского журнала «Вестник Европы» был размещён очерк о городе Шуе, написанный шуйским учителем Александром Извольским (1830). Повествуя о редкостях Воскресенского собора, автор показал хорошее знание рукописи Сказания. То есть, мы видим, что первое печатное сообщение о Сказании состоялось при жизни отца протоиерея и, вероятно, с его непосредственного разрешения. В 1837 г., во время визита в Шую, на соборные рукописи обратил внимание русский поэт Василий Жуковский, сопровождавший цесаревича Александра в поездке по России, и оставил о них краткую запись в дорожном дневнике. Впоследствии, именно по рукописи Алексея Никитского была подготовлена первая публикация Сказания о Шуйской иконе Божией Матери (Москва, 1862).

Пребывая в должности настоятеля собора, Алексей Никитский совмещал множество общественно-полезных дел. Наиболее важные из них вошли в его официальный послужной список.

В первые годы настоятельства ему довелось организовать сбор средств, а затем и строительство нового здания Воскресенского собора Шуи (1792–1798). Летний храм был возведён на прежнем месте и освящён епископом Владимирским и Суздальским Виктором 19 сентября 1798 г. Специалисты наших дней относят архитектурный облик собора к лучшим образцам раннего классицизма в России. Для защиты от повреждения при пожарах, пятиглавое навершие собора было покрыто латунью, вызолоченной через огонь. Добавим, что такое огнеупорное покры-

тие, благодаря прочной фиксации позолоты, прослужило до закрытия собора в 1939 г.

В год окончания строительства собора (1798)отец протоиерей был избран *духовником* для всех священно- и церковнослужителей города Шуи и нёс эту обязанность более 10 лет. В те же годы (1803–1805)одновременно он состоял в должности *благочинного* по городу Шуе.

В те времена прямого участия духовенства требовали также и некоторые вопросы народного здравоохранения. Так, в 1811 г. настоятель собора как старший среди белого духовенства города был определён членом с Духовной стороны в особом комитете, учреждённом для *прививания предохранительной оспы*. С 1823 г. он был назначен ответственным представителем Владимирского попечительства «о *сиротах духовного звания*»по Шуйскому благочинию.

Особо упоминания требует период строительства знаменитой Шуйской колокольни. С немалыми трудностями оно велось с 1810 по 1832 гг. Она была спроектирована русским архитектором итальянского происхождения Гауденцио Маричелли. По неизвестной причине постройка, доведённая до третьего яруса, неожиданно разрушилась в 1819 г. Ущерб церковной кассы оценивался в 100 тысяч рублей. Завершение строительства по чертежам, исправленным губернским архитектором Евграфом Петровым, выполнила бригада строителей под руководством Михаила Саватеева. Во всё время возведения соборной колокольни протоиерей Алексей Никитский неотлучно *«находился комиссионером с духовной стороны»*, дипломатично решая все возникавшие вопросы её строительства.

К этому периоду времени относится и изготовление драгоценной ризы в дар Божией Матери ради Её чудотворной иконы в соборе. Украшение создавалось *«усердием разных доброхотных дателей»* и в 1823 г. было возложено на икону. Нет сомнений, что вдохновителем этого дара был настоятель собора. Риза считалась праздничной и радовала прихожан более 100 лет. Несмотря на массовый протест жителей города, она была изъята в 1922 г. по печально известному декрету ВЦИК.

Прежде завершения строительства колокольни, в июле 1831 г., жителям Шуи пришлось пережить эпидемию холеры, унесшую жизни более 400 человек. Эпидемия прекратилась через три дня после праздника Шуйской иконы Божией Матери. В

память о новом чуде был установлен ежегодный общегородской крестный ход.

Ещё одно важное событие в истории собора произошло 31 декабря 1833 г. В этот день, в честь новопрославленного (1832) святителя Митрофана Воронежского был освящён северный придел Николаевского соборного храма (зимнего храма ансамбля). Почитание Воронежского архипастыря было особо дорогим для протоиерея Алексея, поскольку он был его земляком и односельчанином. Оба пастыря были уроженцами села Антилохово Ковровского уезда (ныне Савинский район Ивановской области).

В заключение приведём ещё несколько слов из памятного очерка, с сыновней любовью составленного младшим сослуживником почтенного протоиерея, священником Евлампием Правдиным.

«По рассказам старожилов, хорошо знавших отца протоиерея, человек он был высокой нравственности; характер имел прямой, открытый и твердый. Он не стеснялся высказывать горькую правду лицам богатым и влиятельным, и своим словом обличал их несправедливость к меньшим братьям. В обращении с подчиненными он соединял строгость с отеческой любовью и снисходительностью. Отличаясь сам примерной честностью и бескорыстием, он и во всех окружающих думал видеть те же качества, но нередко приходилось ему разочаровываться в своих мнениях о людях.

Божественную службу совершал с величайшим благоговением, по монастырскому уставу, без всяких сокращений, от чего была она очень продолжительна. Певческого хора в соборе при нем не было, но клирики приучены были к стройному, благоговейному пению, и пели древним, столбовым напевом. В воскресные и праздничные дни он, и притом один он из всего городского духовенства, сказывал проповеди, которые привлекали много слушателей и оказывали благотворное влияние на народную нравственность.

Быт отца протоиерея был самый простой и умеренный; роскоши ни в чем он не терпел. Стол его состоял из самых незатейливых блюд; одежда его была скромна, хотя имел возможность одеваться в более ценную одежду. Только в большие праздники надевал он рясу из простого, дешевого сукна, и ряса эта служила ему едва ли не во всю его продолжительную жизнь. Обувь его

была из простого русского товара; калош он никогда не носил. При этом он был чрезвычайно опрятен: никогда на рясе не было ни одного пятнышка, на сапогах – ни малейшей грязи.

О его бескорыстии свидетельствует уже то, что после своей долголетней жизни он не оставил никакого даже малейшего капитала, хотя семейство его состояло всего из двух дочерей. Свободное от церковной службы время он уделял на обучение детей шуйских граждан. Приглашал ли его кто-нибудь для совершения какой либо требы, он шел тотчас: ни позднее время ночи, ни дождь и снег, ни метель и вьюга не удерживали его ни на одну минуту».

По известной нам клировой ведомости 1831 г., на склоне лет совместно с ним проживали жена Федосья Матвеева (82 года) и рано овдовевшая дочь Авдотья Алексеева (45 лет). Его другая дочь была более счастлива в браке. Один из её сыновей впоследствии также стал настоятелем Воскресенского собора.

Протоиерей Алексей Никитский скончался в возрасте 85 лет, на сороковой день после кончины своей супруги Феодосии Матвеевны. Дата его смерти – 15 июня 1836 г. Как пишет биограф, «он скончался после непродолжительной болезни, оплакиваемый всеми гражданами, скончался на руках возлюбленного внука своего по женской линии, священника того же собора и ректора Шуйского духовного училища, Василия Яковлевича Цветкова, который и занял протоиерейское место в соборе».

Нам, наблюдающим после долгого лихолетия возрождение духовной жизни в Воскресенском соборе и восстановление внешнего благолепия храмов соборного комплекса, остаётся удивляться прочности заложенного здесь основания. Это основание закладывалось трудами многих поколений жителей Шуи и, как мы старались показать, имеет несколько измерений – материальное, культурное и отеческое. Каждое из них по-своему необходимо. И неотъемлемость отеческого измерения в нашей жизни и в нашей истории подтверждает жизненный путь и наследие протоиерея Алексея Никитовича Никитского.

Литература

1. *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань. 1881.
2. *Извольский А.И.* Город Шуя // Вестник Европы.– 1830. № 23-24.

3. *Малицкий Н.В.* История Суздальской духовной семинарии. – Владимир: Типография губернского правления, 1905.
4. *Правдин Евлампий, иерей.* Протоиерей Алексей Никитич Никитский // Владимирские Епархиальные ведомости. – 1877. № 13.
5. Ведомость о церкви Смоленския Божия Матери. 1831 год. ГАИО: Ф. 865. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об.-3 об.
6. Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии (XIX в. – 1918 г.): Историко-генеалогический справочник / сост. *О.И. Захарова*. – Иваново, 2003.

и/м ТИХОН (ЗАХАРОВ)
(г. Шуя)

СИМВОЛИКА ШУЙСКОЙ СОБОРНОЙ КОЛОКОЛЬНИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ

Стройная и парящая над Шуей колокольня Воскресенского собора, видимая с самых окраин города, создает для всей округи неповторимое чувство высоты. Не может не удивлять тот факт, что такой амбициозный проект был реализован в относительно небольшом уездном городе (на то время в Шуе проживало около 20 тыс. человек). Уместно здесь вспомнить и о негласном запрете строить в России колокольни в размер или выше главных столичных колоколен (Ивана Великого в Москве – 81 м и Петропавловской в Санкт-Петербурге – 122,5 м). Непростая и продолжительная история возведения соборной колокольни в Шуе убеждает, что создатели не усомнились реализовать свой замысел в его первоначальном величии.

Подробностей о возведении шуйской колокольни сохранилось очень немного. В.А. Борисов, современник строительства колокольни, уделяет ей в своем описании Воскресенского собора всего несколько строк. Колокольня начала возводиться через десять лет после завершения строительства Воскресенского собора¹ – в 1810 г. Окончание работ и торжественное открытие колокольни случилось в 1832 г. Согласно В.А. Борисову, высота сооружения – 149 аршин². К сожалению, в архивах до сих пор не найдено чертежей – ни первоначального проекта швейцарца Гауденцио Маричелли, ни второго, измененного проекта, принадлежащего, по-видимому, владимирскому губернскому архитектору Евграфу Петрову. Неизвестными остаются также причины трагического обрушения уже построенной до третьего

яруса колокольни, случившегося в 1819 г. Не вполне также ясно и неожиданное «прощение» Маричелли после долгого расследования по этому делу.

Для нас представляет существенный интерес насколько в новом, исправленном проекте были сохранены черты первоначального замысла Г. Маричелли. Исследователями отмечается, что в проекте Е.Я. Петрова были несколько изменены основные пропорции колокольни, и она стала выше, но выглядела более облегченной: ярусы последовательно убывали по ширине, а не были равными, как у Маричелли. Считается, что Е.Я. Петровым были также добавлены две башенки по краям первого восьмигранного яруса. Так или иначе, но смещенный проект двух известных архитекторов воплотился в необычайно гармоничное сооружение, одно из лучших для своего времени.

Кроме описания архитектурных достоинств шуйской колокольни, следовало бы задаться вопросом о символике колокольни. Какой внутренний, символический смысл вкладывали создатели в величественные формы этого сооружения? Как это могло быть связано с собором и с самой Шуей? Прочтение символов, скрытых в архитектурных элементах и пропорциях, возможно, помогло бы осмыслить соборную звонницу и как памятник, несущий в себе особенные сакральные смыслы. В том и состоит язык архитектуры – он позволяет внимательному зрителю возводить взгляд от вещественного образа к возвышенному первообразу, раскрывать идею создателей с помощью зрительных ассоциаций.

Следует учитывать, что Маричелли, получивший образование в Европе³, безусловно, заимствовал лучшие идеи европейского зодчества, стремясь, с одной стороны, гармонизировать архитектурный стиль собора и колокольни, с другой – встроить последнюю в ландшафт всей округи. Нельзя не думать, что было уделено достаточно внимания тому историческому значению, какое имели для Шуи Воскресенский собор⁴ и его главная святыня – чудотворная Шуйская-Смоленская икона, явленная в 1654/1655 г.

У построенного в стиле раннего классицизма Воскресенского собора, если следовать так называемым «типовым проектам» XVIII в., колокольня должна была бы располагаться к западу от храма по его центральной оси. Тем не менее, колокольня начинает возводиться⁵ не к западу и не к юго-западу, а к югу. Воз-

можно, это местоположение и дало колокольне статус «отдельно стоящей». Такое решение можно обосновать несколькими факторами. Архитектор хотел устранить риски, связанные со строительством очень мощного сооружения на уклоне к реке Тезе, на котором располагался сам собор, этот уклон достаточно заметен. С другой стороны, зодчий-иностранец во многом ориентировался на западные образцы, в которых знаковый памятник должен был максимально вписываться в архитектуру города, он должен был находиться на одной из центральных площадей и замыкать перспективу одной или нескольких улиц. Таких примеров в европейской архитектуре множество: Собор святого Петра в Ватикане, Миланский собор, Букингемский дворец в Лондоне, Королевский дворец в Мадриде, Триумфальная арка в Париже, Адмиралтейство в Петербурге и др. Шуйская колокольня располагается на оси самой длинной улицы города – Ковровской. Такое осевое расположение памятника не только эстетично, но оно создает, усиливает смысловой центр города, к которому приближается наблюдатель. Окраина Шуи на время строительства находилась в районе нынешней улицы генерала Горбатова, и вход в город запечатлевался видом с Ковровской заставы на шпиль соборной колокольни.

Однако следует заметить, что местоположение колокольни к югу от собора создавало определенную сложность: она *полностью* закрывала собор с основной видовой точки⁶. Если новопостроенный собор уже был самым высотным сооружением города (его высота до оконечности креста примерно 37 м), то колокольня, по сути, полностью его подавляла. Архитектурным значением собора пришлось в данном случае «пожертвовать» ради замены его новой доминантой.

Сравнивая колокольню и ее местоположение со многими известными архитектурными образцами, можно предположить, что в ее символике была заложена идея триумфальной арки. Такое сравнение основывается на очертаниях нижнего яруса, который во фронтальной проекции, действительно, очень напоминает триумфальную арку: высокий центральный проход, колонны, подчеркивающие массивные ворота, арочные ниши, где обычно размещались статуи, ложные круглые окна. Как со стороны города, так и со стороны собора возникает ощущение торжественного входа, предстояния чему-то. После такого предположения уместно сделать некоторое историческое отступление.

В сознании большинства триумфальная арка ассоциируется со временами Древнего Рима – римские императоры возводили такие арки в связи с окончанием больших победоносных войн. По возвращении полководец по решению сената мог удостоиваться триумфа – торжественного вступления в столицу со своим войском и военной добычей. Из десяти известных в Риме триумфальных арок наиболее знамениты три – арка Тита (82 г.), арка Септимия Севера (203 г.) и арка Константина Великого. Римляне заимствовали обычай возведения арок у древних этрусков, у которых вхождение войска в город под специально построенными воротами имело ритуальный смысл: после пролития крови в сражении воины не могли войти в город без обряда очищения⁷. Проем арки также символизировал границу, разделяющую небесный и земной мир, и считалось, что в арку проходят и души павших воинов, тоже удостоенных прославления. Этот смысл подчеркивался установленной вверх арки скульптурой триумфальной колесницы – символа апофеоза, вознесения на небо. В тройных арках центральный проем предназначался для императора, боковые – для простых воинов.

Традиция возводить триумфальные арки в позднейшее время берет начало от Наполеона, повелевшего в 1806 г. построить в Париже на площади Звезды триумфальную арку после победы французской армии под Аустерлицем⁸. За образец Наполеоном была выбрана римская арка Тита, построенная в честь победы императора Тита над иудейским восстанием. Наполеоном была построена в честь его побед и другая парижская арка – на площади Каррузель, по подобию уже упоминаемой римской арки Константина. Выбор римских образцов, очевидно, связан не только с предпочтением античного стиля, но и с традицией римлян возвеличивать императора в божественное достоинство, которое присваивал себе и Наполеон Бонапарт. В 1840 г. под аркой был пронесен траурный кортеж с прахом Наполеона, доставленным с острова Святой Елены⁹.

В Европе и во многих странах мира существует большое число триумфальных арок и триумфальных врат. Поводы к их созданию были различны, далеко не всегда это было утверждение памяти о военных победах. В частности, известны арки в Лондоне («Арка Веллингтона»), Берлине («Бранденбургские ворота»), Мюнхене, Мадриде, Барселоне, Флоренции, Брюсселе, Бухаресте и др. Триумфальные арки строили и в США (напри-

мер, известная «Бруклинская арка»). Почти все триумфальные арки имеют строго традиционные античные формы.

В России арки начали строиться при Петре I (Петровские ворота). Российские триумфальные арки, построенные в Москве и Петербурге в честь победы русского воинства в Отечественной войне 1812 г., имели как бы противовес парижским аркам. Через временно построенные Петербурге деревянные врата прошли в гвардейские полки, вернувшиеся из Парижа в 1814 г. Нарвские триумфальные ворота в Петербурге (1834) – почти точное подобие арки в Париже¹⁰. Наиболее известна тройная арка в здании Главного штаба (1828), венчающей вход на Дворцовую площадь. Небольшие триумфальные врата были построены и на Бородинском поле (не сохранились). Российские арки имеют те же атрибуты декора, заимствованные с античных образцов – «колесница славы», паноппия¹¹ и др. Вряд ли в России в проходе через арки усматривался какой-то ритуальный, мистический обычай, как это замечалось в Европе¹²; их, скорее, воспринимали сугубо как символ победы русского оружия и русского духа.

Следует отметить, что священные врата – очень широкий символ, и в христианскую эпоху он наполнился иным смыслом. В древнерусской традиции город или монастырь имел образ небесного града – Небесного Иерусалима. Соответственно, вход в город или монастырь также имел священное значение. Обычно врата обрамлялись двумя башнями, главой с куполом или церковью, в городах-крепостях врата значительно укреплялись¹³. Яркие примеры таких ворот – Золотые врата в Киеве и Владимире. В монастырях был широко распространен обычай постройки надвратных церквей, которые освящали святые врата. Позднее над входом в монастыри строились и колокольни.

В этом смысле врата в огражденную территорию, очевидно, соотносились с царскими вратами в православном храме, которые символизируют вход в Царство Небесное. Примеры святых врат, кроме уже упомянутых Золотых врат во Владимире, можно найти в Ростовском кремле, Троице-Сергиевой Лавре, Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, Суздальском Покровском монастыре и др. Святые врата имеют совершенно разную архитектуру, но всегда они выделяются либо надвратной церковью, либо двумя башнями-«стражами». Религиозное сознание усваивало сакральные смыслы и другим сооружениям, культур-

ным и жилым, создавая некое подобие храма и его атрибутов в своем жизненном пространстве.

Рассмотрев различную символику архитектурных врат и возвращаясь к колокольне в Шуе, можно трактовать ее символику в двух аспектах – и как триумфальной арки, и как святых врат. В пользу «версии арки» можно отметить несколько элементов декора первого яруса колокольни: круглые ложные окна напоминают римскую арку Константина, в которой расположены рельефы, а квадратные ниши – памятные надписи, которые часто инкрустировали в триумфальные арки. Также наличие боковых башенок подчеркивает и усиливает образ врат. Примечательно, что возведение шуйской колокольни началось почти одновременно с началом строительства парижской триумфальной арки, но очевидно, что ничего связанного с «военным триумфом» шуйская звонница не могла изначально иметь. Безусловно, необходимо оставить и все перечисленные выше ритуальные и мистические смыслы, которые связывали в древности с триумфальными арками.

Следует, по-видимому, обратиться к зрительным ассоциациям. Если абстрагироваться от идеи триумфальной арки в ее классическом виде – высоких прямоугольных врат с усеченным завершением, то колокольня с подобным основанием может задавать некое «расширение» этих врат в высоту за счет повторяющихся арок второго и последующих ярусов. Это ощущение, как кажется, и присутствует при обзоре шуйской колокольни: издали арка второго круглого яруса более притягивает к себе внимание, чем арка первого яруса, собственно, являющаяся проходной. Во второй арке просматриваются купола собора, что усиливает это ощущение «входа». В третьем и четвертом ярусах это впечатление уже субъективно, поскольку арочные проемы меньше, равнозначны по ширине и ориентированы на восемь сторон. Высокий шпиль венчает центральную линию врат. Триумфальная арка в данном случае – образ торжества, обращение земного бытия к небесной славе.

Пример колокольни в образе святых врат мы можем найти в неосуществленном проекте колокольни Смольного монастыря в Петербурге, разработанном Б. Растрелли. 140-метровая пятиярусная колокольня, которая должна была стать самой высокой в России и Европе, так и не была построена. Считается, что сам Б. Растрелли по какой-то причине не решился приступить к

осуществлению грандиозного замысла¹⁴. Смольный монастырь был основан в 1748 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны, и триумфальные ворота в башне-колокольне и предназначались для ее торжественных въездов¹⁵. Сравнение с проектом колокольни Б. Растрелли в нашем случае кажется примечательным наличием в последней двух боковых башенок с куполами, подчеркивающих триумфальный вход.

В расположении шуйской колокольни относительно храма обращает на себя внимание, что центральная ее линия по горизонтали входа точно проецируется на южный портал Воскресенского собора. Южные, как и северные, врата собора расположены не по центру четверика, а со смещением к восточной части, в соотношении примерно 3/2. Хотя это обычное архитектурное решение, свойственное классицизму, небезосновательно предположить, что именно по этой оси, за южным входом в собор и находилась чудотворная Шуйская икона Богородицы, которая была установлена в отдельном кивоте. Этой линией (арка колокольни – южные врата собора) символически обозначается и возвеличивается вход к главной святыне Шуи. Если же смотреть со стороны собора по этой же линии, то шуйская святыня как бы взирает и освящает самую протяженную улицу города по всей ее длине.

Таким образом, колокольня Воскресенского собора может иметь значение священных врат к чтимой святыне – Шуйской-Смоленской иконе Божией Матери. Возвышенные небесно-земные врата свидетельствуют о почитании народом святыни. «Триумф» чудотворного образа свидетельствуется и звоном, производимым с колокольни. Согласно современному экспериментальному исследованию, звук колокола распространяется крестообразно, по линии проемов, расположенных по сторонам света¹⁶. Колокольный звон, благовест или трезвон, имеющий значение призыва к службе и праздничного торжества, может означать и «глас святыни» – чудотворной Шуйской иконы.

В продолжение этого ассоциативного ряда можно добавить уже упоминаемый образ арки как священных врат церкви – Царских Врат. Верхние ярусы шуйской колокольни имеют не вполне характерную для классицизма круглую форму, и расположенные по кругу арочные проемы этих ярусов могут создавать подобие икон в иконостасе. В этом смысле колокольня по-

вторяет внутренний образ храма, обращенного на четыре стороны света.

¹ Воскресенский собор был освящен в 1799 г.

² Наиболее распространенная в справочниках величина шуйской соборной колокольни – 106,5 м. По Борисову – $0,7112 \times 149 = 106$ м. Согласно замерам, произведенных во время последней реставрации, ее высота 104,2 м. Разницу в измерениях объясняют, в том числе, постепенным проседанием сооружения, а также значительным слоем наносного грунта. Вопрос точной высоте шуйской колокольни можно считать открытым.

³ Швейцарец-итальянец Маричелли происходил из провинции Тоскана, изобилующей архитектурными дарованиями.

⁴ Согласно современным исследованиям, Воскресенская церковь получила статус соборной в 1686 г.

⁵ «В 20-ти саженьях от собора», по словам В.А. Борисова.

⁶ Трапезная часть Воскресенского собора, которая видна сейчас с Ковровской улицы, является поздней пристройкой 1912-14 гг.

⁷ Обычно такие врата окрашивали в красный цвет.

⁸ Парижская Триумфальная арка – самая высокая в мире, ее высота около 50 м.

⁹ Под сводами парижской Триумфальной арки совершались также церемонии погребения многих известных политических деятелей Франции, а также писателя Виктора Гюго. Проведение таких ритуалов, несомненно, шло вразрез с христианским представлением о смерти.

¹⁰ Примечательно, что ленинградское ополчение, уходившее на фронт в 1941 г., также проходило через Нарвскую триумфальную арку.

¹¹ Паноплия – композиция, составленная из атрибутов греческих военных доспехов, копий, щитов и знамен. Паноплия может символизировать причастность погибших в боях к прославлению на родине.

¹² Примечательна картина французского художника Жоржа Бертена Скотта «Парад мертвых под Триумфальной аркой», изображающая марш павших французских солдат у главного монумента страны.

¹³ Так, завоеватели нередко большими силами штурмовали главные городские ворота, несмотря на значительные потери. Считалось, что победитель должен достойно ворваться в город вратами, а не забраться через стену, «аки тать».

¹⁴ Модель первоначального проекта Смольного монастыря с колокольной хранится в Академии художеств Санкт-Петербурга.

¹⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/4087574>.

¹⁶ См.: Синкевич В.А. Колокол. Прикосновение к тайне колокола как звучащего креста. СПб. 2009. <https://infopedia.su/13x7ec4.html>. Цит.: «...Один из колоколов мы поместили в специальную камеру, определили по 126 точкам спектр его звучания, диаграмму направленности звука и создали математическую модель. Оказалось, что звук колокола деформируется и расходится в пространстве крестообразно, словно осеняет крестным знаменем ту часть мира, которую озвучивает. Этот объемный звуковой «крест» смоделированный на компьютере, производит сильнейшее впечатление... Нас это поразило».

СТРОИТЕЛИ ШУЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ

Строительство комплекса Воскресенско-Федоровского монастыря в селе Сергееве началось в конце XIX в., после официального учреждения женской общины в 1881 г. и последующего преобразования её в монастырь в 1889 г. Первое время община владела только одним каменным одноэтажным корпусом с садом на территории помещичьей усадьбы А.Н. Шубиной. Сестры ходили на службы в приходскую церковь. Территория общины даже не была огорожена¹. Постепенно помещица А. Шубина передала монастырю все усадебные постройки с домами и прилегающей территорией, определив границы будущего комплекса. Она завещала монастырю земли и капитал, а также дома в Петербурге, Кронштадте и Шуе. К монастырю отошла зимняя приходская церковь Архангела Михаила, были построены деревянные двухэтажные корпуса – кельи для монашествующих, территория была обнесена деревянной оградой. В 1890-х гг. с увеличением числа монахинь стала остро ощущаться потребность строительства новой вместительной церкви. Имеющиеся на территории два небольших храма (зимняя церковь Архангела Михаила и домовая Федоровская церковь в барском доме) не годились для продолжительных и многолюдных церковных служб.

Начальные средства (20 тыс. рублей) на строительство нового монастырского храма были предоставлены основательницей монастыря А. Шубиной. Проект будущего собора, составленный гражданским инженером С. Брагиным, был рассмотрен и одобрен строительным отделением владимирского губернского правления 29 июля 1896 г. Дело о строительстве собора слушалось владимирской духовной консисторией 25 сентября 1896 г.² Отмечалось, что «жертвователнице, находящейся в преклонных летах, весьма желательно, чтобы закладка нового храма начата была при ее жизни», а строительство велось под наблюдением составителя проекта С. Брагина. Для ускорения начала строительства на территории монастыря был устроен кирпичный завод, на котором уже было заготовлено значительное количество строительного материала. Была сформирована Комиссия по построению храма, куда вошли игуменья София,

казначей Евгения, священник о. Василий Доброхотов и архитектор П. Беген³. Архитектора П. Бегена включили в состав Комиссии «как имеющего близкое местожительство к монастырю нашему и поэтому имеющего возможность и более частого надзора за постройкою»⁴. Архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей в ноябре 1896 г. выдал храмозданную грамоту на строительство в монастыре Успенской церкви. Но, по неясным пока причинам, автор проекта С.П. Брагин, изначально согласившийся производить строительство, вскоре после смерти основательницы монастыря А. Шубиной⁵ отказался от своего участия. Вместо уже одобренного и согласованного во всех инстанциях проекта собора был разработан новый.

Архиепископу Сергию от игуменьи монастыря Софии 24 марта 1897 г. поступило прошение о рассмотрении нового проекта соборного храма. Сперва данное прошение в Консистории было сочтено ошибочным, но 12 апреля на нем появилась резолюция архиепископа: «По личному объяснению архитектора им представлен новый план в измененном против прежнего виде; поэтому следует отправить его вновь в Строительное отделение на рассмотрение, предварительно показав мне; при том г. Брагин отказался от этого дела, а взялся за него другой; сего последнего следует назначить Членом строительной Комиссии вместо Брагина». В Строительном отделении вскоре были рассмотрены оба проекта и, утвержденный губернатором и архиепископом, «проект фасада на означенную постройку вручен составителю онаго, Архитектору Бегену»⁶.

Судить о варианте Успенского собора, предложенном С.П. Брагиным, пока невозможно по причине отсутствия в архивном деле самого проекта (который, однако, несколько раз упоминается в переписке). Интересно замечание современника о том, что А. Шубина пожертвовала капитал «на построение нового храма, по образцу Дивеевского»⁷. Возможно, первый проект собора в Сергееве был действительно близок по архитектуре Троицкому собору Серафимо-Дивеевского монастыря, куда регулярно ездила А.Н. Шубина. Искусствовед А.В. Слезкин отмечает, что архитектура Успенского собора в Сергееве, построенного по проекту П. Бегена, во многом подражает Спасо-Преображенскому собору Николо-Угрешского монастыря, возведенному по проекту А.С. Каминского в 1880-1894 гг.⁸

По окончании строительства Успенского собора игуменья София со старшими сестрами в прошении епископу Владимирскому от 31 августа 1902 г. поднимает вопрос о необходимости строительства каменной колокольни: «звонница у нас в монастыре деревянная на столбах, обшитых тесом, в настоящее время она приходит уже в ветхость и становится опасно держать на ней звон, довольно тяжеловесный более 300 пудов»⁹. К прошению прилагался план колокольни, составленный архитектором «Петром Беген, строителем нового нашего Храма, который изъявляет согласие быть строителем и сей звонницы». Проект колокольни был рассмотрен и одобрен строительным отделением губернского правления 17 октября 1902 г. Далее, 16 ноября 1902 г. консисторией было выдано разрешение на строительство колокольни «под наблюдением составлявшего тот проект архитектора П. Беген»¹⁰. Сведений о проектах монастырской ограды с угловыми башнями и здании трапезной пока не обнаружено. Можно предположить, что их проектировал также П. Беген.

Упомянутые в переписке о строительстве собора в Сергееве архитекторы С. Брагин и П. Беген, вероятно, были знакомы друг с другом и имели опыт совместной работы. Они оба состояли на службе в строительном отделении владимирского губернского правления. Возможно, оба архитектора участвовали в строительстве Всехсвятского единоверческого монастыря в Шуе.

Автор проекта Успенского собора Всехсвятского единоверческого монастыря в Шуе – гражданский инженер Сергей Павлович Брагин (1859-1898), уроженец Пскова, выпускник института гражданских инженеров в Санкт-Петербурге. С.П. Брагин с 1889 г. служил младшим архитектором в строительном отделении владимирского губернского правления. Осенью 1897 г. С.П. Брагин заболел психическим расстройством, оставил службу и через год скончался у себя на родине – в городе Пскове в возрасте 39 лет. Успенский собор в Шуе считается наиболее значительной постройкой зодчего¹¹. Известно, что С.П. Брагин должен был сам производить наблюдение за строительством спроектированного им собора¹². Строительство собора продолжалось с 1891 по 1901 гг. Следовательно, после ухода С.П. Брагина со службы и отъезда в Псков в 1897 г. наблюдение за строительством выполнял уже другой зодчий. Можно предположить, что таким зодчим был П. Беген.

Пётр Густавович Беген (1863-1917) родился в с. Городечня Суражского уезда Черниговской губернии, закончил московское училище живописи, ваяния и зодчества со званием классного художника архитектуры. В 1895 г. поступил на службу в строительное отделение владимирского губернского правления в должности сверхштатного техника. В 1899 г. П. Беген занял вакантную после увольнения С.П. Брагина должность младшего архитектора, с 1901 по 1907 гг. занимал должность владимирского губернского архитектора. В конце 1907 г. П. Беген заболел прогрессивным параличом помешанных и 11 января 1908 г. был уволен со службы «по домашним обстоятельствам». Бывший губернский архитектор умер 1 марта 1917 г. и был похоронен в с. Клевцово (ныне – урочище Клевцово Ивановского района Ивановской области на берегу Уводьского водохранилища).

Предположение о том, что именно П. Беген мог завершать строительство собора единоверческого монастыря в Шуе связано с тем, что он спроектировал трапезную монастыря в 1900 г.¹³ (единственная сохранившаяся монастырская постройка). На рубеже XIX-XX вв. П. Беген много строил в Шуе и Иваново-Вознесенске. Например, в Шуе им были построены городские бойни, шмидтовское начальное училище, корпус для ткацкой фабрики с паровой и котельной Товарищества М.С. Посылина.

Примечательно, что крупные церковные постройки П. Бегена возводились практически одновременно. Так в период строительства Успенского собора в Сергееве (1897-1905) он строил в том же Сергееве монастырскую колокольню (1902-1903), в Иваново-Вознесенске – Спасскую церковь по проекту Ф. Шехтеля (1898-1903)¹⁴, Введенскую церковь с оградой и домом причта (1900-1907), Владимирскую церковь с богадельней (1902-1904). В этот же период достраивается Успенский собор единоверческого монастыря в Шуе (1891-1901), а также монастырская трапезная (1901). Стоит отметить, что три крупных пятиглавых храма П. Бегена были построены в монастырях (соборы в женских монастырях Шуи и Сергеева, Владимирская церковь при общине-богадельне в Иваново-Вознесенске, обретенной в монастырь в 1916 г.).

Сведений об обоих архитекторах, строивших монастыри в Шуе и Сергееве, пока немного. Относительно П. Бегена можно предположить, что в своих постройках он ориентировался на опыт местных коллег-предшественников (в числе которых был

С.П. Брагин), а также известных московских архитекторов, с которыми мог общаться в период обучения в училище живописи, ваяния и зодчества в 1880-е гг. Вероятно и личное общение П. Бегена с А. Каминским (А. Каминский проектировал Преображенскую церковь в Иваново-Вознесенске и особняк Павлова в Шуе) и Ф. Шехтелем (П. Беген строил Спасскую церковь в Иваново-Вознесенске по проекту Ф. Шехтеля, который приезжал на место строительства).

¹ Подвижница благочестия Александра Николаевна Шубина и основанный ею Воскресенско-Федоровский женский общежительный монастырь. – М.: Печатня А.И. Снегирёвой, 1916. – 96 с.

² ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3968 (О постройке нового каменного храма в Воскресенско-Федоровском, Шуйского уезда монастыре). С. 1 об., 7-9.

³ Черниковский Д.М. К биографии владимирского губернского архитектора П.Г.Бегена / Борисовский сборник. Вып. 7 / Отв. ред. В.В. Возилов. – Иваново: Издательский дом «Референт», 2016. – С. 111 – 116.

⁴ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3968. С.10, 10 об.

⁵ А.Н. Шубина умерла 8 февраля 1897 г. в возрасте 80 лет, не дожив до торжественной закладки Успенского собора, состоявшейся 2 сентября 1897 г.

⁶ ГАВО. Ф. 556. Оп.1. Д. 3968. С.15-17 об.

⁷ Владимирские Епархиальные Ведомости. Отдел неофициальный. – 1897. № 6. – С. 200-208.

⁸ Слезкин А.В. Образы Московского Кремля в архитектуре храмов неорусского стиля // Архитектурное наследство. – 2007. № 47. – С. 287-299.

⁹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1, Д. 3968. С.36, 36 об.

¹⁰ Там же. С. 39-40 об.

¹¹ Известия Общества Гражданских инженеров. – 1889. №8. – С.3-4.

¹² ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3515 (О постройке каменного храма при Всехсвятском единоверческом монастыре). С. 1 об., 2 об., 4 об., 5 об.

¹³ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 19608 (Дело по отношению Владимирской духовной консистории о рассмотрении проекта на постройку каменного корпуса в Шуйском Всехсвятском единоверческом монастыре для трапезной и больницы). В деле имеется проект трапезной, подписанный П. Бегеном.

¹⁴ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 19070 (О рассмотрении проекта постройки каменного храма Милостивого Спаса в городе Иваново-Вознесенске). Л. 1 об. – 3.

**СИЛА ПЕЧАТНОГО СЛОВА,
ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧАСОВНИ В СЕЛЕ КИТОВО**

В селе Китово на протяжении трёх с лишним столетий действовала Благовещенская церковь с приделами во имя преподобного Сергия Радонежского Чудотворца и в честь Святителя и Чудотворца Николая. Поэтому на первый взгляд кажется странным, что главным праздником в Китове «во все времена» считалась «Казанская» – день празднования Казанской иконы Божией Матери (21 июля по нов.ст.). Чтобы в этом разобраться, нужно вспомнить древнюю историю села.

Храм в Китове появился во 2-й половине XVI в. По свидетельству писцовой книги Суздальского уезда 1627-1630 гг., часть села с Благовещенским храмом в 1610 г. стала вотчиной С. Отяева, после его смерти перешла к его сыну Афанасию. Церковь была «древяна клетцки... образа, и книги, и ризы, и колокола, и всякое строение мирское»¹.

Но, кроме храма, была в Китове еще одна святыня – древняя Казанская икона, которая «почитается прихожанами за чудотворную и пользуется особенным почитанием»². Икона была украшена «фризою, вышитою жемчугом и дорогими камнями, и сребропозлащенным венцом» и хранилась в часовне.

Духовная ценность часовни многократно усиливалась местом её нахождения. В Китове бытовало местное предание о «святых праведных»: «священноиерее» Григории, дочери его Евфросинии и учениках Димитрии и Артемии, живших в Китове в конце XVI в. и прославившихся в округе своими богоугодными делами. Мощи праведных были погребены в местной Благовещенской церкви, тогда деревянной. В мае 1659 г. во время большого пожара, охватившего всё село, церковь сгорела. Но гробницы китовских святых сохранились, и в том же году архиепископ Суздальский Стефан благословил построить новую церковь на месте сгоревшей и установить гробницы там, где «почивают чудотворные мощи». Деревянный храм был вскоре восстановлен.

После того, как в 1830-е гг. храм был перестроен в камне, на месте старой церкви была устроена деревянная часовня. Точный

год постройки её неизвестен, но в документах китовской церкви указано: «При церкви находится деревянная часовня, крытая железом. С разрешения Епархиального начальства в 1866 году возобновлена Анной Васильевной Гарелиной³ деревянная на каменном фундаменте часовня». ⁴ Из документа следует, что часовня была и ранее 1866 г., т.к. она «возобновлена».

«Преданья старины глубокой» о китовских святых со временем поблекли, и поэтому часовня для прихожан к концу XIX в. была связана только с Казанской иконой Богоматери. «Новая жизнь» китовского малого храма началась с выходом в свет в 1893 г. труда московского священника, уроженца Шуи Николая Михайловича Миловского «Неканонизованные святые гор. Шуи»⁵. Это агиографическое исследование было посвящено обобщению сведений о местночтимых святых шуйского края – Иоакиме Шартомском и шуйских (китовских) святых: иерее Григории, Димитрии, Артемии, Евфросинии.

В 1896 г. вместо «обветшавшей» часовни была построена новая, также деревянная входная часовня.⁶ А в 1905 г. в часовне (на предполагаемом месте захоронения китовских праведников) был устроен памятник в виде надгробия с чугунной крышкой-плитой. Кто перестроил часовню и устроил памятник, мы пока не знаем, но, несомненно, восстановлению памяти о китовских праведных немало способствовал шуйский мещанин М.К. Петров, организатор местной правомонархической организации⁷.

Этому событию предшествовала долгая переписка М.К. Петрова с руководством Владимирской епархии. В 1901 г. он писал архиерею, чтобы выяснить вопрос – можно ли написать икону китовских святых. В 1904 г. в прошении на имя архиепископа Владимирского и Суздальского Сергия он спрашивал разрешения поставить памятник в Китове на месте погребения святых. Причиной такого почитания местных святых М.К. Петров называет «исцеление от них».⁸

Переписка длилась несколько лет (до 1907 г.), петровские «челобитные» дошли даже до Св.Синода, откуда сообщили: дозволяется памятник с надписью: «Здесь погребены священноиерей Григорий, Димитрий, Артемий, Евфросиния», без слова «святые» и без иконы. Памятник планируется установить в ограде: «1 аршин вышины и ширины и 2 аршина длины, обитый с 4-х сторон железом»⁹.

М.К. Петров пишет снова, протестуя против невозможности написать слово «святые» и ссылается при этом на ряд литературных источников: книгу Н.М. Миловского, «Русский сводный иконописный подлинник XVIII в.» и «Книгу глаголемая Описание о Российских святых» (1888). Владимирская духовная консистория со ссылкой на Св.Синод не разрешает считать их святыми. И всё же не совсем понятно, с какой целью М.К. Петров вплоть до 1907 г. боролся за «правильный» по его мнению текст на памятнике, хотя он был установлен двумя годами ранее. Можно предположить, что М.К. Петров хотел «задним числом» утвердить уже написанное в часовне.

Известный шуйский краевед Н.А. Звездин в 1932 г. сделал краткое описание часовни, в том числе переписал текст с памятника¹⁰. Вне всякого сомнения, всё написанное там является копией с книги Н.М. Миловского.

На северной стороне надгробия написано: «Копия с древней грамоты: Благословение Великого Господина Преосвященного Стефана архиепископа Суздальского и Тарусского, Николая Чудотворца Шартомского монастыря Архимандриту Павлу. В нынешнем 1659 году мая 17 день писал ты к нам: в нашей Архиепископии в Шуйском уезде изволением Божиим село Китово выгорело и церковь Божия сгорела, и после де пожару в село Китово ездил ты проведывать, и в селе де Китове которые чудотворные мощи были в гробницах, и от огненного запаления гробницы сгорели, ныне де мощи святых лежат никем же брегомии и церковное место не огорожено».

С южной стороны надгробия надпись: «Здесь в селе Китове до 1659 года мая 17 дня на сем месте был храм Божий и который волею Божию сгорел, в котором погребены были святые мощи святых праведников: священноиерея Григория, Димитрия, Артемия и Евфросинии, иже в Китове селе, Шуйских чудотворцев, село поприщ три от града Шуи. Память коих празднуется 30 сентября. Памятник сей воздвигнут от почитателей святых в 1905 г., через 246 лет».

На западной стороне: «в иконописном подлиннике XVII века память Китовских праведников значится 30 сентября». Впереди – икона с изображением чудотворцев.

В 1931 г. церковь и часовня были закрыты, сначала временно, в декабре 1933 г. окончательно. Через 30 лет оба храма были разрушены.

Имена китовских святых в 2000 г. внесены в Собор Ивановских святых, который празднуется 20 июня (по новому стилю). Позднее они стали считаться местночтимыми. На месте разрушенного китовского храма 13 октября 2005 г. освящена небольшая часовня в честь Казанской иконы Божией Матери. Но это уже другая история...

¹Иванов Ю. А., Маштафаров А. В. Григорий, Евфросиния, Артемий и Димитрий // Православная энциклопедия / под общ.ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. – Т. 12. – С. 719.

²Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии // сост. В. Березин, В. Добронравов. – Владимир: типо-литография В. А. Паркова, 1898.– Вып. 5. – С. 60.

³А.В. Гарелина – шуйская купчиха, хозяйка усадьбы в Китове, много сделавшая для благолепия местной Благовещенской церкви.

⁴Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 390. Оп. 1. Д. 6.

⁵Впервые: Мировский Н.М. Неканонизованные святые г. Шуи // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – 1893. – Кн. 2.

Затем отдельное издание: Неканонизованные святые гор. Шуи Владимирской губернии. Опыт агиографического исследования. Священника Николая Мировского. – М.: Университетская типография, 1893.

⁶ГАИО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 12.

⁷Подробнее о Петрове см.: Ю. А. Иванов. Уездная Россия: местные власти, церковь и общество во второй половине XIX – начале XX в. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003.– С. 120-138.

⁸Государственный архив Владимирской области. Ф. 556. Оп. 1. Д. 4682.

⁹Там же.

¹⁰ГАИО. Ф. Р255. Оп. 1. Д. 13.

М. Ю. БАЛЬМОНТ
(г. Шуя)

ГОРОД ШУЯ НА СТРАНИЦАХ МОСКОВСКОЙ ГАЗЕТЫ «РУССКОЕ СЛОВО»

В начале прошлого века город Шуя являлся одним из наиболее экономически значимых и крупных уездных городов России, но на страницах центральной прессы вести из него появлялись нечасто. И тем приятнее, что одна из крупнейших ежедневных газет России, политическая, общественная, экономическая и литературная газета без предварительной цензуры «Русское слово» периодически публиковала информацию о нём. Мы представляем публикации о городе за период 1906-1912 гг., к сожалению, написанные в основном телеграфным слогом, но дающие определённое представление о его беспокойной жизни.

Газета от 12 июня (30 мая) 1906 года.

«ШУЯ, 29, V. В воскресенье в Марьиной роще состоялся тысячный митинг рабочих. Казаки и полиция разогнали толпу нагайками. Пострадало, по слухам, до 50-ти человек. Убитых нет. Произведены аресты. Ожидается ещё сотня казаков. Настроение тревожное».

Газета от 19 (06) сентября 1906 года. «В деревне».

«ШУЯ, 5, IX. Крестьяне деревни Погорелки пытались всем обществом сделать порубки в имении графа Шереметева. На место порубки явилась полиция и 15 стражников. Порубка прекращена: двое крестьян арестованы и высланы во Владимир».

Газета от 07 февраля (25 января) 1907 года. «Рабочая жизнь».

«ШУЯ, 24, I. Рабочие всех фабрик собрались на площади для обсуждения вопроса о мерах понижения цен на хлеб. Избрана комиссия для разработки вопроса. Решено предложить всем ближайшим фабричным районам объединиться в борьбе с хлебными торговцами».

Газета от 07 апреля (25 марта) 1907 года. «Рабочая жизнь».

«ШУЯ, 24.III. Ночью арестован известный Арсений, организатор местных рабочих. Сегодня все фабрики стали. 10000 рабочих требуют освобождения Арсения. Настроение тревожное».

Газета от 11 октября (28 сентября) 1907 года. «Выборы в третью Думу».

«ШУЯ, 27, IX. По второй городской курии по Шуе и Иванову прошёл кандидат прогрессивных избирателей, бывший wyborщик в первые две Думы ветеринарный врач Невский».

Газета от 26 (13) октября 1909 года. «В России».

«ШУЯ, 12, X. В пригородном селении Панфиловке взрывом бомбы убит фабричный рабочий. Дом разрушен. Найдены ещё четыре бомбы и оружие».

Газета от 14 (01) января 1912 года. «Встреча нового года». «Метрополь».

«В «Метрополе» за месяц все столы расписаны, и за столами все такие «тузы», каких не во всякий биржевой день встретишь на Ильинке. Занято свыше 150 столов, за которыми более 1500 человек «избранного» московского общества. Не столько титулованных, сколько денежных людей. <...> Общий вид зала совершенно не узнаваем. С потолка к фонтану спускаются четыре огромных бабочки, переливающиеся разноцветными огнями с гирляндами, на которых сияют цифры 1912. Такие же огромные бабочки в четырёх углах зала спускаются с потолка и соединяются с центральными бабочками и между собой красивыми гирляндами из разноцветных лент.

В нише за эстрадой – большое красивое панно, изображающего громадного индийского слона с великолепным балдахин-палаткой на хребте и красивым щитом, также украшенным датой 1912. Почти по всем архитектурным линиям зала – у фонтана, у отдельных больших круглых столов – размещены грандиозные ветви ландышей в несколько аршин высоты с электрическими лампочками в чашечках цветка.

За столиками вся заводская плутократия московского промышленного района. Здесь не только Москва – здесь Шуя, Серпухов, Подольск, Иваново-Вознесенск. Здесь люди, которые делают дела, ведут колоссальные предприятия и в то же время умеют тратить колоссальные деньги на свои забавы. Беговые и скаковые лошади, автомобильные коллекции, аэроплан-ные увлечения, снаряжение экспедиций в неведомые земли – вот забавы этих людей...».

Т. А. КРАСНИЦКАЯ, А. С. СЕМЯГИНА
(г. Шуя)

**«НЕДОСТАТКИ ТОРМОЗЯТ РАБОТУ»
(О МАТЕРИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ШУЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА
В КОНЦЕ 20-Х ГГ. XX В.)**

В 1921 г. в Шуе после реорганизации краткосрочных рабоче-крестьянских педагогических курсов возник педагогический техникум. В середине 30-х гг. XX в. он был переименован в педагогическое училище им. Н.К. Крупской. История его функционирования (уже была предметом исследования авторского коллектива)¹ в условиях пристального внимания общества к проблемам развития педагогического образования сегодня и 100-летнего юбилея техникума представляет научный интерес. Сохранившиеся архивные документы, ранее не изученные и не введенные в научный оборот, позволяют детально изучить разные стороны жизнедеятельности этого учебного заведения.

В данной статье речь пойдет о проблемах материального обеспечения Шуйского педагогического техникума в конце 20-х гг. XX в. В 1928 г. в центре внимания Губернского отдела народного образования стоял вопрос о работе техникума, который испытывал множество проблем. В частности, в деле «Протоколы заседания президиума и пленума Горсовета и переписки с отделом народного образования по вопросам ликвидации неграмотности» отмечалось, что учебное заведение из-за неудовлетворительного подбора административного состава находилось несколько лет в «ненормальных условиях: не выполнялся нормальный учебный план, снабжение учебными пособиями было поставлено крайне слабо и т.д.»². Для устранения данных явлений в 1927-28 уч.г. при содействии местных организаций произошли подвижки в административном составе педагогического техникума. Но в 1928-29 уч.г. встала проблема финансового характера. Учащиеся Шуйского педагогического техникума в особой резолюции от 27 сентября 1928 г., адресованной администрации учебного заведения, указывали, «что средства, отпускаемые на учебную часть [100 р. – Т.К.], являются слишком недостаточными и не удовлетворяют самых насущных учебных потребностей»³. Техникуму не хватало оборудования для каби-

нетов, отсутствовали мастерские и «учебные хозяйства». В целях «правильной постановки физического воспитания» учебному заведению требовался спортивный инвентарь⁴.

Выделяемые в недостаточном количестве средства сказывались на отоплении и освещении зданий техникума и общежития. В 1927-28 уч.г. в целях экономии дров студенты вынуждены были заниматься одетыми, «свет гасился в 11 часов вечера, тогда как, в силу большой учебной нагрузки студенты» занимались и до 12 часов ночи⁵.

Учащиеся жаловались и на бытовые проблемы и желали увеличения стипендии, размер которой составлял 10 рублей. Эта сумма позволяла удовлетворить небольшую толику запросов, главным образом питание в столовой (9 руб.). Оставшиеся средства шли на уплату различных взносов: профсоюзных (10 коп.), интернациональных (5 коп.), в комсомол (5 коп.), в кассу взаимопомощи (10 коп.). Только шестьдесят пять копеек оставалось на другие нужды: «баня, мыло, сахар, учебные принадлежности, культурные развлечения»⁶. Для удовлетворения культурных запросов учащиеся настаивали на выделении средств для приобретения громкоговорителя. В целом студенты Шуйского педагогического техникума требовали улучшения своего положения, ссылаясь на то, что подобный вопрос в других учебных заведениях подобного типа решался «удовлетворительно».

Резолюция студентов являлась ходатайством как перед местными властями (Шуйским Горсоветом) об увеличении бюджета техникума на 1928-29 уч.г., так и администрацией учебного заведения, которая должна была принять все усилия по улучшению его положения.

По рассмотрению данного вопроса Губернский отдел народного образования констатировал, что «с наступлением нового учебного года необходимо продолжить работу по укреплению техникума, что в свою очередь должно найти отражение в сметах на его содержание», т.к. по сведениям ГУБОНО на предстоящий бюджетный год заложена «прошлогодняя сумма, предполагающая прежний невыполняемый нормальный учебный план, не вносящая улучшение в дело снабжения техникума учебными пособиями и не позволяющая серьезно ставить вопрос об осуществлении сельскохозяйственного уклона»⁷.

В сложившейся ситуации ГУБОНО просил Шуйский Горсовет «удовлетворить заявку техникума на зарплату (160 нед. ча-

сов по новым ставкам и на учебные расходы (расходы по с/хоз. практике, оборудование и содержание мастерских, организация педагогического кабинета)», что соответствовало решению губернского партийного совещания по вопросам народного образования»⁸.

Вопрос о материальном положении Шуйского педагогического техникума не являлся частным, он свидетельствовал о тех трудностях, которые существовали в деле педагогического образования на местах в 20-е гг. прошлого века в стране, позволяя нам – потомкам – увидеть реальную картину прошлого.

¹ Новые материалы из истории Шуйского педагогического техникума в 20-е гг. XX в. // Научный поиск. – 2019. – №2 (32). – С. 58-59.

² ГАИО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 53. Л. 6.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Там же. Л. 7

⁶ Там же. Л. 7

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 6 об.

Н. М. КУРИЛЕНКО
(г. Юрьев-Польский)

МЕДИЦИНСКАЯ ДИНАСТИЯ ЮДИНЫХ ИЗ ГОРОДА ШУИ

Аполлон Федорович Юдин (31.12.1892-23.11.1960) родился в селе Морозовское Галичского уезда Костромской губернии в семье мещанина города Шуи **Федора Алексеевича Юдина**. Его матерью была **Августа Аполлоновна Юдина**, урожденная Завьялова (11.11.1867 – 13.01.1907) из города Чухломы.

В 1903 г. Аполлон Юдин поступил в Костромскую гимназию, в 1911 г. – на медицинский факультет Императорского Московского университета, но окончить академический курс не позволила начавшаяся Первая мировая война. С началом войны врачей в госпиталях стало не хватать, поэтому медицинские учебные заведения России снимали с учебы студентов-медиков старших курсов, присваивали им должности «зауряд-врачей» и отправляли на фронт или в военные лазареты в тылу.

В 1915 г. Аполлону Федоровичу пришлось прервать учебу. Он был прикомандирован к Военно-санитарному управлению 58 пехотного полка Московского округа и направлен в военно-тыловую госпиталь города Юрьева-Польского младшим зауряд-врачом, где он проработал 2 года 8 месяцев.

В городе Юрьеве-Польском жила семья моей бабушки Марии Ивановны Хлебниковой (1868-1932). 24 января 1918 г. Аполлон Федорович Юдин обвенчался с ее старшей дочерью – Анной Александровной Хлебниковой (1892-1953). 8 октября 1918 г. в семье Юдиных родился первенец – сын Аполлон.

22.02.1918 г. было выпущено постановление Наркомпроса РСФСР «О присвоении звания лекаря зауряд-врачам, имеющим 9 и 10 полных семестров и не менее года практики».

16.04.1918 г. Аполлон Федорович Юдин получил Свидетельство об окончании Московского Университета: *«От Совета Московского Университета лекарю Аполлону Юдину дано сие свидетельство в том, что он по надлежавшему испытанию в Медицинском факультете определением Университетского Совета 13 апреля 1918 года состоявшимся, утвержден в звании Уездного врача. Дано в Москве. Апреля 16 дня 1918 г.»*¹.

В августе 1918 г. Аполлон Федорович был вновь мобилизован, но уже в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА). До 1923 г. он работал врачом в различных полевых госпиталях на Западном и Восточном фронтах Гражданской войны.

Гражданская война, служба в РККА:

08.1918 – Госпиталь 1012 Восточный фронт – младший врач;

01.1919 – Госпиталь 1012 Восточный фронт – главный врач;

12.1920 – Перевязочный отряд 21 бригады – главный врач;

04.1921 – Бригадный лазарет 7 дивизии, 13 Стрелкового полка город Гадяч (Полтавская область Украины) – старший врач полка;

02.1923 – Легкий артдивизион 15 Сивашской дивизии – старший врач;

02.08.1923 – после увольнения в запас из РККА вернулся в город Юрьев-Польский.

26 марта 1926 г. в городе Юрьеве-Польском в доме № 3 по ул. III Интернационала (до 1917 г. – улица Большая) у Анны

Александровны и Аполлона Федоровича Юдиных родилась дочь Галина.

Летом 1931 г. Аполлона Федоровича перевели в город Шую, где с 1931 по 1941 г. он работал сначала санинспектором в Горздравотделе, а впоследствии – главным врачом Шуйской городской санэпидстанции. Ему и его семье выделили квартиру из двух комнат в деревянном доме на территории 1-й Советской больницы.

Военную медицинскую переподготовку Аполлон Федорович проходил в 1925, 1927, 1932 и 1938 гг. В 1935, 1937 и 1950 гг. он обучался на 3-х месячных курсах эпидемиологов в Москве.

В первый день Великой Отечественной войны 22.06.1941 г. Аполлон Федорович был мобилизован на фронт.

Великая Отечественная война. Служба в Советской Армии

07.1941 – Инфекционный госпиталь № 2343 – начальник отделения.

03.1942 – Инфекционный госпиталь № 842 – начальник госпиталя.

05.1942 – Санитарный контрольный пункт 30 – начальник пункта.

07.1942 – Инфекционный госпиталь № 4257 – начальник отделения.

Должности

17.03.1942 – военврач 2 ранга.

17.06.1943 Майор медицинской службы. Начальник тыла.

Награды майора медицинской службы Аполлона Федоровича Юдина, полученные во время Великой Отечественной войны:

1943 год – медаль «За Боевые заслуги»;

1944 год – орден «Красной Звезды»;

1945 год – медаль «За Взятие Берлина»;

1945 год – медаль «За Доблестный труд в ВОВ».

Описание подвига Юдина Аполлона Федоровича и представление к правительственной награде –

Ордену «Красная Звезда»

Начальник медицинского отделения майор медицинской службы инфекционного Госпиталя 4257 Юдин Аполлон Федорович

вич является ведущим инфекционистом госпиталя. Работает в и. г. с 01.08.42 г. Врач-эпидемиолог с большим стажем весь свой опыт, свои знания, свою энергию вкладывает в дело спасения и быстрого восстановления больных бойцов, командиров и политработников. Работает самоотверженно, не считаясь со своим временем. Благодаря неутомимой энергии тов. Юдина смертность от инфекционных заболеваний в январе месяце 1944 г. снизилась до 2,5 %. Больным создает исключительный уход. Майор т. Покровский – АВЛ№413, майор Окунев – 68 танков, бриг. Рядовой Аксенов и многие другие болели тяжелой формой сыпного тифа. Благодаря лечению и уходу, созданным тов. Юдиным, они были спасены. Несмотря на большую перегрузку в работе госпиталя (вместо 100 чел. – 450), качество ухода не снижается, и, кроме того, т. Юдин одновременно как ответственный по СХЗ проводит большую работу в этой области. Член ВКП(б), является одним из лучших агитаторов в госпитале. В феврале 1943 года за самоотверженную работу награжден медалью «За боевые заслуги».

Представляется к правительственной награде Орденоу «Красная Звезда».

8 марта 1944 г.

24.08.1945 г. Аполлон Федорович был уволен в запас в звании майора медицинской службы и возвратился в город Шую к семье.

О близком друге Аполлона Федоровича Юдина – Константине Марцилиевиче Кобылинском (1880-1946) хочется рассказать особо. В 1907 г. он окончил фармацевтический факультет Московского университета. С 1907 по 1916 г. был провизором аптеки Земской больницы города Шуи, а затем 30 лет до 1946 г. работал заведующим той же аптекой, но уже 1-й Советской больницы (до революции – Земской). Кроме того, он преподавал в Фельдшерско-Акушерской школе при этой больнице. Особенно большую роль сыграла аптека в годы войны. Несмотря на трудности военного времени, в ней всегда можно было найти все необходимые медикаменты и лечебные препараты. В аптеке 1-й Советской больницы в 1931-1956 гг. работала фармацевтом сестра моей мамы Ангелина Александровна Хлебникова.

После Великой Отечественной войны Аполлон Федорович Юдин несколько лет был заведующим Горздравотделом, а в последние годы – главным врачом Городской санэпидстанции.

Аполлон Федорович Юдин скончался 23.11.1960 г. и был похоронен на Заречном кладбище города Шуи.

Дети Аполлона Федоровича Юдина тоже стали медиками. Его сын – **Аполлон Аполлонович Юдин** (1918-1961) родился в городе Юрьеве-Польском. В 1931 г. переехал с родителями в Шую, где окончил среднюю школу.

В октябре 1939 г. Аполлон Юдин был призван в Красную армию. Последнее довоенное письмо от него пришло из-под Киева, где его застала война. В июне 1941 г. он был командиром отделения в составе 5 армии, которая в начале войны вступила в бой с силами немецкой группы армий «Юг». Отступая с боями от Ковелядо Киева, 5 армия понесла тяжёлые потери и была окружена. Пробиваясь к своим в сентябре 1941 г. Аполлон Юдин и его товарищи нарвались на немецких мотоциклистов и оказались в плену. В т.н. Киевском котле оказалось 665 тыс. советских пленных. Немецкий концлагерь на Украине, затем концлагерь в Германии...

В апреле 1945 года он был освобожден американскими войсками, и служил в Германии еще год. Родные ничего не знали о нем до мая 1946 г.

После демобилизации 07.05.1946 г. Аполлон возвратился домой в Шую. Осенью 1946 г. поступил на лечебный факультет Ивановского медицинского института. Окончив мединститут, в 1952 г. вместе с женой Зоей, тоже молодым врачом, получил распределение в Якутию в город Вилуйск, где они отработали 6 лет. В 1956 г. он обучался на курсах повышения квалификации в Москве, где прошел специализацию по общей хирургии.

После возвращения из Якутии Аполлон Юдин с 1958 по 1960 гг. работал в Шуйской Городской больнице врачом-хирургом, ординатором хирургического отделения.

21.01.1961 г. Аполлон Аполлонович умер от рака, сказались последствия падения с мотоцикла, на котором он перемещался по Якутии для оказания медицинской помощи населению этой огромной территории. Похоронен в Шую на Заречном кладбище.

Жена Аполлона Аполлоновича Зоя Петровна Юдина (урожденная Катураева) (1928-2000) родилась и выросла в городе Шую, окончила Ивановский медицинский институт по специ-

альности гинекология. Вместе с мужем они отработали 6 лет по распределению в Якутии. С 1959 г. по 1961 гг. работала акушером-гинекологом в Первомайской больнице города Шуи.

В 1961 г. после смерти мужа Зоя Петровна Юдина поступила в аспирантуру 1-го Московского мединститута, защитила кандидатскую диссертацию, в дальнейшем работала и преподавала на кафедре акушерства и гинекологии 1-го Мединститута в Москве. Похоронена в Москве на Щербинском кладбище.

Дочь Аполлона Федоровича Юдина – Галина Аполлоновна Юдина, в замужестве Кладкевич (26.03.1926-20.04.2011), родилась в городе Юрьеве-Польском. В 1931 г. она переехала с родителями в город Шую, в 1944 г. окончила там среднюю школу, поступила на фельдшерское отделение Шуйского фельдшерско-акушерского техникума, а после окончания техникума с сентября 1949 г. работала медицинской сестрой в 1-й Советской (с 1958 г. инфекционной) больнице города Шуи.

С 1964 по 1968 гг. Галина в течение 5 лет была медсестрой на Дальневосточной границе в районе города Благовещенска, где служил ее муж-офицер Иван Кладкевич. После его демобилизации в 1968 г. семья обосновалась в городе Калинин (Твери). Тетя Галины – Ангелина Александровна Хлебникова (1900-1979) жила вместе с ними.

Галина Аполлоновна 40 лет (1968-2009) проработала медсестрой в поликлинике при больнице № 6. Она похоронена на кладбище городе Твери.

Дело, которому служил Аполлон Федорович Юдин, стало примером и для его детей, которые также преданно до конца своей жизни работали в медицине.

¹ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 325. Д. 1998

Д. С. МАРКОВ
(г. Шуя)

ТЕЗИНСКИЕ ОСЕРЁДКИ

Река Теза издавна играла большую роль в жизни города Шуи. В работах краеведа В.А. Борисова имеется указание на то, что река использовалась для рыболовства, а также выполняла

роль важной транспортной артерии, так как *«въ то время дороги были такъ неудобны»*¹.

На протяжении XVII-XIX вв. приоритет в использовании реки периодически отдавался то судоходству, то строительству мельниц, однако с началом активного развития мануфактур «шуйский флот»² стал важным фактором экономического развития большинства поселений, расположенных вдоль реки. При этом одной из наиболее серьезных проблем хозяйственного использования Тезы было ее регулярное обмеление, а также образование отмелей, препятствующих движению судов, замедляющих течение и способствующих заболачиванию поймы.

В научной терминологии для обозначения мелей и островов на руслах рек используется термин «осерёдки», а в ряде краеведческих публикаций говорится об островах на Тезе. Однако при этом до сих пор «Тезинские осерёдки» не были объектом самостоятельных историко-географических исследований, не определено их происхождение, а также отсутствуют данные о возможных направлениях использования многочисленных русловых островов в хозяйственной и природоохранной деятельности. Накопленная за последние годы информация о природных особенностях Тезинских осерёдков позволяет использовать их для проведения историко-географических палеореконструкций и проведения исследований по выявлению динамики ландшафтов.

Нужно учитывать, что современная трактовка термина «осерёдок» формально не позволяет отнести к ним ряд крупных островов, образованных в русле Тезы (например, о. Конский), что также актуализирует проведение специальных топонимических изысканий. Целью исследования является систематизация информации об истории развития, эволюции и современном состоянии Тезинских осерёдков и русловых островов для выявления их основных характеристик и определения направлений природообустройства и рационального природопользования.

Исследование выполнено по материалам камеральных и полевых исследований, проведенных в 2012-2022 гг. В качестве исходной информации использовались топографические карты масштаба 1:10000 (проекция Pulkovo 1942), а также космоснимки Landsat. Историко-географический блок информации представлен разновременными топографическими картами Владимирской губернии (с указанием широт и долгот) 1855 г. – масштаб в 1 дюйме 1 верста, составленной под руководством

А.И. Менде, а также картами Ивановской области. Пространственный анализ топографических карт проводился с использованием функций ГИС ArcGIS 10.2.

Рельеф окрестностей города Шуя представлен пологоволнистой равниной равномерно и неглубоко расчлененной долинами реки Тезы и ее притоков, оврагами, холмами, озёрными котловинами и заболоченными понижениями. Долины рек широкие, поймы луговые, частично заболоченные. Современная пойменная терраса реки Тезы является аккумулятивной, ширина поймы доходит до одного километра, на пониженной центральной части поймы наблюдается большое количество стариц и старичных озёр³. Глубина вреза русла в пойму в долине Тезы местами достигает 4,5 м, берега поймы крутые и обрывистые. От слияния с рекой Сехой и ниже по течению Теза судоходная, но доступна только для небольших судов. Преобладающая ширина реки 45-50 м (максимальная 110 м, минимальная 20 м), глубина 3-5 м, скорость течения 0,1 м/сек. Дно вязкое, илистое, местами песчаное; берега пологие, редко обрывистые (высотой до 2-3 м).

Обозначение «Тезинские осерёдки» относительно редко встречается в краеведческих публикациях. При этом термин «осерёдок» активно используется в научных работах. В.И. Даль в своем словаре указывает, что *«осерёдок – мель на глубине, на русле, стрежне, среди реки, в виде подводного острова; внезапная, крутая мель на прямом пути судна»*⁴. В трактовке современной геологической науки *«осерёдок – остров или мель, образованные аллювием в русле реки и вытянутые вдоль него. Осерёдок постепенно смещается вниз по течению, нарастая нижним концом и размыкаясь на верхнем конце»*⁵.

Указание на осерёдки на Тезе можно встретить в опубликованном в 2010 г. путеводителе по Шуре (авторы М.П. Шилов и др.). В этой работе указывается, что: *«Осерёдки (мелкие болотистые островки) в русле Тезы напротив фабрики «Шуйские ситцы» имеют в основном лишь познавательное и эстетическое значение. При наличии лодок могут использоваться для временного нахождения отдыхающих»*⁶.

Исходя из современных представлений, к осерёдкам можно относить только небольшие практически полностью заболоченные островки, не имеющие древесной растительности и не прилегающие к берегу, однако в процессе эволюции осерёдки закрепляются деревьями и превращаются в настоящие русловые

острова. Таким образом, русловые острова и осерёдки чаще всего генетически связаны друг с другом. Наиболее дискуссионным является вопрос о том, является ли осерёдкой наиболее крупный русловой остров в черте города Шуи – остров Конский. С этим островом связано много местных историй и памятных событий, он запечатлен на многочисленных картинах и фотографиях, а растущие на острове березы являются одной из доминант узнаваемого шуйского пейзажа, раскрывающегося при взгляде с высокой набережной городского парка культуры и отдыха «Грачевники на Крутихе».

Остров Конский является типичным русловым островом. Он располагается в пойме реки Теза около микрорайона Юрчаково между старым и новым руслами. Площадь острова около 6,5 га. Его название происходит от использования территории под выпас скота. В северной части острова расположено несколько групп берез. Обращенный к русловому потоку северный берег острова подвергается постоянной эрозии и подмыву, в результате чего на дневную поверхность выходят коренные глинистые отложения разного происхождения. Именно благодаря тяжелому механическому составу подстилающих пород и их плотной геологической структуре остров сопротивляется речному размыву и разрушается относительно медленно. Южный берег острова относительно более пологий.

Остров Утиный расположен ниже по течению, его площадь 1,5 га. В плане он напоминает утиный клюв, а также характеризуется постоянными многочисленными популяциями околоводных птиц, что, очевидно, и дало название острову. В геологическом отношении остров Утиный отличается от острова Конский. Он образован аллювиальными отложениями и во время половодья полностью покрывается водой. Таким образом, остров Утиный может быть отнесен к типичным осерёдкам.

Нужно учитывать, что пойменные ландшафты Тезы в районе городского парка и микрорайона Юрчаково были сильно изменены в результате работ по расчистке русла на участке от створа р. Мардас до створа р. Сеха, проведенных в 2019-2021 гг. в рамках федерального проекта «Сохранение уникальных водных объектов» национального проекта «Экология». Результаты ландшафтно-исторического анализа, проведенного с использованием сопоставления разновременных топографических карт, свидетельствуют о том, что осерёдки и русловые острова на Тезе

постоянно изменяются в зависимости от колебания водности реки и специфики протекания русловых процессов. В одних местах осерёдки образуются, в других размываются. Так, например, исчез обозначенный на картах середины XIX в. осерёдок в районе впадения в Тезу реки Сехи выше современного Октябрьского моста.

Несмотря на проведенные дноуглубительные работы в южной части города наблюдается постепенное зарастание русла Тезы водной растительностью, что приводит к увеличению площади описанных выше осерёдков в районе ОАО ХБК «Шуйские ситцы» и на них начинают укореняться деревья, что способствует проявлению ряда экологических проблем, а в перспективе может стать негативным фактором для развития судоходства. Начало формирования осерёдковой многорукавности и появление новых осерёдков на Тезе находится на контроле у природоохранных организаций и включено в перспективные программы природообустройства.

Выявленные тезинские осерёдки и русловые острова являются своеобразными природными объектами, они формируют уникальный облик приречных береговых ландшафтов в черте города. Также они интересны с научной и образовательной точек зрения, по ним накоплен большой массив доказательной историко-географической информации, что создает основу для организации экологических троп, проведения экотуристических маршрутов и учебных экскурсий.

¹Борисов В.А. Собрание трудов (материалов): В 3 Т. Т. 1 / Ред.-сост. Е.Г. Вопилин, В.И. Баделин. – Иваново: МИК, 2001. – С. 71.

²Гулидов А.Ю. «Шуйский флот» // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. 12 / Науч. ред. Ю.А. Иванов. – Шуя, 2020. – С. 86-93.

³Марков Д.С., Яковенко Н.В., Шилов М.П. и др. Озёрно-болотные ландшафты Ивановской области: вчера, сегодня, завтра. – Шуя: Издательство Шуйского филиала ИвГУ, 2014. – 293 с.

⁴Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Цитадель, 1998. – 2030 с.

⁵Геологический словарь: В 2 Т. – М.: Недра, 1978. – 457 с.

⁶Ценные природные объекты города Шуи: Путеводитель. Авторы-составители М.П. Шилов, Д.С. Марков, А.В. Рябов / Отв. ред. В.В. Возилов. – Шуя, 2010. – 120 с.

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

КНЯЗЬЯ ПОЖАРСКИЕ – КНЯЗЬЯ КОВРОВЫ: ГРАНИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Сегодня сложилось так, что благодаря общепризнанному национальному герою князю Д.М. Пожарскому, мы связываем этот княжеский род или с Суздалем, где их родовая усыпальница, или с Южским районом Ивановской области, где в Мугрееве у Пожарских была родовая вотчина.

Между тем, в экспозиции Ковровского историко-мемориального музея «Навечно в памяти народной» князю Д.М. Пожарскому посвящен целый стенд. Почему? Для иллюстрации событий российской истории? Нет. Музейное дело уже давно отошло от таких примитивных приемов. Дело все в том, что малой родиной рода князей Пожарских была Ковровская земля. Об этом как-то забылось за величиной личности князя Д.М. Пожарского. А князья Ковровы, передавшие городу свое имя, являлись близкими родственниками князьям Пожарским, так как все они были ветвями рода князей Стародубских – Рюриковичей. У них общий предок и основатель рода – сын великого князя Владимирского Всеволода Большое гнездо Иван, который правил Стародубским княжеством с 1238 по 1247 гг.

Давайте проследим эти связи Пожарских и Ковровых, опираясь на документы XV-XVII вв., хранящиеся в Государственном архиве древних актов. Есть такие документы и в фондах Ковровского историко-мемориального музея.

Как установлено историками по летописям, род князей Стародубских начинается с одного из сыновей великого князя Владимирского Всеволода Большое гнездо, сына Юрия Долгорукова, основателя Москвы – Ивана Всеволодовича, которому в 1238 году после татаро-монгольского нашествия был отдан город Стародуб (сейчас поселок Клязьминский городок Ковровского района). В Симеоновской летописи об этом записано так: «В лета 6746 (1238) Ярослав, сын Всеволода великаго, седе на столе во Володимере, и бысть радость велика христианом, их же избави Бог рукою Своею крепкою от безбожных Татар; поча ря-

ды рядити, якоже пророк глаголет: Боже, суд Твои цареви даи же и правду Твою сыну цареву судити людем Твоим в правду и нищим Твоим в суд, и потом утвердися в своем честном княжении. Того же лета Ярослав князь велики отда Суздаль брату своему Святославу. Того же лета отда Ярослав Иоанну Стародуб. Того же лета бысть мирно»¹.

Стародуб с момента вокняжения в нем Ивана Всеволодовича и вплоть до последней четверти XIV в. управлялся только одним князем. Дробление княжества на уделы произошло в период, когда Дмитрий Московский (Донской) добился слияния Московского и великого княжества Владимирского в единое целое, и когда стало ясно, что существование по соседству независимого Стародубского княжества препятствует широким объединительным планам московских князей².

В этих условиях сохранение прежней целостности Стародубского княжества стало невозможным, и оно начинает дробиться на уделы. Впервые это произошло, когда на Стародубском престоле находился князь Андрей Федорович, известный в истории тем, что командовал полком правой руки во время знаменитой Куликовской битвы с монголо-татарами в 1380 году³. При нём княжество было поделено на уделы между его четырьмя сыновьями: Василием, Фёдором, Иваном и Давидом, каждый из которых в свою очередь стал родоначальником определённой княжеской фамилии. А именно, Василий – кн. Пожарских, Иван – кн. Ряполовских, Давид – кн. Палецких; его сын Фёдор оставался в Стародубе и считался главным князем с фамилией Стародубский⁴.

Для себя выделим двух сыновей князя Андрея Федоровича Стародубского. Это князя Василия, от которого пошли интересующие нас князья Пожарские; и Федора Стародубского, внук которого Василий Андреевич Стародубский стал первым князем с фамилией Ковер.

В конце XV в. в четвертом поколении от Андрея Федоровича Стародубского, потомков было уже 25 человек, в середине XVI в. Стародубских князей разных фамилий было более сорока⁵. Как писал известный русский историк С.М. Соловьев, «в летописных известиях о княжеских отношениях мы не встретим названий – двоюродный или троюродный брат, русский язык до сих пор не выработал этих степеней родства, как выработали языки других народов»⁶. Но пользуясь современной терминологией

гией, мы назовем Пожарских и Ковровых двоюродными, троюродными и далее братьями.

Теперь обратимся к географическим картам и документам из архива древних актов и увидим, что владения князей Пожарских и Ковровых изначально находились по соседству друг с другом. Об этом свидетельствует и составленная на основе этих документов видным советским историком академиком В.А. Кучкиным карта Стародубского княжества в конце XIV в. Сегодня большая их часть входит в состав современного Ковровского района и вплотную подходит к южным границам города Коврова, даже заходя чуть-чуть в пределы города. Архив хранит межевую грамоту 1490 г. князей Фёдора и Василия Фёдоровичей Пожарских, правнуков первого князя Пожарского – Василия Андреевича, на село Троицкое (современное с. Троицко-Никольское в Ковровском районе), которая подтверждает сказанное нами. Есть подлинный список того времени с этой грамоты и в фондах Ковровского историко-мемориального музея. Там, к примеру, такие слова: «...да яз, Федор здал Василию Иванисовские деревни два рубля, да мне жо ся, Федору достало полсела Троицкого Черневская сторона от рубежа от князя Василева от Коврова от сосны от рубежные, а та сосна стоит у черного колодязя со входную сторону, а от тое сосны пошла межа долом по тесом, да на путь, да дошед Белого камени по ямам между Нижнего лугу и Верхнего, да к пруду к Верхнему...»⁷. Из данного фрагмента очевидно, что князья Пожарские и Ковровы изначально являлись ближайшими соседями, а современное село Троицко-Никольское являлось владением князей Пожарских.

Каким образом князья Пожарские оказались в Мугрееве, которое стало их родовой вотчиной, и куда после ранения приехал на излечение князь Д.М. Пожарский? Ответ на этот вопрос дает обнаруженная позднее других документов меновная грамота середины XV в. князей Д.В. Пожарского и Д.И. Ряполовского. Из нее стало очевидным, что Мугреево было исконной вотчиной князей Ряполовских, а первоначальным владением князей Пожарских была волость Пожар. Князь Даниил Пожарский, сын первого князя Пожарского Василия, «променил князю Дмитрию свою отчину Пожар со всем и с тем, што к нему потягло, как было за моим отцем за князем за Васильем за Ондреевичем» на Мугреево⁸. Аналогично князья Ковровы после всех разделов стали обладателями волости Коврово. В Данной грамоте княги-

ни Марии Семеновны Ковровой 1571/72 гг., жены Василия Ивановича Коврова – внука первого князя Коврова, например, написано, что она передает Спасо-Евфимиеву монастырю село Андреевское с деревнями Суворовской, Салтанова и Угримовой Фролова в Коврове в Стародубе Рязановском⁹.

Здесь для большей ясности нам следует отвлечься на то, что собой представляло административно-территориальное устройство русского государства в XV–XVII вв., ядром образования которого стала Владимиро-Суздальская земля. Отметим сразу, что процесс образования административно-территориальных единиц не зафиксирован в актах того времени – их возникновение обусловлено необходимостью подсчета населения для налогового обложения. Таким образом, стихийно сложилось и было закреплено деление на уезды, волости и станы. Уездов насчитывалось более двухсот. В основу уездного деления были положены главным образом прежние феодальные владения, княжества. Одни и те же земли могли в разное время относиться к разным уездам, устоявшейся уездной системы до реформ Петра I не сложилось. Уезды делились на волости и станы. Центром волости являлось село – крупное поселение, имевшее свою церковь. К селу тянулись окрестные деревни. Наряду с волостями в уездах были станы. Единообразия в их значении не было, например, волости могли делиться на станы или, наоборот¹⁰. У нас, судя по сохранившимся документам, как раз было наоборот. Применительно к нашей местности административно-территориальная цепочка выстраивается следующим образом: Суздальский уезд – Стародуб-Рязановский стан – волости (Коврово, Пожар, Мугреево и пр.).

С волостью (в документах встречается вотчина или отчина) Коврово более или менее все ясно, она приблизительно очерчена в сохранившейся «Деловой с отводом кн. Ивана, Андрея и Семена Васильевичей Ковровых на вотчину их отца сс. Андреевское и Рождественное с дд.».

«Се яз, князь Иван, да яз князь Андреи, да яз, князь Семен, Васильевичи Ковровы поделилися есмя меж собою отца свево вотчиною княже Васильевою Ондреевича.

Мне, князь Ивану, досталось село Ондреевское, деревня Угримова, деревня Суворовская, деревня Неклюдова, деревня Орлово, деревня Родивонова, деревня Давыдково, починок Хо-рошкин.

А мне, князь Ондрею, досталось деревня Мокеевская, деревня Булгаковская, деревня Каверзино, деревня Мертушевская, деревня Екатово, деревня Гусева, деревня Шевлаевская, деревня Олешкова, деревня Лукаяновская, деревня Сычикова, деревня Шашавих, деревня Зурчевская.

А мне, князю Семену, досталось село Рождественное, деревня Мазнево, деревня Ванчево, деревня Вершинино, деревня Скородумово, деревня Дрожиловская, деревня Морызобская, деревня Кудрино, деревня Сомова, деревня Василиева Наугородцева, деревня Никитиных, деревня Щекиных, деревня Балиматова, деревня Манукова...»¹¹.

А вот с волостью Пожар или Погар историки до сих пор не определились. Ближе всех к разгадке подошёл академик В.А. Кучкин, уделивший в своих трудах значительное место истории Стародубского княжества. «Когда во второй половине XIX – начале XX вв. был опубликован ряд грамот князей Пожарских, то выяснилось, – пишет ученый, – что большинство владений представителей этого рода сосредотачивалось в Мугрееве». На этом основании ряд историков сделали вывод, что родиной Пожарских была местность по верхнему течению рек Луха и Тезы»¹².

География Пожара, по мнению В.А. Кучкина, выясняется на основании показаний духовной грамоты 1521/22 г. князя И.В. Ромодановского. В документе описываются границы владений этого князя, в т.ч. и с Пожаром: «А с Пожаром за Дебрюю и Озерскую рубеж от реки отто Тары по закладницу по Сарыевскую по потесом к Бондаром от Пожара, а от Бондар да к Полтинину починку по потесом ото Осипова и от Пожара; и от Осипова за рубежам к Городищу да к Харетинскому рубежю – левая сторона к Пожару и к Осипову, а правая сторона к Полтинину починку, да к Пазухину Углу, да к Петровскому селу з деревнями и за Дербью к деревням»¹³.

Многие топонимы документа, которому 500 лет, узнаваемы до сих пор, исходя из чего, можно согласиться с В.А. Кучкиным в том, что родина князей Пожарских, волость Пожар, находилась в той же стороне, где и современное село Осипово в Ковровском районе.

Кроме того, и другие сохранившиеся грамоты о земельных операциях и вкладах различных представителей рода Пожарских в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь свидетельству-

ют о том, что Пожары находились где-то неподалёку от современного Коврова. Например, есть несколько грамот 1564-1569 гг. на передачу князьями Пожарскими известного нам села Троицкого в Спасо-Евфимьевский монастырь, в котором мы находим одну и ту же фразу: «...свою отчину в Стародубском уезде в Рязановском в Пожаре сельце Троецкое да деревни того сельца...». На всех данных грамотах помимо подписей князей Пожарских стоит подпись князя Юрия Васильевича Коврова, правнука первого князя Коврова Василия Андреевича, как ближайшего родственника и соседа¹⁴.

Представители рода князей Пожарских владели селом Троицко-Никольским и окрестными деревнями, включая Мелехово, Муравьево, Федотово (вошли в состав современного поселка Мелехово в Ковровском районе), Чернево и др. больше столетия, т.е. были ближайшими соседями князей Ковровых, пока не передали свои владения Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю. Это достоверно прослеживается из сохранившихся и опубликованных различных грамот того периода¹⁵.

Самая ранняя из них, приблизительно датируемая исследователями в интервале между 1440 и 1470 гг., как раз определяет, когда Пожарские стали владельцами с. Троицкого. Это «Меновая кн. Федора Даниловича Пожарского на промен троюродному брату Мих. Ив. [Голибесовскому] дер. Ивановской за его с. Троецкое»: «Се аз, князь Федор Данилович Пожарской, менял есми [с] своим братом со князем Михаилом Ивановичем, с ево селом Троецким и з деревнями, с хлебом со всяким и з бортью, куды соха ходила и топор, и коса, и жен; а яз ему променил деревню Ивановскую, где живет Харитон, што к не[и] потягло, по ево грамоте по отводной, кое же продал своему брату Ондрею. Яз ему, князь Федор, придал к вотчене сорок рублев. А пошлины ординские и выход мне, князь Федору снимати...»¹⁶. Как кн. Михаил Иванович Голибесовский, так и Федор Данилович Пожарский (троюродные братья) являлись правнуками кн. Андрея Федоровича Стародубского, умершего в 1380 г., и, как мы помним, с которого начался раздел Стародубского княжества на уделы.

Таким образом, с середины XV в. князья Пожарские стали соседями князей Ковровых и владели этими землями до передачи их Спасо-Евфимьевскому монастырю. Судя по сохранившимся грамотам, процесс начался в 1557/58 г. и завершился в

1568/69 г. В этот период сельцом Троицким (так оно называлось в документах) владели два родных брата Петр и Иван Васильевичи Пожарские, они и передавали его монастырю. Звучало это в грамотах так: «Се яз, князь Иван Васильевич Пожарской, дал есми к милосердному Спасу Еуфимья чудотворца монастырю, что в Суздале, архимандриту Михаилу и всеи братьи, ... в Стародубе Ряполовском в Пожаре свою вотчину сельцо Троицкое да деревни...». Из текста видно, что сельцо Троицкое находилось в волости Пожар Стародубо-Ряполовского стана Суздальского уезда. А «на послуи» в этом акте передачи, т.е. свидетелем был князь Юрий Васильевич Ковров, ближайший сосед и родственник¹⁷.

Древние грамоты сохранили для нас еще такой факт, что князья Ковровы и Пожарские укрепляли свои родственные связи брачными союзами. Так, женами князя Василия Ивановича Ковра и князя Петра Борисовича Пожарского были дочери князя Семена Михайловича Мезецкого, родные сестры Мария и Федосья¹⁸. Князь Семен Михайлович Мезецкий в 1540-е гг. был воеводой во Владимире и еще в 1576-1577 гг. занимал пост царского наместника и воеводы в пограничном Смоленске.

Из всего сказанного очевидна тесная взаимосвязь князей Пожарских и Ковровых: они были близкими родственниками, их земельные владения находились по соседству. И, наверное, неслучайно в 1981 г. сотрудниками Ковровского историко-мемориального музея именно в Коврове в семье потомков коворовских купцов-старообрядцев Першиных была обнаружена большая картина неизвестного художника, на которой запечатлён приезд послов Козьмы Минина в Мугреево к раненому Д.М. Пожарскому с предложением принять руководство собранным ополчением. Сегодня эту картину можно видеть в экспозиции, посвященной Д.М. Пожарскому в Спасо-Евфимиевском монастыре.

¹ Русские летописи. Симеоновская летопись Т.1. – Рязань: Узорочье, 1997. – С. 90.

² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. – М.: Наука, 1984. – С. 263.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. – СПб., 1819. – Т. 5. – С. 69.

⁴ Родословные книги. Временник МОИДР. – М., 1851. – Кн. 10. – Отд. 2. – С. 64, 248.

- ⁵Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. – Т. 1. – М.-Л.: АН СССР Институт истории, 1947. – С. 54.
- ⁶Соловьев С.М. Об истории древней России. – М.: Просвещение, 1993. С. 68-69.
- ⁷РГАДА. Ф. 1203. Кн. 205. Л. 255 об.
- ⁸Там же. Л. 394.
- ⁹Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608. / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 322-323.
- ¹⁰Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. – М., Наука, 1977.
- ¹¹Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608. – С. 83.
- ¹²Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. – М.: Наука, 1984. – С. 260.
- ¹³Там же.
- ¹⁴Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608. – С. 156-157, 308-309.
- ¹⁵Там же. С. 229-231, 259-260, 308-309.
- ¹⁶Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II. – М.: АН СССР, 1958. – С. 491.
- ¹⁷Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608. – С. 229-231, 259-260.
- ¹⁸Там же. С. 325-326.

Н. Ю. НОВИЧКОВА
(г. Иваново)

МОЛИТВЕННЫЙ ПОДВИГ ПОДВИЖНИКА ИВАНОВСКОЙ ЗЕМЛИ КОЛЕНЬКИ ЕРЕМИНСКОГО

В лоне Русской православной церкви во все времена появляются подвижники, и люди, видя их добродетельную жизнь и молитвенные подвиги, укрепляются в вере. В XX в., отмеченном в истории России гонениями на церковь, также появлялись люди, которые с Божией помощью стойко исповедовали свою веру и являлись примером подлинной христианской жизни.

Они никогда не стремились быть на виду, не думали о своей особой роли и высоком предназначении. Тихо и твердо они несли свое послушание, стараясь не привлекать внимание к своим трудам, не считая свой подвижнический путь навстречу Богу подвигом. Одним из таких подвижников на Ивановской земле был Коленька Ереминский (Николай Дмитриевич Тихомиров), снискавший за свое благочестие большую народную любовь и почитание.

Он родился 28 мая 1901 г. в Костромской губернии, предположительно, в селении Текун. Когда мальчику было семь лет, вместе с родителями переехал на жительство в д. Голузино. Чтобы помогать семье, Коля пошел в подпаски. Ему приходилось много ходить босиком по холодной земле, присматривая за стадом, и вскоре он серьезно простыл. Потом, как он сам говорил, у него наступила «темная вода», т.е. слепота. Николай Тихомиров рано узнал нужду, поскольку его родители умерли, когда ему едва исполнилось 10 лет.

Мальчика взяла на воспитание семья Тихомировых из деревни Еремино¹. Семья была бездетной, и Игумен Ионафан (Чистяков), происходивший из этих мест, благословил Зиновию и Дмитрия Тихомировых принять сироту Николая в качестве сына. В доме приемных родителей он был окружен любовью и заботой.

Потеря зрения обернулась для сироты великой способностью помогать людям. Он хотел приносить пользу всем, кто его окружал. Несмотря на слепоту, выполнял посильную работу по дому, ходил на ключ за водой. Поначалу односельчане даже сомневались в его слепоте. Местные ребята однажды решили подшутить над слепым Коленькой. Когда он пошел за водой, они протянули у него на пути веревку и спрятались в кустах. К их изумлению Коленька остановился рядом с веревкой и объяснил им, что впереди он всегда «видит» как катится яркий шарик, и если он останавливается, то дальше идти нельзя.

В 30-е гг. XX в. Николай Тихомиров принял тайный монашеский постриг. Монашеское пострижение совершал игумен Ионафан (Чистяков). Большую часть времени инок Николай проводил в молитвах и трудах на благо людей. Молился он, как рассказывают очевидцы, очень подолгу, летом в саду под липой, зимой – в маленьком холодном темном чуланчике с узеньким оконцем. Молиться ему удавалось больше по ночам, так как днем все время шли люди со своими бедами. В народе его почитали как блаженного и ласково называли Коленькой.

Димитрий, приемный отец Коленьки умер перед войной, и в сложное военное время он остался жить с приемной матерью Зиновией на самом краю деревни в маленьком домике. В этот скромный дом постоянно приходили люди, и каждый находил там утешение. Коленька своей пламенной верой и молитвой давал людям надежду, исцелял душу.

Господь наделил блаженного способностью видеть и предсказывать будущее. Среди его многочисленных сбывшихся предсказаний – начало Второй мировой войны, год собственной смерти. Число людей, обращавшихся к нему за помощью, постоянно увеличивалось, так что блаженный Коленька в последние годы, по свидетельству его келейницы Параскевы, «ни одной ночи не сыпал», говоря при этом: «Кто молится по ночам, тот слышит звон на небе».

«Таких людей, как Коленька, мало, очень мало! Он действительно жил по Евангельским заповедям. Был очень кротким человеком. Когда давал приходившим к нему людям наставление, не был настойчив в его исполнении, он всегда давал людям свободу выбора. Только кротко советовал. Коленька был большим молитвенником пред Богом. От Господа Бога ему был дан дар – ведать тайны человеческой жизни, что обычно в святоотеческой литературе именуется прозорливостью. Чтобы, зная жизненные обстоятельства людей, Коленька мог им помочь советом, как им идти путем спасительным»². Эти слова принадлежат Протоиерею Михаилу Янцевичу и ярко отражают истинную сущность молитвенного подвига Коленьки Ереминского.

Блаженный Коленька покинул мир и отошел ко Господу в 1977 г. Могила Коленьки Ереминского находится в селе Воздвижение Заволжского района Ивановской области, где он сам завещал похоронить себя. Вместе с ним в одной ограде лежат его приемные родители – Димитрий и Зиновия. Надгробие выложено речным камнем, который принесли с Волги ученики Кинешемской православной гимназии. Над ним возвышается деревянный крест с неугасимой лампадой и надписью: «Блаженны нищие духом». Православный народ почитает его как угодника Божия не только в Ивановской области, но и за ее пределами. Сотни людей благодарны подвижнику за помощь и утешение в трудные моменты жизни. В настоящее время материалы к прославлению блаженного подвижника Коленьки Ереминского в лике святых находятся в Кинешемской епархиальной комиссии по канонизации.

¹ Рапорт Мальчугина Валерия Даниловича от 03.05.2018 г. на имя Преосвященнейшего Илариона, епископа Кинешемского и Палехского

² Рапорт протоиерея Михаила Янцевича от 03.08.2018 г. на имя Преосвященнейшего Илариона, епископа Кинешемского и Палехского.

**КЛАВДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ТИХОНРАВОВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

При упоминании о Клавдии Михайловиче Тихонравове (1863–1929) неминуемо возникает ассоциация с его сыном Михаилом Клавдиевичем – учёным-конструктором, изобретателем первого искусственного спутника Земли. Клавдий Михайлович не имел подобной известности, однако его биография, на наш взгляд, также заслуживает внимания. Источником для неё служат, прежде всего, оставленные им воспоминания, а также архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Владимирской области.

Воспоминания Клавдия Михайловича Тихонравова были надиктованы им сыну Михаилу Клавдиевичу в 1917 или 1918 г. В 1956 г. черновики были разбиты им на разделы, сопровождаются примечаниями и комментариями и набраны на печатной машинке. «Мои краткие биографические сведения» собственноручно записаны К.М. Тихонравовым в 1920 г. и переданы дочери Татьяне¹. 29 июля 1992 г. машинописные копии обоих источников были переданы во Владимиро-Суздальский музей-заповедник сыном Клавдия Михайловича Клавдием Клавдиевичем². Они представляют собой машинописный текст объёмом 19 страниц формата А4, «Краткие биографические сведения» – четыре страницы. Сведений об их публикации не выявлено³. В комментариях М.К. Тихонравова, кроме прочего, упоминается ещё один источник – дневник отца под названием «Книга учителя Тейковского земского училища Тихонравова» 1885 г., который на данный момент не обнаружен.

Прежде, чем перейти к рассмотрению текстов, хотелось бы высказать несколько замечаний общего характера. Мемуары К.М. Тихонравовым доведены приблизительно до 1912 г., однако в настоящей публикации внимание будет сосредоточено на событиях, связанных с его жизнью во Владимирской губернии, т.е. до 1895 г. Примечательно, что воспоминания, помимо Клавдия Михайловича, оставили и другие представители этого семейства: его жена Александра Николаевна, сестра жены Софья Николаевна Воронина, а также дети Михаил, Татьяна, Пётр. Они

разнятся по объёму и содержательности, некоторые написаны в ответ на запросы сотрудников музея-заповедника. Однако сам факт наличия эго-документов сразу нескольких представителей одного семейства не может не вызывать горячую признательность и интерес исследователя. Можно полагать, что инициатива создания мемуаров исходила от самого К.М. Тихонравова – об этом свидетельствуют упомянутые выше «Книга учителя Тейковского земского училища Тихонравова» и «Мои краткие биографические сведения». Объяснить склонность К.М. Тихонравова к мемуарному жанру можно, в том числе, исходя из сословной культуры. По мнению Л. Манчестер, вне зависимости от причин обращения к мемуарам, выходцы из духовной среды использовали их, чтобы продемонстрировать, «насколько духовное происхождение важно для их “коллективной памяти”, ... боролись за утверждение собственной генеалогии российской интеллигенции, подчёркивая свою роль в развитии национального самосознания и культуры»⁴.

Имеющиеся данные не позволяют утверждать, что автор мемуаров рассчитывал на их публикацию – более вероятно, что они были адресованы последующим поколениям семьи Тихонравовых. Возможно, в силу этого воспоминания (по крайней мере, рассматриваемая их часть) отличаются спонтанностью, фрагментарностью, имеют событийный характер, описание среды дано лишь в самых общих чертах, отсутствует чётко выстроенная сюжетная линия. Заметно, что рассказчик порой достаточно критичен по отношению к себе. Воспоминания о родителях занимают достаточно скромное место. Основное содержание посвящено периоду личностного и профессионального становления – учёбе, поиску места службы, ситуациям на работе, общению с родственниками и знакомыми. Обращает на себя внимание широкий круг общения, а также география – характерные черты этого этапа.

Детство в Суздале (1863–1872). «Я родился в 1863 г., 8 марта в городе Суздале, на Покровской стороне, в доме, выстроенном моим прадедушкой» – этими словами начинаются воспоминания К.М. Тихонравова⁵. Выписка из метрической книги Входаиерусалимской церкви города Суздаля свидетельствует, что Клавдий был крещён в этом храме 9 марта. Родители его – священник Покровского девичьего монастыря Михаил Леонтьевич Тихонравов и его жена Юлия Петровна⁶.

Воспоминания о суздальском периоде носят отрывочный характер и состоят из ряда отдельных эпизодов. Закономерно, что ребёнка воспитывали в православном духе: «Меня отец каждый праздник водил в Покровский монастырь ко всенощной и к обедне, – вспоминал Клавдий Михайлович. – Я там в алтаре раздувал кадило и потом теплоту подавал»⁷. Обращает на себя внимание, что уже в тот период Клавдий участвовал в хоре при церкви Петра и Павла. Хотелось бы также отметить черты, характеризующие относительно неплохой материальный достаток семьи священника Тихонравова: прислуга (монахиня Прохорова), отдельный кабинет отца в доме и комнаты, в которых проживали ученики духовного училища, сад. Помимо семейных сцен упоминаются кулачные бои в Суздале, а также катание детей по льду замёрзшей реки при помощи палок-рогулек, вместо полозьев использовались большие кости лошадей.

Годы учёбы во Владимире (1872–1884). В связи с переводом М.Л. Тихонравова в церковь Бориса и Глеба, семья переехала в губернский город⁸. Владимирский период для К.М. Тихонравова связан с учёбой в мужском духовном училище на Воскресенской улице за рекой Лыбедью, а затем во Владимирской духовной семинарии. Воспоминания об этом времени также представляют собой цепь отдельных эпизодов. Несколько общих замечаний касаются распределения времени в течение учебного года, а также перевода из одного класса в другой. Типичной чертой быта учащихся духовного училища является отношение к еде: с началом учебного года ждали приезда учеников из деревень, привозивших с собой домашние лепёшки на сметане: «Мы ими питались, и питались долго»⁹. Ещё один характерный штрих – стремление ребёнка сэкономить данные отцом деньги на завтрак, чтобы купить заветные сладости. Наиболее яркие воспоминания связаны с переэкзаменовкой по греческому языку в третьем классе семинарии, которую Клавдий Тихонравов провалил, оставшись на второй год. Свидетельством взросления служит зарождение интереса к общественно-политической проблематике: «В 3-м классе семинарии я начал либеральничать, – признавался он. – Читал Шелгунова, Писарева, Добролюбова. Мне было лет 15-16»¹⁰. Примечательно, что в круг чтения юного «либерала» вошли публицисты-шестидесятники, при том, что на дворе был уже конец 1870-х гг. От этого эпизода можно протянуть нить сюжета к истории с

тайной семинарской библиотекой, которая была обнаружена министерством внутренних дел в июне 1884 г. К числу лиц, тесным образом связанных с этой библиотекой, принадлежал и ученик 6 класса Клавдий Тихонравов¹¹.

Поступление в учителя (1884–1890). Название этому жизненному этапу, на наш взгляд, весьма метко дано М.К. Тихонравовым: он действительно представляется затянувшейся попыткой определиться с местом службы. Свидетельствами неустойчивости этого периода являются частая перемена мест: К.М. Тихонравов пробовал себя в роли учителя в начальных училищах Тейково, Алферьево и Гумниц Шуйского уезда¹², Карачарово Муромского уезда¹³, кроме того, переезжал в Иваново-Вознесенск, Владимир, Санкт-Петербург. Перед читателем предстаёт вереница разных уголков губернии, целая галерея близких и дальних родственников, коллег по работе, знакомых, а также официальных лиц. Среди последних – Шуйский уездный предводитель дворянства И.С. Шмидт, председатель Шуйской уездной земской управы Д.К. Бальмонт, член этой управы Нечаев, инспектор народных училищ Владимирской губернии К.К. Кноблах. К сожалению, об И.С. Шмидте и Д.К. Бальмонте, а также его супруге В.Н. Бальмонт автор упоминает лишь вскользь, поэтому сообщённые им сведения не добавляют исследователю новых фактов. Благодаря Нечаеву К.М. Тихонравов получил первое официальное место работы в Тейковском начальном училище. К.К. Кноблах из-за предвзятого отношения к молодому учителю и его подопечным удостоился крайне отрицательной характеристики¹⁴. Можно предположить, что причиной «страсти к перемене мест» являлись отсутствие прочных социальных связей, невысокие заработки сельского учителя («из своего ничтожного жалования я всё-таки скопил рублей сорок» – признавался он), нетерпимость к монотонной жизни. Интерес, упрочившийся в тот период, – хоровое пение. Куда бы ни забросила судьба вчерашнего семинариста, он находил возможность проявить свои музыкальные способности, приобщал к музыке местных школьников. Надо сказать, что любовь к пению К.М. Тихонравов пронёс сквозь всю жизнь: среди архивных фотографий есть, например, снимок Переславского хора любителей церковного пения, датированный 1921 г., со словами благодарности в его адрес.

Служба во Владимире и знакомство с семейством Ворониных (1890–1894). Особенностью следующего раздела мемуаров является отсутствие описания работы учителем Предтеченской церковно-приходской школы Успенского девичьего монастыря во Владимире, притом, что в этой школе К.М. Тихонравов отработал четыре года – дольше, чем в любой из предыдущих¹⁵. Внимание рассказчика сосредоточено на знакомстве с сестрами Ворониными. 1 декабря 1894 г. К.М. Тихонравов уехал в столицу и был принят на службу в Ликвидационное отделение Управления железных дорог Министерства путей сообщения на должность счетовода по вольному найму. 8 января 1895 г. состоялось его венчание с Александрой Николаевной Ворониной в церкви Бориса и Глеба во Владимире, где когда-то служил отец¹⁶.

Дальнейший жизненный путь К.М. Тихонравова был связан с Петербургом (Петроградом), Переславлем-Залесским, затем последовало возвращение в город на Неве. Как видим, места его службы не были связаны с духовным ведомством, хотя посещение исповедей, участие в церковных хорах свидетельствует о сохранении религиозных чувств. Младшие братья Клавдия Михайловича Владимир и Ефим, окончившие ту же семинарию, также не избрали священническую стезю. Родившийся в 1900 г. сын К.М. Тихонравова Михаил учился в гражданском учебном заведении – 3-й Гимназии Санкт-Петербурга (Петрограда).

Таким образом, воспоминания К.М. Тихонравова могут служить ценным источником не только его биографии, но и одним из примеров жизненного пути провинциального интеллигента-разночинца, свидетельством эпохи.

¹ В 1954 году «Мои краткие биографические сведения» были переписаны сестрой жены К.М. Тихонравова С.Н. Ворониной в тетрадь под названием «Воспоминание о роде Тихонравовых» // Архив государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (АГВСМЗ). Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 8896. Л. 19.

² Там же. Л. 7.

³ Дочь Михаила Клавдиевича Наталия Михайловна Тихонравова в своей книге «Воспоминания о будущем» кратко пересказывает сведения, содержащиеся в мемуарах деда, не ссылаясь на источник // Тихонравова Н.М. Воспоминания о будущем. – М.: Нобель Пресс, 2014. – С. 8-15.

⁴ *Манчестер Л.* Поповичи миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 20.

⁵ АГВСМЗ. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 8896. Л. 8.

⁶ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.-2.

⁷ АГВСМЗ. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 8896. Л. 8 об.

⁸ См. послужной список М.Л. Тихонравова – ГАВО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 2. О нём см. также: *Малицкий Н.* Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии. 1750–1900 г. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1902. С. 288; Владимирские епархиальные ведомости. – 1888. № 19.

⁹ АГВСМЗ. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 8896. Л. 9 об.

¹⁰ Там же. Л. 9 об.

¹¹ Следует отметить, что в воспоминаниях Клавдия Михайловича этот сюжет отсутствует. Родственники случайно узнали о нём значительно позже из публикации 1925 года – см.: *Титлинов Б.В.* Молодёжь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодёжи. 1860–1905 гг. Изд. 2-е. Л.: Госиздат, 1925. – С. 40. Несмотря на то, что фамилия К.М. Тихонравова присутствует в названном деле, в свидетельстве, выданном Владимирской духовной семинарией, указано, что поведение К.М. Тихонравов имел «очень хорошее» // ГАВО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹² Согласно копии послужного списка К.М. Тихонравова, период его службы в Тейковском начальном училище с 5 марта по 27 августа 1885 года, в Алферьевском – с 27 августа по 22 октября того же года (по воспоминаниям К.М. Тихонравова, весь этот период он находился на больничном), в Гумнищевском – с 19 января 1889 г. по 24 января 1890 г. Судя по воспоминаниям, в первый раз К.М. Тихонравов попал в школу в Гумнищах «для практики» ещё в январе 1885 года и пробыл там два месяца – см. ГАВО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.; Ф. 449. Оп. 1. Д. 164. Л. 14.; АГВСМЗ. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 8896. Л. 11-11 об.

¹³ Период службы с 11 октября 1886 г. по 1 сентября 1887 г. – см.: ГАВО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об., Д. 4. Л. 4.

¹⁴ АГВСМЗ. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 8896. Л. 12, 13 об.

¹⁵ Период службы – с 12 октября 1890 г. по 28 ноября 1894 года // ГАВО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

¹⁶ В работах А.И. Зузульского и Б.Н. Кантемирова ошибочно сообщается, что К.М. Тихонравов и А.Н. Воронина были преподавателями владимирской гимназии и проживали в доме родителей А.Н. Тихонравовой (Ворониной) на Торговой площади во Владимире // *Зузульский А.И.* Ступени в небо. – Ярославль: Дия пресс, 2000. – С. 20; *Кантемиров Б.Н.* Михаил Клавдиевич Тихонравов (1900–1974). – М.: Наука, 2014. – С. 12. При этом в метрической книге Борисоглебской церкви г. Владимира К.М. Тихонравов записан как окончивший курс Владимирской духовной семинарии, купеческая дочь А.Н. Воронина – учительница Переславской прогимназии // ГАВО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.-6. Об этом периоде см. также: *Харитонов С.С.* Страницы биографии и научной деятельности М.К. Тихонравова: по материалам Владимиро-Суздальского музея-заповедника и Государственного архива Владимирской области // Материалы XXV Международной краеведческой конференции (2 октября 2020 г.). – Владимир, 2021. – С. 526-527.

**ПРИМЕТЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА
В ПРОВИНЦИИ: АВТОМОБИЛЬ И АЭРОПЛАН
В Г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

На рубеже XIX–XX вв. в мире наблюдался невиданный до тех пор подъем научно-технического прогресса. Наряду с новыми видами станков, двигателей, средств связи, возникли совершенно новые виды транспорта. Появление автомобиля означало наступление новых реалий в экономике и в повседневной жизни человека. В 1885 г. немецкий изобретатель из Мангейма Карл Бенц построил трехколесную повозку с бензиновым двигателем, немного позже другой немецкий изобретатель Готтлиб Даймлер создал подобную, но уже четырехколесную повозку с более совершенным бензиновым двигателем. Это был первый автомобиль с современным смыслом этого слова¹.

В следующем десятилетии возникла новая отрасль промышленности – автомобилестроение. Оно появилось во Франции (фирмы «Мишлен», «Рено», «Пежо Отomobilь»), США («Форд»), Германии («Капштадт-Даймлер»), Италии («Фиат»)².

Купить автомобиль по причине его дороговизны могли только богатые люди. Поэтому прогулки на «авто» и автоспорт были в то время уделом избранных. Со временем первые автомобили зарубежного производства появились в России и получили здесь очень быстрое распространение. Возникают первые специализированные организации любителей легковых машин и автоспорта: Императорское Российское автомобильное общество, Московское автомобильное общество, которые издают свои «Ежегодники», служащие современным ученым важным источником по истории техники и спорта³.

К сожалению, история бытования автомобиля и отечественного автомобильного спорта в дореволюционной России изучены пока слабо. В этом отношении следует упомянуть немногочисленные монографии, авторами которых являются А.Б. Суник, С.Е. Глезеров, И.Б. Хмельницкая⁴. Как видно из названий этих монографий, они посвящены преимущественно ситуации в столичных городах. О том, как автомобиль постепенно завоевывал российскую провинцию, известно мало. Между тем, в историче-

ских источниках при фронтальном их просмотре можно найти отдельные факты о новинках техники, которые появлялись не только в губернских городах, но в уездах.

В отчетах Иваново-Вознесенской городской управы первые «автоматические экипажи» упоминаются с 1908 г. В это время в городе имелись в наличии два «пассажирских», т.е. легковых автомобиля, один мощностью в 32 лошадиных сил, а другой – в 47,5 л.с., также один грузовой мощностью в несколько десятков лошадиных сил. С этого года городская управа начала брать налог с нового вида транспорта. Он был дифференцированным, с легкового автомобиля брали по 3 рубля с каждой лошадиной силы, с грузового – 2 рубля. Следует констатировать, что это был «налог на роскошь», т.к. с велосипеда взималось всего полтора рубля, а с автомобиля, например, в 47,5 л.с. – 142 рублей 50 копеек⁵. Налог необходимо было внести сполна к 1 апреля налогового года, иначе взимались пени в размере 50 %⁶. В 1911 г. «отцы города» в своем отчете констатировали, что число автомобилей в городе увеличивается с каждым годом⁷.

Естественно, что первые такие чудеса техники принадлежали не просто богатым, а самым богатым людям города – фабрикантам. О том, кому конкретно, свидетельствует сохранившаяся в областном архиве регистрационная книга за 1912 г., в которой фиксировались налоги, взимаемые с этих новинок техники. Самый мощный из зарегистрированных в городе «автоматический экипаж» принадлежал текстильному фабриканту Ивану Маракушеву. Автомобиль подарил ему отец – К.И. Маракушев. Во время пробной поездки на нем Константин Иванович скончался – сердце не выдержало быстрой езды⁸.

Кроме того, в списке плательщиков налога числились несколько владельцев «автоматических экипажей». Что конкретно имелось в виду под этим названием, чиновники городской управы не поясняли. Возможно, это были мотоциклы (мощностью в 2-4 л.с.), но те «экипажи», мощность которых была больше, относились, скорее всего, к категории автомобилей. Стоимость самого дешевого авто в России в начале XX в. составляла 2-3 тысячи рублей, а наиболее роскошные продавались за 10 тысяч и даже более. Мотоциклы стоили значительно дешевле. В найденном нами в дореволюционной газете объявлении говорилось, что в мастерской Котомина в Иваново-Вознесенске продавался мотоцикл за 265 рублей⁹. Ясно, что он был подержанным,

раз его продавал не «дилер», а какая-то мастерская, т.е. новенькую мотоциклетку можно было купить за полсотни рублей.

Автомобиль в начале XX в. стали воспринимать не только как чудо техники, но и как новую техническую возможность для устройства спортивных состязаний. Конечно, никаких автодромов в провинции не было. Основной формой спортивной деятельности в этой сфере было тогда устройство автопробегов, когда несколько автомобилей или отдельно взятая машина пыталась одолеть какое-либо значительное расстояние по возможности без поломок и максимально быстро.

Известным спортсменом-автомобилистом являлся Алексей Алексеевич Новиков. Его дед – Авксентий Никанорович владел текстильной фабрикой в самом центре Иваново-Вознесенска, она стояла на том месте, где сейчас на площади Победы располагается торговый центр «Полет». Позже, в начале XX столетия это предприятие перешло в руки другого текстильного предпринимателя, коллекционера и мецената Д.Г. Бурылина¹⁰.

Один из сыновей А.В. Новикова – Алексей скончался в молодом возрасте и Авксентий Никанорович попытался приобщить к бизнесу своего внука, которого звали тоже Алексей. После окончания местного реального училища он участвовал в управлении фабрикой «Компания», в акциях которого Новиковы имели свою весомую долю. Также Алексей Алексеевич Новиков избирался гласным Иваново-Вознесенской городской думы.

Но его больше увлекали занятия спортом. Сначала он купил мотоцикл и совершал из Иваново-Вознесенска дальние вылазки в окрестности города. Потом приобрел автомобиль, вступил в Императорское Российское автомобильное общество, которое возникло еще в 1903 г. В рамках своего членства в этой престижной организации он участвовал в целом ряде автомобильных пробегов. Началось с того, что его автомобиль мощностью всего-то в 6 лошадиных сил в 1910 г. успешно одолел дорогу от Петербурга до Риги и обратно. Причем надо учитывать, что в то время не было асфальтовых автобанов, по которым мчатся современные автомобили.

В том же 1910 г. он участвовал в пробеге «на приз Его Императорского Величества» по гораздо более протяженному маршруту: Петербург – Киев – Москва – Петербург. По итогам его А.А. Новиков получил «первый приз второй категории». Он удостоился в 1911 г. призов за свои достижения в пробегах

Москва – Орел, Москва – Ярославль и Москва – Рига, а также в проводившейся в Риге «верстовой гонке», во время которой автомашины должны были как можно быстрее одолеть расстояние в одну версту.

Постепенно росла известность А.А. Новикова, он не просто гонял на своем авто по трассе, но и участвовал в организации пробегов. В 1912 г. являлся членом комитета гонок по «сверхдальному» маршруту Петербург – Рига – Варшава – Киев – Москва. В биографии Новикова, опубликованной в юбилейной книге «Трехсотлетие Дома Романовых», говорилось, что имя его «известно в спортивном мире».

Накануне Первой мировой войны в военных кругах России возникает идея об использовании автомобилей в военных целях. Не остался в стороне от этой тенденции и А.А. Новиков, который в 1912 г. на своем «железном коне» участвовал в военных учениях под Москвой, а в 1913 г. – в корпусных маневрах около Владимира¹¹. О том, как сложилась судьба А.А. Новикова, сведений нет, но в бывшем доме Новиковых во время ремонта нашли на чердаке много дореволюционных журналов, издававшихся для автолюбителей.

В июле 1913 г. был устроен первый в текстильном крае автопробег Иваново-Вознесенск – Москва. В нем участвовали два автомобиля, один из них принадлежал «известному спортсмену» Н.В. Мыльникову. В пробеге участвовали двое других местных любителей автоспорта – К.Н. Щапов и Г.А. Селезнев при участии механика А.В. Платонина, служившего по найму у Мыльникова.

Несколько слов нужно сказать о трассе, которую предстояло одолеть спортсменам. Что касается отрезка дороги от Владимира до Москвы, то передвижение по этой магистрали, именовавшейся в России «Владимиркой», не составляло проблемы. Хотя здесь не было асфальта, но качество ее было вполне удовлетворительным. Гораздо труднее было добраться от Иваново-Вознесенска до Владимира. Современной прямой дороги, ведущей через Лежнево и Суздаль, не существовало. Как отмечали участники пробега, «особенно ужасны были из-за дождей дороги до Суздаля», в некоторых местах автомобилистам приходилось даже сооружать временные мостки через канавы, попадавшие им на пути.

Представляет очень большой интерес реакция крестьян из сел, находившихся на пути пробега. Они видели автомобиль впервые в жизни! В газетных заметках сохранились зарисовки очеркового характера и даже фрагменты прямой речи, отрывки из которой мы считаем нужным процитировать:

– Эй, ребята, скорее, айда сюда, тарантас без лошади к ним приехал, – кричал во все горло один из местных мужиков.

На его призыв спешили все: и стар, и млад, желавшие посмотреть на «чудовище». Большинство не испытывали боязни перед новым и даже просили подробно рассказать, как двигается автомобиль. Одна из женщин серьезно думала, что «тарантас ваш черти везут», но была разубеждена в этом спортсменами: «ан, выходит, нет». Крестьян особенно поразила высокая скорость автомобилей, на ровной дороге шоферы выжимали до 80 верст в час. Один местный парень сначала согласился прокатиться по приглашению автомобилистов, но вынужден был отказать, т.к. его родная мать грозила в таком случае его проклясть за контакты с нечистой силой. Но один храбрый мужичок все же решился совершить поездку, которой остался премного доволен. Свои впечатления о скорости и комфорте нового способа передвижения он сформулировал в следующих обрывочных фразах: «инда дух захватывает», «уж больно мягко сидеть, ровно на копне»¹².

Вообще, среди малограмотного населения в провинции было сильно распространено предубеждение против механических средств передвижения. В этом отношении характерен случай, описанный в известной ярославской газете «Северный край». Корреспондент газеты слышал то, как мужик лет 50 в одной из чайных Иваново-Вознесенска каялся в том, что он против воли стариков-родителей приехал из Тейкова по железной дороге. Родители ему строго наказывали не ездить на паровозе, т.к. его «несет нечистая сила»¹³.

Еще большей экзотикой, чем автомобили, в начале XX в. представлялись самолеты, именовавшиеся тогда аэропланами. Практически применимые, т.е. реально летающие самолеты создали энтузиасты-изобретатели: в США – братья Райт, во Франции – Сантос-Дюмон, Луи Блерио и др.¹⁴ Самый крупный по тому времени самолет сконструировал русский ученый и инженер И.И. Сикорский, его «Русский витязь», а потом «Илья Муромец» не имели себе равных по размерам и грузоподъемности¹⁵.

В это время почти одновременно с автомобильным возник спорт и воздухоплавательный, который получил свое воплощение в рекордных по дальности и длительности перелетах.

Первый раз иваново-вознесенцы увидели стальную птицу в конце 1910 г. Накануне нового года была открыта «выставка» аэроплана «Блерио» французской системы. Это был самолет «военно-разведочного типа». Мотор его развивал мощность в 50 лошадиных сил. «Выставка» состояла в том, что этот аппарат можно было прийти и осмотреть, никаких сведений о том, что он поднимался в воздух, в местном журнале «Иваново-вознесенская жизнь» не было. Выставка этого чуда техники продолжалась с 26 декабря 1910 по 26 января 1911 г.¹⁶

В следующем году ивановцам удалось все же увидеть, как эта птица летает. В Иваново-Вознесенск в мае 1912 г. прибыл со своей крылатой машиной один из наиболее известных в России авиаторов А.А. Васильев. Его имя знала вся страна. Александр Алексеевич менее чем за год до своего пребывания в Иваново-Вознесенске, в июле 1911 г., первым совершил рекордный для того времени перелет из Петербурга в Москву. Правда, он не был беспосадочным, один раз все же пришлось приземлиться, в целом его самолет пробыл в воздухе девять с половиной часов.

Как раз в это время А.А. Васильев устроил в ряде городов России свои авиашоу, которые состояли в том, что он поднимался в воздух на своей машине и после короткого полета приземлялся. В Иваново-Вознесенске это произошло 3 мая 1912 г. на большом ровном поле возле ярмарки, в настоящее время эта территория застроена зданиями Первого рабочего поселка. На «авиашоу» собрались несколько десятков тысяч человек, такого огромного скопления людей никогда не наблюдалось в городе, по крайней мере – в дореволюционное время. А.А. Васильев поднял машину на высоту около 400 метров, проведя в воздухе всего минут 11–12. Скорость аэроплана достигала 90 верст в час. Многие зрители были разочарованы, полет показался им слишком коротким¹⁷.

В целом, на рубеже позапрошлого и прошлого веков в мире наблюдалось динамичное развитие техники, правда, темпы прогресса были не одинаковыми в разных ее отраслях. Особенно быстро появлялись и внедрялись в практику новшества в средствах передвижения. Это объяснялось, прежде всего, постоянно возрастающим темпом жизни. Железнодорожные пути пролегали

далеко не везде, а гужевое движение по грунтовым дорогам представлялось слишком медленным для новых реалий. Именно поэтому появились такие технические новинки как автомобиль, а потом и аэроплан. Причем разрыв между изобретением, постройкой первых моделей и массовым производством был минимальным. Постепенно автомобиль становится доступным для состоятельных людей (самолет – только для очень богатых), высокой была степень престижности этих предметов роскоши, появляется автомобильный и авиационный спорт, стремление к установлению рекордов дальности и скорости.

¹ *Виргинский В.М., Хотеев В.Ф.* Очерки истории науки и техники. 1870–1917 гг. – М.: Просвещение, 1988. – С. 108–109.

² Там же. С.110.

³ Ежегодники Императорского Российского автомобильного общества. За 1910, 1911, 1912, 1913 гг. СПб., 1910–1913; Ежегодники Московского автомобильного общества. 1910, 1911, 1912, 1913, 1914. М., 1912–1914.

⁴ *Суник А.Б.* Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. – М.: Советский спорт, 2004; *Глезеров С.Е.* Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды. Курьезы. – М.: МиМДельта, 2009; *Хмельницкая И.Б.* Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. – М.: Новый хронограф, 2011.

⁵ Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1908 год. Иваново-Вознесенск, 1909. С. 58.

⁶ Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1909 год. Иваново-Вознесенск, 1911. С. 32.

⁷ Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1911 год. Иваново-Вознесенск, 1912. С. 9.

⁸ Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. Иваново, 2011. С.227.

⁹ Ивановский листок. – 1913. 27 июля.

¹⁰ *Додонова А.* Дмитрий Геннадьевич Бурыйлин. – Иваново: Комитет по культуре и искусству администрации Ивановской области, 1997. – С.26.

¹¹ Трехсотлетие дома Романовых. Россия в ее прошлом и настоящем. 1613–1913 гг. М.:б.г., б.с.

¹² Ивановский листок. – 1913. 16 и 19 июля.

¹³ Северный край. – 1900, 15 февраля.

¹⁴ *Виргинский В.М., Хотеев В.Ф.* Указ. соч. С. 139–140.

¹⁵ *Иванов А.Е.* Наука // Россия в начале XX века. – М.: Новый хронограф, 2002.– С.675.

¹⁶ Иваново-вознесенская жизнь. – 1911. № 18.

¹⁷ Старый владимирец. – 1912, 8 мая; Ивановский листок. – 1912, 6 мая.

С. В. КАСАТКИНА
(г. Заволжск)

ВАСИЛИЙ АРКАДЬЕВИЧ ФИЛОСОФОВ – ОСНОВАТЕЛЬ ХИМИЧЕСКОГО ЗАВОДА

Среди деятелей Кинешемского уезда несомненный интерес представляет Василий Аркадьевич Философов – основатель первого в регионе химического предприятия (1871), представитель древнего дворянского рода, деятель Кинешемского земства. На сегодняшний день знали мы о нем крайне мало. Изучив новые архивные данные, представляем этого деятеля в контексте не известных ранее источников.

Дворяне Философовы владели землями в левобережной части Кинешемского уезда Костромской губернии. Предки Философовых за героизм, проявленный в борьбе с поляками в начале XVII в., царем Михаилом Федоровичем были награждены землями в нескольких уездах Костромской губернии. В XIX в. в Кинешемском уезде Философовым принадлежали усадьбы Мысы, Фроловка, Городище.

Аркадий Васильевич Философов, отец основателя химического завода, жил в усадьбе Мысы (современный Заволжск). Несмотря на древность рода, был малосостоятельным, имел долги и продавал свои земли¹. Известно, что он в 1842 г. владел деревнями Платково и Починок, которые относились к Воздвиженскому приходу². В августе 1861 г. упоминалось, что Аркадий Васильевич болен³, в апреле 1862 г. его жена Авдотья Алексеевна Философова сообщала, что муж ее Аркадий Васильевич Философов умер. У Аркадия Васильевича и Авдотьи Алексеевны были дети Анна и Василий.

Василий Философов родился 22 июля 1843 г.⁴, с малых лет жил у бабушки, Анны Степановны Философовой в Кинешме. Там она имела свой дом. Анна Степановна воспитывала внука «почти со дня рождения» и «имела большую к нему привязанность»⁵. Дома он получил первые уроки по Закону Божьему, священной истории, грамматике, географии, арифметике, немецкому языку⁶. Когда Василий подрос, Анна Степановна обратилась за покровительством к богатым и влиятельным родственникам, которые помогли устроить внука в марте 1854 г. в 1 Московский кадетский корпус. Обучение в корпусе было платным, несмотря на скромное состояние, Анна Степановна ежегодно платила за обучение внука 200 рублей серебром⁷.

Окончив кадетский корпус, Василий Философов 13 июня 1862 г. был произведен в подпоручики и направлен в 5 Стрелковый батальон. В августе 1863 г. он участвовал в подавлении восстания в Польше, за что получил орден святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость»⁸.

1 декабря 1865 г. В.А. Философов подал прошение директору Петровской Земледельческой и Лесной Академии (современная Тимирязевская академия в Москве) о принятии его вольнослушателем⁹. До этого он служил подпоручиком в 52 Пехотном Резервном батальоне и жил в Москве в Хамовнических казармах в квартире штаб-лекаря Несвижского гренадерского полка¹⁰. В начале 1866 г. он получил отставку и приступил к обучению в академии.

На каждый семестр В.А. Философову выдавался билет на право слушания лекций и на посещение практических занятий в академии. Во время отпуска он писал прошения, в которых указывал, где он будет проводить время. Из прошений известно, что зимой 1866 г. он был в отпуске в усадьбе Неверки Костромского уезда и в усадьбе Мысы Кинешемского уезда Костромской губернии¹¹. С 5 августа по 10 сентября 1867 г. проводил отпуск в Костроме и Кинешме¹². В Костроме в это время жила его сестра Анна Аркадьевна Резвякова, ее муж служил городовым врачом.

Последний билет на право проживания в Москве и окрестностях академии В.А. Философов получил 25 сентября 1869 г., он действовал до 1 февраля 1870 г. 13 ноября 1869 г. он написал прошение директору академии, в котором просил «сделать зависящее распоряжение об увольнении меня из числа слушателей академии и о выдаче моих документов»¹³.

В результате В.А. Философов получил 5 свидетельств об испытаниях по разным дисциплинам. 12 марта 1868 г. Совет академии «определил выдать свидетельство дворянину Василию Аркадьевичу Философову в удостоверение, что по испытанию из минерологии он оказал знания удовлетворительные, в размере, определенном программами академии для приобретения степени кандидата по отделу сельского хозяйства»¹⁴. 15 ноября 1869 г. подобные свидетельства были выданы В.А. Философову по химии, технологии сельскохозяйственных производств, зоотехнии, агрономической химии¹⁵.

Таким образом, В.А. Философов, кроме военного, получил хорошее образование по естественным предметам. В течение

четырёх лет (с 1865 по 1869) он являлся вольным слушателем Петровской Земледельческой и Лесной Академии, успешно сдал экзамены, в том числе по химии и минералогии. Все это позволило ему заняться химическим производством в Кинешемском уезде. В 1871 г. В.А. Философов основал химический завод при усадьбе Мысы, недалеко от Кинешмы.

По приезду в Кинешму он познакомился с местными дворянами. Многие из них были гласными Кинешемского земства и пытались воплотить в жизнь различные планы. В обсуждении этих планов участвовал и В.А. Философов. Известно, что в 1870 г. один из гласных земства, М.И. Купреянов, говорил о необходимости учреждения ремесленной школы в Кинешме. Кроме специальных предметов, по его мнению, в школе должны быть предметы, которые бы расширяли познания учащихся, помогали бы в ведении хозяйства. Среди подобных был предмет об изучении природы и ее сил. Как сообщал гласный, этот предмет «обещал с удовольствием взять на себя окончивший курс в Разумовской академии В.А. Философов»¹⁶.

Известно, что в 1890 г. В.А. Философов помогал земству в приобретении медикаментов, хирургических инструментов и перевязочных средств для земской больницы в Кинешме¹⁷.

Будучи гласным Кинешемского земства, В.А. Философов в 1893 г. выступал в земстве с вопросом улучшения оказания медицинской помощи женщинам-роженицам. Он говорил: «Часто приходится слышать о серьезных заболеваниях в послеродовых случаях, происходящих, по мнению врача, живущего на нашем заводе, от подачи помощи при родах лицами, безусловно, немелкими, каковы деревенские повитухи, не имеющие ни знаний, ни перевязочных средств и медикаментов. Дело это до некоторой степени легко поправимо при небольших сравнительно затратах со стороны земства. Дело в том, что при родовспомогательном заведении Императорского Московского воспитательного дома есть отделение для приготовления так называемых сельских повитух, которым даются самые элементарные знания о помощи при родах и уходе за роженицами, ясно, что подобные повитухи принесут при подаче помощи роженицам несравненно большую пользу, чем существующие в настоящее время, ничему не ученые повитухи, коснеющие в своеобразных взглядах на медицину и находящие в трудных случаях все спасение в бане и

парении в печке»¹⁸. Через год земское собрание выделило средства (250 руб.) для обучения двух повивальных бабок¹⁹.

В этом же году В.А. Философов выступил в земстве с заявлением о неудобствах передвижения поездов из Москвы в Кинешму и обратно, связано это было с тем, что нужно было делать пересадку на станции Новки Шуйско-Ивановской железной дороги. От имени пассажиров Кинешемского уезда он обратился с просьбой пересмотра движения поездов прямым рейсом без пересадки. Кинешемской управе было поручено ходатайствовать об этом перед министерством путей сообщения²⁰.

В.А. Философов изъявлял желание оказать помощь в получении образования сыну священника Богоявленского храма (современный Заволжск) Н. Крутикова. В 1894 г. земское собрание разбирало вопрос о назначении пособия студенту семинарии Ивану Крутикову, поступающему в Варшавский Ветеринарный институт. Собрание постановило: «удовлетворить ходатайство Крутикова и выдать ему стипендию, причем гласный В.А. Философов заявил собранию, что в случае невозвращения денег, полученных Крутиковым, он, Философов обязуется перед собранием уплатить всю сумму какая будет следовать с Крутикова из собственных его, Философова, средств»²¹.

В.А. Философов в 1897 г. являлся попечителем церковно-приходской школы, состоящей при Богоявленском храме. В клировой ведомости было сказано: «при церкви церковно-приходская школа существует с 6 декабря 1885 года, помещается в обустроенном деревянном доме: содержится на средства попечителя Василия Аркадьевича Философова»²².

Известно, что и на территории химического завода имелась школа с трехгодичным обучением. Она размещалась в небольшом деревянном одноэтажном домике, который находился у подножия горы. Философов эту школу содержал за свой счет. Оплачивал он и работу учителя. Обучение было бесплатное. В школе обучалось одновременно 24 человека. Было расставлено 12 парт²³.

На горе рядом с усадьбой Мысы находилась усадьба Фролова. Эта усадьба тоже принадлежала роду Философовых, но в 1851 г. была продана Потехиным. Родственником Потехиных был известный композитор Антоний Степанович Аренский. Во Фроловке жила его тетка по матери, и он неоднократно приезжал к ней.

Совсем недавно удалось найти письмо В.А. Философова А.С. Аренскому (от 20 марта 1888 г.), в котором первый говорил «о старинном знакомстве» с композитором и благодарил его за обучение племянницы, дочери Анны Аркадьевны Резвяковой. В.А. Философов писал: «Многоуважаемый Антоний Степанович! Сегодня я получил известие, что моя *belladaeu* (племянница) начала брать уроки и что в прошлый понедельник сдала Вам задачи довольно исправно; видя в Вашем желании сделать мне любезность, я не могу удержаться от того, чтобы не принести Вам моей искренней признательности за это. При Ваших трудах и занятиях это жертва с Вашей стороны, принесенная нашему старинному знакомству, слишком ценю это. Рассчитывая быть в самом непродолжительном времени в Москве, я не премину лично быть у Вас и сказать большое, большое спасибо.

Прошу принять искреннее уверение в благодарности и уважении готового к услугам В.А. Философов»²⁴.

Женился Василий Аркадьевич поздно. Известно, что 19 сентября 1902 г. он подал прошение в Костромское Дворянское депутатское собрание с просьбой внести в дворянскую родословную книгу жену Марию Ивановну Озеркову. При прошении он прилагал выписку из метрик о бракосочетании²⁵. Венчание В.А. Философова состоялось в московской Василия Кесарийского в Тверской Ямской слободе церкви 7 января 1902 г. Отставной поручик 52 пехотного резервного батальона из потомственных дворян В.А. Философов имел возраст 56 лет, он взял за себя «дочь чиновника надзирательницу и учительницу Костромской Григоровской женской гимназии девицу Марию Ивановну Озеркову 41 года»²⁶. Венчал их священник Разумихин с причтом. Свидетельство о дворянстве М.И. Философова получила 30 ноября 1902 г.²⁷

После продажи Волжского химического завода в 1907 г. имя В.А. Философова не встречается в документах Кинешемского земства. Вероятнее всего, он уехал из родового имения, которое перешло новым владельцам завода.

Известно, что в июне 1912 г. в «Известиях Костромского губернского земства» было опубликовано две статьи В.А. Философова²⁸. Первая называлась «Казеин (лактарин)»²⁹, она была посвящена описанию процесса получения казеина из молока. Казеин (белый порошок), по мнению автора, находил широкое

применение в ситцепечатном деле, в ткацком, гончарном, малярном деле.

Вторая статья «Березовые листья как удобрение»³⁰ была посвящена исследованию содержания полезных веществ в опавших березовых листьях. Рассуждая о березовых листьях В.А. Философов, между прочим, писал: «Есть местности, например, Нерехтский уезд, где береза составляет преобладающее лесонасаждение, а во многих усадьбах, в садах, есть березовые аллеи, так отчего бы не собрать: будет и в саду чище и хоть небольшое количество, хорошего удобрения»³¹. Указывалось, что статьи были написаны в Нерехте. Вполне вероятно, что В.А. Философов там и жил последние годы.

Таким образом, перед нами предстает хорошо образованный представитель рода Философовых, основавший первое химическое предприятие в Кинешемском уезде. В 2021 г. этот завод отметил 150-летний юбилей. В.А. Философов являлся человеком просвещенным и деятельным, содержал за свой счет школы, помогал в обучении сыну местного священника, выступал с инициативами улучшения медицинской помощи местному населению. Не чужд он был и просвещения, писал статьи о пользе различных веществ в сельском хозяйстве и промышленности.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 2905. Дело о взыскании долга с Аркадия Васильевича Философова в пользу помещицы Александры Ивановны Кантаровой. 1854 –1858.

² ГАИО.Ф.1155.Оп.1.Ед.хр.89.

³ ГАИО. Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 3862. Л. 38.

⁴ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 359. Оп. 2. Ед. хр. 252. Л. 76. Послужной список подпоручика Философова.

⁵ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1075. Оп. 1. Д. 518. Л. 4.

⁶ РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 5-5 об.

⁷ РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 9 об. Письмо от 1 мая 1854 г.

⁸ РГВИА. Ф. 359. Оп. 2. Ед. хр. 252. Л. 76 об.

⁹ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 228. Оп. 3. Д. 6276. Л. 2. Дело о слушателе Василии Философове. Прощение.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 7. Свидетельство.

¹² Там же. Л. 10 Прощение.

¹³ Там же. Л. 32. Прощение

¹⁴ Там же. Л. 19. Свидетельство.

¹⁵ Там же. ЛЛ. 36-39. Свидетельства

¹⁶ Сборник постановлений Кинешемского земского уездного собрания (КУЗС). 1870. С. 39-40.

- ¹⁷ Сборник постановлений КУЗС. 1891 г. С. 14; 172.
¹⁸ Сборник постановлений КУЗС. 1893. С. 273; 313-314.
¹⁹ Сборник постановлений КУЗС. 1894. С. 59-60
²⁰ Сборник постановлений КУЗС. 1894. С. 5; 44.
²¹ Свод постановлений КУЗС с 1887 по 1903 гг. Т. 2. С. 54.
²² Государственный архив Костромской области (ГАКО) Ф. 130. Оп. 9. Д. 867. Л. 11 об. -12.
²³ Скупой хозяин. Воспоминания Баженова А.В. Публикация Харланенкова В.// Авангард. 1991. № 95. 17 августа.
²⁴ РГИА. Ф. 1690. Оп. 1. Ед. хр. 110. Письмо В.А. Философова композитору А.С. Аренскому. 20 марта 1888 г.
²⁵ ГАКО Ф. 121. Оп. 1. Д. 8520. Л. 1.
²⁶ Там же. Л. 4-4 об.
²⁷ Там же. Л. 8.
²⁸ Известия Костромского губернского земства. – 1912. Вып. 3, 4, 6. 7.
²⁹ Там же. Вып. 3 (С. 22-24), Вып. 4 (С. 15-18), Вып. 6 (С. 8-10), Вып. 7 (С. 12-16).
³⁰ Там же. Вып. 6 (С. 19-20).
³¹ Там же. С. 20.

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

М. В. ФРУНЗЕ И КОВРОВ

Обязательным элементом экскурсии по городу Коврову советского периода была демонстрация революционных памятников истории. Как правило, это были дома, где находились нелегальные квартиры ковровских революционеров. Ковров тогда позиционировался как один из наиболее активных центров революционной борьбы.

В современном Коврове из восьми памятников осталась ухоженной лишь могила погибшего в декабре 1905 г. на станции Орехово-Зуево машиниста Александра Малеева в Ковровском историко-мемориальном парке (бывший старинный ковровский некрополь), который сейчас находится в структуре Ковровского историко-мемориального музея. Других или нет совсем, сгорели, разрушились, или кардинально перестроены. Хотя по-прежнему значатся в Реестре объектов культурного наследия (ОКН) регионального значения Владимирской области.

Под номером 28 в современном Реестре ОКН значится «дом, в который приезжал М.В. Фрунзе в 1905 году» по адресу: ул. Володарского, д. 16¹.

История мемориализации данного объекта такова. В 1953 г. на нем была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме останавливался в 1905-1906 гг. М.В. Фрунзе». 5 октября 1960 г. состоялось решение Владимирского облисполкома за № 754, утвердившее «Список исторических памятников, подлежащих местной охране», где под номером № 44 значился дом, в который приезжал М.В. Фрунзе в 1905 г. – ул. Володарского, 16. В 1975 г. на объект был составлен паспорт как на памятник истории регионального значения², в котором было записано следующее: «В 1905-1906 гг. для установления связи с ковровской организацией РСДРП и доставки нелегальной политической литературы и решений ЦК РСДРП в Ковров приезжал М.В. Фрунзе. Он останавливался у слесаря Ковровских железнодорожных мастерских М.Б. Блюмермана, с которым познакомился в Иваново-Вознесенске во время митинга на реке Талке в 1905 году. М.В. Блюмерман ездил в Иваново-Вознесенск на митинг как представитель Ковровской группы РСДРП.

Михаил Борисович Блюмерман (1882-1947) – член РСДРП с 1905 г., активный участник трех революций. По заданиям партийной организации он часто ездил в Москву, Нижний Новгород, Иваново-Вознесенск, Ярославль для связи с местными партийными организациями. В 1905 г., будучи в Иваново-Вознесенске на митинге рабочих, М.Б. Блюмерман пригласил М.В. Фрунзе в Ковров. Вскоре М.В. Фрунзе побывал в Коврове и останавливался у М.Б. Блюмермана, который со своей семьей проживал в доме Румянцева с 1900 по 1938 гг.

Дом построен в 1889 г., одноэтажный, бревенчатый, обшитый тесом и покрашен в желтый цвет, на каменном бутовом фундаменте под железной кровлей. Общая полезная площадь 125 кв. м.

В 1953 г. на нем установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме останавливался в 1905-1906 гг. М.В. Фрунзе».

А в настоящее время (1975 г.) в доме проживает семья Вивденковых.

В той же части дома, где снимал квартиру М.Б. Блюмерман, хранилось оружие, нелегальная литература, сюда собирались на тайные сходки ковровские большевики».

В 2009 г., когда многие революционные памятники пришли в ветхость, состоялось постановление губернатора Владимирской области от 09.11.2009 г. № 922 «О снятии с учета и госу-

дарственной охраны объектов культурного наследия регионального значения», в числе которых был и этот дом в Коврове. Позднее постановление было признано не имеющим юридической силы, отменено, и сегодня «дом, в который приезжал М.В. Фрунзе в 1905 году», снова находится в Реестре объектов культурного наследия Владимирской области в статусе памятника регионального значения. Хотя на самом деле дом снесен, и на его месте выстроен современный коттедж, на котором уже нет мемориальной доски.

Мы знаем, что после смерти М.В. Фрунзе в 1925 г. буквально сразу началась кампания по увековечиванию его памяти, особенно в тех местах, где он бывал, жил, работал. В декабре 1925 г. улицы Фрунзе появились в Москве, и Самаре³. 5 декабря 1925 г. президиум Владимирского горсовета вынес решение о переименовании восточной части улицы III Интернационала в улицу Фрунзе⁴. В настоящее время улице возвращено исконное название – Большая Нижегородская. Город Пишпек – на тот момент столица Киргизской АССР – решением Президиума ЦИК СССР 12 мая 1926 г. был переименован во Фрунзе⁵. Подробно о культе М.В. Фрунзе и о переименованиях, связанных с его именем в Шуе, рассказал профессор Ю.А. Иванов в своей статье в XXII Ковровском Рождественском сборнике⁶.

В Коврове, несмотря на то, что легендарный революционер приезжал в город, и свидетель этого – рабочий железнодорожных мастерских М.Б. Блюмерман продолжал жить и работать в городе (в 1935 г. он значился инструктором школы ФЗУ Ковровского экскаваторного завода⁷), никаких переименований не произошло. Как сказано выше, мемориальная доска на доме появилась только в 1953 г., когда сам участник предполагаемых событий уже умер (1949). Поводом к ее появлению стало не сохранение памяти конкретно о М.В. Фрунзе, а Постановление Совета Министров РСФСР от 28 мая 1949 г. за № 373 «О порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников, находящихся на территории РСФСР», после которого именно в 1953 г. в массовом порядке регионы стали принимать свои постановления и устанавливать мемориальные доски.

Улица с именем М.В. Фрунзе впервые появилась в городе только в 1965 г. Точнее по своему функционалу это был переулок исключительно с транспортным значением без единого дома на нем, позволявший проехать на улицу Первомайскую вдоль

корпусов завода имени В.А. Дегтярева. Выбор объекта для переименования в память о такой сакральной для советского государства личности как М.В. Фрунзе, по крайней мере, вызывает вопрос.

10 мая 1976 г. в целях «упорядочивания наименований улиц» в Коврове состоялось решение Исполкома городского Совета № 451, которым улицу Фрунзе переименовали в переулок Первомайский. Наверное, в те годы руководителей Коврова не поняли бы, если бы они просто лишили город такого почетного для страны имени. Соответственно, этим же решением улица 2-я Кирова в отдаленном рабочем микрорайоне города переименоывается в улицу Фрунзе⁸ (это имя улица сохраняет до сих пор). Но здесь все-таки есть привязка к истории города: микрорайон назывался именем ковровских революционеров Александра Малеева и Вячеслава Кангина, погибших в декабре 1905 г. на станции Орехово-Зуево.

Итак, на сегодняшний день память о М.В. Фрунзе в Коврове сохраняется только в названии небольшой улицы из двух десятков домов в рабочем микрорайоне города. Возникает вопрос – почему в городе, считавшимся ведущим революционным центром Владимирской губернии, и куда М.В. Фрунзе хоть и нелегально, но приезжал лично, так не активно проходил процесс по увековечиванию его памяти. В поисках ответа на поставленный вопрос мы изучили историографию вопроса.

Первые публикации воспоминаний участников событий революции 1905 г. появились в 1925 г. к ее 20-летию и были организованы Испартом. В одном из таких изданий опубликована статья активного участника Первой российской революции в Коврове Николая Ефимовича Ляхина «Революционное движение в Коврове и работа РСДРП /б/». В ней он подробно воссоздает события становления местной группы РСДРП /б/ и Первой российской революции в Коврове. При этом отмечает, что для ковровских революционеров особенное значение имела «иваново-вознесенская забастовка ткачей, вспыхнувшая летом 1905 г. и прозванная «стачка на Талке». «Наши рабочие следили за ней с неослабевающим интересом, – пишет Ляхин, – делали отчисления в пользу бастующих, посылали делегации, насколько помнится, в лице Е. Буйдинова и Блюмермана»⁹. Как видим, факт делегирования Блюмермана на Талку он подтверждает, а о приездах М.В. Фрунзе в Ковров молчит.

Следующий большой ряд публикаций о революционных событиях отмечается в 1950-е гг., к 40-летию Октябрьской революции. Здесь уже «главными идеологами» революционных событий в Коврове становятся старые большевики Ефим Николаевич Васильев и Семен Андрианович Чистов.

Е.Н. Васильев в своих воспоминаниях подает информацию следующим образом: «В Ковров приезжал профессиональный революционер М.В. Фрунзе. В 1905-1906 гг. в одном из домов по улице Соборной (теперь ул. Володарского) он несколько раз останавливался в квартире социал-демократа Блюмермана. Под именем «Арсения» М.В. Фрунзе неоднократно выступал перед рабочими, призывая их к свержению царизма»¹⁰.

С.А. Чистов в 1949-1956 гг. работал научным сотрудником Владимирского партийного архива¹¹ и, имея доступ к документам, написал несколько книг о революционном движении во Владимирской губернии. О приездах М.В. Фрунзе в Ковров он пишет так: «Нередко на лесных массовках выступали приезжие докладчики из Владимирской окружки. Накануне своей трагической смерти заезжал в Ковров и выступал на собрании М.И. Лакин. Из Иванова несколько раз приезжал «Арсений» (М.В. Фрунзе). Он останавливался на квартире тов. Блюмермана»¹².

Следовательно, информация в открытом доступе о приезде в 1905-1906 гг. М.В. Фрунзе в Ковров появилась лишь в 1950-е гг. До этого ею владели только некоторые ковровские старые большевики и сам М.В. Блюмерман, которые ее в период первой волны переименований сразу же после смерти М.В. Фрунзе не озвучили. Следует взять во внимание и особенности того времени: все было под строгим партийным идеологическим контролем. Просто, по своей инициативе написать в газету или что-то издать, как сейчас, было нельзя. Существовал определенный круг лиц, которым это было позволено. Как правило, они или являлись членами, или были близки существовавшему с 1922 по 1935 гг. Обществу старых большевиков. Из ковровских большевиков в Обществе состояли восемь человек, среди них авторы публикаций Н.Е. Ляхин и Е.Н. Васильев¹³. Внутри них также была своя иерархия – в 1920-1930-е гг. «первым» среди ковровских революционеров был Н.Е. Ляхин (Как-никак, участвовал в ликвидации царской семьи, занимая в то время пост председателя Екатеринбургского комитета РСДРП¹⁴).

Публикация Н.Е. Ляхина появилась хоть и в 1925 г., но до смерти легендарного командарма. Может быть, если этот выпуск Владимирского испарта появился чуть позже, Ляхин и вспомнил бы о приездах М.В. Фрунзе в Ковров, и тогда переименование улицы случилось бы несколько раньше.

Сам прямой участник события М.Б. Блюмерман пока по неустановленной нами причине был отодвинут от ковровского революционного «олимпа», тихо жил и работал инструктором в школе фабрично-заводского ученичества. Интриги добавляет и тот факт, что будучи участником Первой российской революции и состоя в организации большевиков с 1905 года¹⁵, он не подал в 1930-1932 гг. документы на получение удостоверения для бывших красногвардейцев и красных партизан¹⁶, предоставлявшем большие материальные льготы его владельцам. Это говорит лишь об одном: к 1917 г. Блюмерман отошел от революционного движения. Да, и его соратник по поездкам на Талку в 1905 г. Евгений Буйдинов к тому времени перешел в стан меньшевиков, а в 1938 г. был репрессирован и отправлен в лагерь на 8 лет. В 1949 г. арестован второй раз и осуждается на поселение¹⁷.

Правда, в старом Ковровском краеведческом музее, вероятно, хранились его воспоминания (на сегодняшний день отсутствуют), на которые ссылаются авторы выше упомянутого паспорта на памятник истории регионального значения. Владел этими воспоминаниями и С.А. Чистов, ссылаясь на них в своей книге о революционном движении в Коврове.

¹ <https://giookn.avo.ru/okn>. Дата обращения: 2.11.2020 г.

² Хранится в библиотеке Ковровского историко-мемориального музея.

³ Романюк С.К. Улица Фрунзе // Вопросы истории. – 1978. – № 9; Старая Самара. Улица Фрунзе // <https://www.liveinternet.ru/users/milada77/post363111052>. Дата обращения: 1.09.2020 г.

⁴ <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vladimir/f/37-1-0-5156>. Дата обращения: 2.11.2020 г.

⁵ <https://zen.yandex.ru/media/id/5e5abdf923f6716bacbc2473/kak-na-karte-sssr-poiavilsia-gorod-frunze-5e89059cc312bf0a386fdfe0>. Дата обращения: 1.09.2020 г.

⁶ Иванов Ю.А. Рождественский сборник. Выпуск XXII. – Под общей редакцией директора Ковровского историко-мемориального музея Моняковой О.А., доктора исторических наук. Составление – Зудина И.Н., Монякова О.А. – Ковров - Шуя: ПолиЦентр, 2017.

⁷ Ковровский городской архив (КГА). Ф. Оп. 3л. Д. 2. Л. 91.

⁸ Печ. по: Монякова О.А. Живое прошлое. Фотодокументальная летопись Ковровского края в XX веке. Часть II. 1941-2000 гг. – Ковров: ООО НПО Маштекст., 2002. С. 84.

⁹ Ляхин Н. Революционное движение в Коврове и работа РСДРП /6/ // О рабочем движении во Владимирской губернии в 900-х годах. Вып. II. – Владимир, 1925. – С. 218.

¹⁰ Васильев Е. Н. Воспоминания. Рукопись. С. 19 // Научный архив Ковровского историко-мемориального музея.

¹¹ Григорьев В., Зайцев А., Сеницын Ю. Коврову – 200 лет. Историко-экономический очерк. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1978. – С. 280.

¹² Чистов С. Ковровские большевики в борьбе за Октябрьскую революцию. – Владимир: Призыв, 1948. – С. 12.

¹³ <https://proza.ru/2014/11/20/1201>. Дата обращения: 11.10.2020 г.

¹⁴ Григорьев В., Зайцев А., Сеницын Ю. Коврову – 200 лет. – С. 276-277.

¹⁵ Ляхин Н. Революционное движение в Коврове и работа РСДРП /6/. – С. 219.

¹⁶ ГАВО. Ф. 2058. Оп. 2.

¹⁷ Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. Составители книги: Семенов А. И. (*руководитель*), Селиверстов Е. И., Рачков П. А., Чухов В. И. Т. 1. – Владимир: Фолиант, 2001.

А. Ю. ГУЛИДОВ
(г. Шуя)

ОБРАЗ ВРАГА В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛА

Формирование образа врага в сознании российского провинциала происходило традиционным для Российской империи образом. Просто в один день полезный и дружественный «немец» в средствах массовой информации превратился в злобного и бессердечного безумца, который творит зло только потому, что такова его истинная суть. Причём особого различия между подданными кайзера Германии и императора Австро-Венгрии не делали: «немец» он и есть «немец», даже если он венгр. Деятельность властей носила негативный оттенок, только подогревая в обществе антинемецкую истерию, вместо того, чтобы дать представление о целях и задачах войны, хотя бы в патриотическом духе защиты интересов государства. Образ врага, подчёркнуто карикатурный, вместе с тем приобретал inferнальные черты «вездесущности» и «могущества». Как конкретно «немец» может навредить государству, официально не было разъяснено, однако тут прессе была дана полная свобода творчества. Поэтому обыватели начинают выискивать с началом войны «врага внутреннего», опасаться диверсантов и шпионов, которых могли опознать в лице любого странно ведущего себя чело-

века. Как бы в подтверждение разгоревшейся охоте на немцев был издан ряд указов, согласно которым запрещалось использование немецкого языка, как для устного, так и для письменного общения, для чтения лекций в гимназиях и университетах.¹ Нарушителей ждало административное или даже уголовное преследование. Вполне понятно, что жертвами народного страха становились прежде всего этнические немцы, вне зависимости от гражданства, особенно если они плохо говорили по-русски. Однако и представители других стран, в том числе стран-союзников не могли чувствовать себя в безопасности, ведь для русского человека слово «немец» очень долго обозначало иностранца вообще. Более того, абсолютно любой гражданин мог быть заподозрен в шпионаже и подвергнут суровой расправе. Так в Санкт-Петербурге в марте 1916 г. была схвачена толпой и чуть не убита мещанка, русская по происхождению, провожавшая своего внука в гимназию, ее посчитали шпионкой, похищавшей детей.² Из данного эпизода и множества подобных видно, что представление о роде вредоносной деятельности немецких шпионов было самое расплывчатое. Немцы воровали детей, травили скот и воду в колодцах, готовили взрывы на фабриках и железных дорогах, бунтовали народ и так далее.

Поскольку основным врагом был обозначен «немец», то начинается настоящая война против немецких слов и фамилий, которая вылилась в массовые заявления с просьбами о смене фамилий и имен, изменении названий фирм и обществ (например из «общества изучения немецкой литературы» в «общество любителей русской литературы»), а также увольнении граждан, носящих немецкую или похожую на немецкую фамилии. Особенно тяжело в подобных условиях, тем более в начальный период войны, в условиях «ура-патриотизма» приходилось этническим немцам и венграм. Статистика самоубийств июля-сентября 1914 г. впечатляет. Не проходило и дня, чтобы не находили в уборной вокзала, в меблированных номерах повесившегося или отравившегося человека, о чем рапортовали газеты. Самое печальное то, всё это выливалось в ненависть, погромы немецких поселений и даже убийства. Особенно показательным в данном плане выглядел разгром немецкого посольства и загадочное убийство одного из сотрудников, произошедшее 24 июля 1914 г. Дополнительно прессой подогревался страх перед «варварами-

германцами», способными на любую жестокость как у себя на родине, так и в странах, где они проживают.

Как уже упоминалось, враг – «немец» инфернально умён и способен на невероятные технические трюки, как объявляли в провинциальной и центральной прессе. Основными инструментами врага объявляются аэропланы и радиостанции, так что жертвами поисков врагов на местности могли стать очень малочисленные группы авиаторов и радиолюбителей. Характерен эпизод в Томске. С началом войны жители губернии стали утверждать, что над их головами по ночам летают немецкие самолеты (это за тысячи километров от границы). В центральную прессу даже попало письмо с просьбой «прекратить вражеские поползновения». Поэтому когда в одной из деревень случайно совершил вынужденную посадку русский «любитель воздухоплавания», то только отвага случайно гостившего в деревне пристава спасла летчика от расправы. Что касается радиолюбителей, то они тоже оказывались в опасном положении. Владельца «слишком длинной» по мнению обывателя антенны могли заподозрить в шпионаже. Петербургский градоначальник, словно подливая масло в огонь, определил максимально допустимый размер радиоантенны для частного лица. На нарушителей просили доносить «куда следует», подставляя под удар народного гнева. Один житель пригородов Гатчины таким образом лишился сарая с радиооборудованием, который сожгли бдительные граждане.³ Во Владимирской губернии радиолюбителей не было, зато владельцы громоотводов иногда чувствовали на себе народный гнев и эти полезные сооружения часто уничтожали в первые годы войны бдительные граждане.

Другой социальной группой, которая оказалась связанной с образом врага и оказалась предметом преследований со стороны обывателей в условиях начинающейся войны, стали, как ни странно, китайцы. Правда, это касается в основном центральных регионов и, в особенности, Москвы. Буквально в первые месяцы войны издается постановление, согласно которому все подданные Китая и (интересная формулировка) «подозрительные лица китайского происхождения» должны быть немедленно выселены из губернских городов России.⁴ Пресса также начинает кампанию по разжиганию национальной розни, публикуя статьи о жизни китайских общин, представляемых как сборища бандитов и предателей, способных продаться любому врагу. Вполне по-

нятно, что пресса выражает настроение общества в отношении китайских диаспор. Причина подобного явления проста. Точно так же Франция и Англия с началом войны избавлялись от «подозрительных» социальных и этнических групп. Только там это были уголовники и цыгане. В императорской России китайцы находились в положении современных выходцев из стран СНГ, выполняющих самую тяжелую и низкооплачиваемую работу в крупнейших городах страны. Значительная часть московских дворников и грузчиков была китайцами. Только в отличие от современных «Gastarbeiter», китайские диаспоры отличались внутренним единством, замкнутостью и сохранением традиционного уклада жизни даже за рубежом. Замкнутые, необщительные люди, занимающиеся черной работой, вызывали недоумение, страх, подогреваемый прессой.

Поиск провинциальным обывателем внутреннего врага, ответственного за проблемы военного времени в условиях большой войны, вносит дополнительную сумятицу, приводит к антинемецкой истерии, внутренним конфликтам. Ведь до 3-4% жителей центральных губерний были выходцами из Германии⁵ обрусевшими немцами; они становились жертвами обывательских страхов и преследовались властями. Справедливость требует однако заметить, что враг побежденный, сдавшийся не вызывал страха и сопутствующей ему агрессии. Поэтому, несмотря на то, что существует множество свидетельств о погромах в немецких поселениях на территории России, единичны факты расправы над пленными солдатами и офицерами. Наоборот, зачастую они находились в лучшем положении, чем немцы с российским гражданством. Пленные могли спокойно устраиваться на работу по специальности в том месте, где находится лагерь, лишь отмечаясь у коменданта вечером и спокойно разгуливать по городу (например, по Владимиру, что, кстати, очень возмущало владимирских журналистов, но не беспокоило обывателей).⁶ Они легко заменяли конторщиков, инженеров и слесарей, ушедших на войну. При подобном благожелательном отношении тем более становится странным страх обывателя (в основном, правда, деревенского) перед беженцами из западных губерний, перерастающий в прямую агрессию и погромы переселенческих «поездов». Архиепископ Владимирский и Суздальский Алексей вынужден был даже организовать проведение силами епархии выездных чтений против ксенофобии.⁷ Очевидно, что

пленные немцы, венгры, чехи воспринимались как странные, неопасные чужаки, а братья-славяне с западных губерний, очень похожие на обывателя центральных областей, но имеющие отличия в обычаях, речи, культуре, воспринимались как чужаки опасные, способные занять чужое место и вытеснить коренное население, то есть прямые и реальные враги, в отличие от далёкого и непонятного «немца».

Наконец, следует упомянуть ещё одну категорию «врагов», для создания образа которых не потребовалось совершенно никаких усилий. Это – турки. С открытием Кавказского фронта не потребовалось никаких дополнительных мер для объяснения с кем воюем и за что. «Турка» – понятный для обывателя образ, абсолютно приземлённый, не вызывающий противоречивых чувств и страхов. Поэтому никаких турецких шпионов никто не искал.

¹ Русские ведомости. – 1914. 23 августа.

² Русские ведомости. – 1916. 3 марта.

³ Русские ведомости. – 1915. 25 июля.

⁴ Русские ведомости. – 1914. 4 сентября.

⁵ Владимирские епархиальные ведомости. – 1916. 30 ноября.

⁶ Владимирские епархиальные ведомости. – 1916. 17 апреля.

⁷ Владимирские епархиальные ведомости. – 1916. 30 ноября.

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

Ю. А. ИВАНОВ

(г. Шуя)

ДРУГАЯ ВОЙНА ГЕНЕРАЛА БЕЛОВА

Уроженец Шуи Герой Советского Союза, генерал-полковник Павел Алексеевич Белов (1897-1962) по праву занимает почетное место среди легендарных полководцев Великой Отечественной войны и в пантеоне замечательных людей Ивановского края.¹

О боях его гвардейского кавалерийского корпуса в годы войны слагали песни: *«Гнали немцев конники Белова.// Орудийный гром не умолкал»*. Герой Московской битвы 1941 г., командующий 61-й армией, завершивший войну на Эльбе после войны возглавлял ряд военных округов. Закончил служение Родине во главе всесоюзного ДОСААФ. Памятью об этом времени стал его подарок родной Шуге – парашютная вышка в городском парке – единственная в райцентрах СССР (разобрана в начале 1990-х гг.).

Как и многим военачальникам такого ранга, ему было что вспомнить. С довоенных лет он был хорошо знаком с С.М. Буденным (был его порученцем), Г.К. Жуковым и многими другими полководцами Великой Отечественной войны. Но с воспоминаниями не все было просто. Еще в 1950 г. Сталин не дал добро на публикацию двух первых сборников воспоминаний о войне: «От Сталинграда до Вены» и «Штурм Берлина». Несмотря на то, что авторы писали не о поражениях 1941 г., а о победах. По свидетельству маршала А.М. Василевского, генералиссимус считал, что «писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, в них не будет объективности».² Особенно Сталина беспокоила нежелательная правда о катастрофе 1941 г. Советские военачальники строго следовали этому негласному указанию: практически все воспоминания появились только в 1960-е гг., в эпоху «оттепели». Не был исключением и П.А. Белов.

Его воспоминания «За нами Москва» вышли в 1963 г., уже после смерти автора 3 декабря 1962 г. Литературным обработ-

чиком мемуаров был молодой журналист Владимир Успенский, в будущем известный писатель, автор первого «конспирологического» романа о Сталине, появившегося в годы перестройки – «Тайный советник вождя», где многие черты вымышленного главного героя списаны с П.А. Белова, встречи с которым многое дали автору.³

Но мало кто знал, что свои первые, абсолютно самостоятельные воспоминания «по памяти» о войне генерал-полковник Белов написал еще осенью 1949 г., и они касались самых тяжелых первых дней войны, о которых в опубликованных мемуарах всего несколько страниц.⁴ Воспоминания 1949 г., которые имели гриф «секретно», были опубликованы только после рассекречивания в 2017 г.⁵ Но обо всем по порядку.

В марте 1949 г. генерал-полковник П.А. Белов был назначен командующим Южно-Уральским военным округом с центром в Чкалове (с 1957 г. – снова Оренбург).⁶ Соседним Уральским военным округом с центром в Свердловске командовал его давний знакомый опальный «маршал Победы» Г.К. Жуков, для которого это была почетная ссылка, закончившаяся только со смертью Сталина в марте 1953 г.⁷

Это было время, о котором И. Бродский в своем известном стихотворении «На смерть Жукова» (1974) писал: «...У истории русской страницы // хватит для тех, кто в пехотном строю // смело входили в чужие столицы, // но возвращались со страхом в свою». И действительно, «державный гнев» (по А.Т. Твардовскому) тогда обрушился на многих военачальников. Эпоха позднего сталинизма и начавшаяся «холодная война» были не самым лучшим временем для воспоминаний, тем более о поражениях 1941 г.

В мае 1946 г. на базе Военно-исторического отдела Генерального Штаба было создано Военно-научное управление, в задачи которого входило общее руководство военно-исторической работой в Советской Армии, краткое и полное описание Великой Отечественной войны, отдельных важнейших операций и наиболее поучительных боев, разработка отдельных тем по истории военного искусства до Великой Отечественной войны и некоторые другие. Авторы столкнулись с недостатком материалов по фактическому ходу событий, особенно в начальный период войны. С целью восполнения отсутствующей информации в 1949 г. были разосланы письма офицерам и генера-

лам, занимавшим командные должности в приграничных округах 1941 г., с просьбой представить воспоминания по начальному периоду войны (с июня по сентябрь 1941 г.). В течение 1949-1950 гг. было направлено 202 письма, большинство из них осталось без ответа. Воспоминания прислали только 33 человека, 15 отказались отвечать по различным причинам, от 164 ответы не были получены.⁸ Среди тех, кто подробно ответил, был П.А. Белов.

Сохранилась форма письма, направленного командирам соединений, правда в варианте 1952 г. за подписью генерал-полковника А.П. Покровского, с 1946 г. начальника Главного военно-научного управления, помощника начальника Генерального Штаба по военно-научной работе до 1956 г. Главное военно-научное управление интересовали острые и потенциально опасные для интервьюируемых «неясные ... вопросы»: был ли доведен до них план обороны государственной границы и когда это было сделано, был ли подготовлен рубеж на линии госграницы, когда части соединения начали выход к госгранице, по чьему распоряжению и какую задачу получили, когда было получено распоряжение о приведении частей в боевую готовность, какую задачу они получили, что для этого было сделано, наконец, «в каких условиях обстановки части вверенного Вам соединения вступили в бой».⁹ Не самые удобные вопросы для непосредственных участников событий первых дней войны, особенно для тех военачальников, для которых они закончились катастрофически. Работа над «Стратегическим очерком» была завершена в 1960 г., и в 1961 г. труд был издан Воениздатом под грифом «совершенно секретно», полное название – «Стратегический очерк Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.».

В начале войны П.А. Белов командовал 2 кавалерийском корпусом (его первым командиром был легендарный герой Гражданской войны Г.И. Котовский), который принял в марте 1941 г. Корпус дислоцировался в Молдавии, состоял из двух кавалерийских дивизий: 5 (с ноября 1941 г – 1 гвардейская кавалерийская) и 9 (с ноября 1941 г. – 2 гвардейская кавалерийская). Обе дивизии имели боевой опыт – «освободительный поход» 1939 г. в Западную Украину и возвращение Бессарабии в состав СССР в 1940 г. Можно сказать, что корпусу относительно «повезет» потому, что в начале войны ему противостояли в основном румынские войска.

В отличие от многих авторов заказанных Генштабом воспоминаний П.А. Белову не в чем было оправдываться. Он не потерпел поражения в приграничных боях, не потерял войска и не выходил один из окружения, не был в плену и не проходил спецпроверку. Более того, как напишет ивановский журналист, его однофамилец, генерал Белов «побеждал, отступая».¹⁰

Известный военный историк А.И. Исаев отмечал, что «кавалерийские корпуса оказались самыми устойчивыми соединениями Красной Армии в 1941 г. В отличие от корпусов механизированных, они смогли выжить в бесконечных отступлениях и окружениях 1941 г. Кавалерийские корпуса П.А. Белова и Ф.В. Камкова стали «пожарной командой» Юго-Западного направления. Первый позднее участвовал в попытке деблокирования киевского «котла».¹¹

Тем не менее П.А. Белов помнил, что три командующих армиями Юго-Западного направления оказались в плену, а командарм А.А. Власов, с которым он пересекался на Украине, потом и в битве под Москвой в 1942 г., перешел на сторону врага. Да и участие его корпуса в попытке деблокирования киевского «котла» в сентябре 1941 г. окончилось неудачей. Держал он в уме и то, что в начале войны 9 армией, в состав которой входил 2 кавалерийский корпус, командовал генерал-полковник Ф.М. Черевиченко. В октябре 1941 г. армия попала в окружение и вышла из него с большими потерями, правда, корпуса Белова в ее составе уже не было. В феврале 1943 г. Черевиченко был снят с должности командующего 5 армией Западного фронта как «не справившийся с выполнением боевых задач» и войну закончил командиром стрелкового корпуса, оставаясь генерал-полковником.

Командир 9 кавалерийской дивизией, входившей в корпус П.А. Белова, полковник А.Ф. Бычковский за отличие в боях уже 24 июля 1941 г. единственный из командиров дивизий РККА был награжден орденом Ленина и ему присвоено звание «генерал-майор». В мае 1943 г. был арестован органами СМЕРШ за «распространение антисоветских убеждений». Под следствием находился 9 лет, и в 1952 г. приговорен к 10 годам лишения свободы и лишен звания. Реабилитирован и восстановлен в звании в августе 1953 г.

Все это заставляло его быть максимально объективным и ... осторожным. О соратниках первых дней войны приходилось

писать: пропал без вести, убит, осужден, где сейчас, не знаю. Любая фамилия в тексте 1949 г. должна была сопровождаться ссылкой.

Наверное, не только потому, что текст 1949 г. в 1962 г. по-прежнему оставался секретным – книга, где использовались эти материалы, вышла в 1961 г. с грифом «совершенно секретно», но и потому, что хотелось писать о победах, многие честные страницы о первых днях войны не вошли в мемуары полковника. Он оставался сыном своего времени.

¹ *Балдин К.Е.* Замечательные люди Ивановского края. – Иваново: ИД Референт, 2021. – С.8-10.

² *Василевский А.М.* Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1978. – С.6.

³ *Успенский В.Д.* «Тайный советник вождя», роман-исповедь. Кн.1. – М.: Советский писатель, 1990. – С.5-6.

⁴ *Белов П.А.* За нами Москва. – М.: Воениздат, 1963. – С.9-14.

⁵ Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. Т.2. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. – С. 394-408.

⁶ П.А. Белов будет командовать округом до мая 1955 г. Именно при нем на Тощком учебно-артиллерийском полигоне Южно-Уральского военного округа во время корпусных учений 14 сентября 1954 г. впервые применили атомную бомбу мощностью 40 килотонн. Руководил учениями Г.К. Жуков, в это время – первый заместитель министра обороны.

⁷ *Белов П.* Все ураганы в лицо. Маршалы и генералы Великой Отечественной войны – наши земляки. – Иваново: Ивановская газета, 1995. С.53-58; *Обухова Е.* Генерал, которому завидовал сам Жуков // Местный спрос. – 2022. 1 февраля.

⁸ Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. Т.1. – С. 6-7.

⁹ Там же. С.14.

¹⁰ *Белов П.* Все ураганы в лицо. Маршалы и генералы Великой Отечественной войны – наши земляки. С.48.

¹¹ *Исаев А.И.* Десять мифов Второй мировой. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – С.148.

СЛОВО И ВРЕМЯ: *НАВОЗНИЦА*

В течение XX в. в русской деревне произошли значительные изменения. Однако «уход, утрата реалий традиционного быта не означает такого же стремительного исчезновения лексики, т.к. процесс устаревания слова более длительный. В связи с этим жизнь слова в памяти людей оказывается намного дольше бытования самой реалии» [ТБПК, с. 5]. Многочисленные языковые факты, отмеченные на территории Ивановской области, подтверждают этот тезис. Местные говоры по сей день сохраняют лексику, являющуюся знаком прошлого, знаком ушедшего времени. Одно из таких слов – *навозница*.

Навозницей называют процесс вывозки навоза со дворов в поле и время, пору этой вывозки.

Слово известно многим русским говорам: отмечено в СРНГ с территориальными пометами Влад., Нижегород., Костром., Моск., Яросл., Волог., Твер., Пск., Новг., Калуж.. Его фиксируют другие областные словари – ЯОС, СВГ, НОС, СРГБ, ОСВГ, СГКЗ, ПОС; включают в свои тексты авторы художественных произведений – И.С. Тургенев, А.П. Чехов, С.В. Максимов [БАС, т. 7, с. 83] – при описании повседневной жизни русской деревни. Подробно толкует слово В.И. Даль: «междупарье, пора между вешними и летними работами, когда сев кончен, а покос и пашка под озимь ещё не начались, почему и возят на поля удобренье, назём; июнь, 2–3 недели июня, до Петровок» [Даль].

Сами же деревенские жители рассказывают: *Есть пора такая – навозница, навоз на поле возили; Придёшь с гуляшок, и спать некоуды: навозница была, дак на полё с братом уехала* [СВГ, вып. 5, с. 28]; *Навозница в июне, навоз возят; Навозница, когда навоз возят, посевная кончится, и возят навоз под рожь; Всю навозницу навоз возила, до Иванова дни. Навозница-то грязная, рассолина на дворе, да рассол, вода на дворе. Помочь раньше делали и в сенокос, и во жниво, и навозницу* [НОС, с. 589].

Об этой поре в жизни сельчан мы узнаём и от жителей Ивановской обл. См., например, записи, сделанные в Комсомольском р-не: *Весной вывозили в огороды, на поля навоз, раскидывали. Это называли навозница. Когда всё сделают, начинался*

праздник [Майорова, с. 49]; Весной, в навозницу, председатель назначает 4–5 домов, и ходишь по посадку, чистишь. Вывозили навоз на колхозные поля. Складывали в колышечки. Разбивали и разравнивали потом, а трактористы пахали¹ [Майорова, с. 61]. В с. Филисово Родниковского р-на дали другое описание навозницы: Раньше осенью вывозили навоз-то на поля-то, вот этот свежий-то, и хорошо, если немножко это подморозит, подстынет и раскладывали по участку, складывали. За зиму-то это всё проходило в землю, и весной перепахивали, все питательные вещества, всё тут.

Навозница – производное от *навоз* ‘перегнившая смесь помета домашнего скота и подстилки, служащая для удобрения почвы’ [Ушаков], ‘назем, помет скотский в смеси с объедьями и подстилкой, удобрение’ [Даль]. Навоз ассоциируется с нечистотой, грязью, и эта ассоциация закреплена во фразеологизмах, содержащих отрицательную коннотацию: *пойти на навоз* ‘оказаться ненужным, бесполезным, абсолютно ни к чему не пригодным’; *ковыряться в навозе* ‘заниматься тяжёлой и грязной работой’, ‘выяснять какие-либо интимные, сомнительные детали, порочащие чью-либо репутацию’; *загрести навозом* ‘унизить кого-либо’ [БСРП]. Отсюда и метафорическое значение слова *навоз* – ‘что-нибудь дрянное, негодное (разг. пренебр. и бран.)’ [Ушаков] и его производного *навозный* в составе выражения *навозное слово* ‘бранное слово’ [СРНГ, вып. 19, с. 174–176] и *навозная куча* ‘неряшливая женщина’ [ЯОСД, т. 2, с. 42].

Между тем слово *навоз* обладает несомненной положительной оценочной семантикой. Народная, крестьянская мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, приметах, – тому свидетельство:

Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка.

Навоз кладут, чтоб больше хлеба родилось, а полбу сеют, чтоб людям годилась.

От навозу и куча растёт.

Навоз отвезем, так и хлеб привезем.

Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто.

Вози навоз, не ленись, так хоть Богу не молись.

Навоз Бога обманет.

За навозом проезду (провороту) нет, а молока купить не сыщешь².

Навозу не запахивают в новолуние, а в последнюю четверть.

Добудь дедовского навозу, снопы валиться будут с возу [Даль].

То же можно сказать и о слове *навозница*. См., например, как характеризуют соответствующую реалию местные жители, используя при этом оценочную лексику, подчёркивающую позитивное отношение к описываемому: *Навозница – праздник всей деревни. Все поля грудками навоза завалены. Чистили хлева, деревня работала* [Майорова, с. 106]; *Каждый год, весной, навозница. Начинали по очереди. Подгоняют 3-5 лошадей с телегами, ворота раскрывают, телеги пятают во двор. Стоят пять баб, подхватят вилами пласт навоза и на телегу. Везут на поля. В мае сгоняют скотину, хлев освобождается, до земли вычистят. К нам пять подвод въезжало, я считала. «Бабы, завтра к нам!» «Нет, к Епранье!» Мама выставляла вино. Бабы поют. Свежей соломы привезем. Вдохновенье какое!* [Майорова, с. 149]³. А вот отношение к сегодняшнему состоянию дел в деревне: *Навоз на поля возили, а сейчас скотина сердешная погибает! Проваливается в ямы. Турки, а не работники! Сидит начальник как бундук!* [Майорова, с. 100].

Положительно оценивают обычай вывозки навоза со дворов в поле жители других регионов страны. Ср. иллюстративный материал областных словарей: *Раньше навозница вроде праздника: пироги белые пекли, компоты варили; Раньше в навозницу-то весело было, у одних вывезут, потом к другим, на нескольких лошадях возили* [ЯОС, вып. 6, с. 86]; *В навозницу-то всей деревней работали, изо всех дворов по очереди навоз вывозили. Потом пировали* [СГКЗ, с. 223].

Навозница, по сути, – один из символов жизни старой деревни, когда ценился коллективный труд, взаимопомощь, взаимовыручка.

Словом *навозница* в разных русских говорах называют также:

1) коллективную помощь крестьян при вывозке навоза на поля [Букринская, Кормакова, с. 84, 88]⁴;

2) телегу, на которой вывозят навоз в поле [Ворошилова, с. 382; СРНГ, вып. 19, с. 175; ОСГКО, с. 133; СВГ, вып. 5, с. 28; ОСВГ, вып. 6, с. 125; НОС, с. 589; СГКЗ, с. 223; ООС, с. 101; ЯОСД, т. 2, с. 42]; в псковских говорах, в частности, – телегу

без передней и задней стенки на четырех или двух колесах или тележку типа тачки [ПОС, вып. 19, с. 282]; Даль описывает это средство перевозки навоза так: «навозная телега, с обшитым, опрокидным ящиком, кузовом» [Даль]; на территории же Палехского р-на Ивановской обл. сделана такая запись: *Говённая? А как же! Была! У всех такая была, на чём же навоз-то возить? Ну, или навозницами их ещё звали;*

3) корзину для навоза [СРНГ, вып. 19, с. 175];

4) раствор навоза в воде, используемый для удобрения растений [ПОС, вып. 19, с. 283];

5) запах навоза, навозной жижи [ПОС, вып. 19, с. 283];

6) девочку, вывозящую навоз в поле [СРНГ, вып. 19, с. 175; ПОС, вып. 19, с. 282].

7) яму, место, куда свозят навоз [СРНГ, вып. 19, с. 175].

8) навозную жижу в хлеву [СРНГ, вып. 19, с. 175; НОС, с. 589; ПОС, вып. 19, с. 283].

9) весеннюю распутицу, когда на дорогах, полях обнажается из-под снега навоз [СРНГ, вып. 19, с. 175; ПОС, вып. 19, с. 283; Даль];

10) корову, которую держат в хозяйстве главным образом для получения навоза [ОСВГ, вып. 6, с. 125].

Слово **навозница** – член разветвленного словообразовательного гнезда с вершиной *навоз*. В состав этого гнезда входят также лексемы:

1) **навозы** ‘вывозка навоза со дворов в поле; время, пора этой вывозки’ [СРНГ, вып. 19, с. 174; ОСГКО, с. 133];

2) **навозный** ‘содержащий навоз’, ‘предназначенный для работы с навозом’, ‘живущий в навозе’ в сочетаниях **навозная телега**, **навозный жук** [ПОС, вып. 19, с. 284], **навозная помочь**, **навозная толока** ‘коллективная помощь крестьян при при вывозке навоза на поля’ [Букринская, Кормакова, с. 84, 88; ПОС, вып. 19, с. 284], **навозный крюк** ‘вилы с двумя загнутыми рогами для стаскивания навоза с телеги’ [СРНГ, вып. 19, с. 174–176; ЯОС, вып. 6, с. 86; ЯОСД, т. 2, с. 42; ПОС, вып. 19, с. 284], или **навозные вилы** [Даль; СЦРЯ, т. 2, с. 45; ЯОС, вып. 6, с. 86]; **навозная возка** ‘вывозка навоза со дворов в поле; время, пора этой вывозки’; **навозный табор** ‘вывезенный навоз, сваленный в кучу’ [СРНГ, вып. 19, с. 174–176];

3) **навозня** ‘яма, место, куда свозят навоз’, ‘вывозка навоза со дворов в поле; время, пора этой вывозки’ [СРНГ, вып. 19, с.

176; ПОС, вып. 19, с. 284; Даль; СЦРЯ, т. 2, с. 45]; ‘удобряемая полоса земли, ближайшее поле’ [Даль]; ‘весенняя распутица, когда снег всюду покрывается навозом’ [СРНГ, вып. 19, с. 176; Даль]; ‘вывозка навоза со дворов в поле; время, пора этой вывозки’ [СРНГ, вып. 19, с. 176];

4) **навозни** ‘сарай, крытый соломой или землей’ [СРНГ, вып. 19, с. 174–176];

5) **навозно** ‘грязно от навоза; много навоза’ [СРНГ, вып. 19, с. 174–176];

6) **навозник** ‘человек, заготавливающий или возящий навоз’ [СРНГ, вып. 19, с. 175; ПОС, вып. 19, с. 281; СЦРЯ, т. 2, с. 45; Даль]; ‘повозка, на которой возят навоз’ [ПОС, вып. 19, с. 281]; ‘гриб, растущий на унавоженной земле (шампиньон и поганка)’ [ПОС, вып. 19, с. 281]; ‘участок земли, на который вносится навоз’ [СРНГ, вып. 19, с. 174–176; Даль], ‘телега с бортами для перевозки навоза’ [ЯОСД, т. 2, с. 42];

7) **навозчик** ‘человек, заготавливающий или возящий навоз’ [СРНГ, вып. 19, с. 176; ПОС, вып. 19, с. 283]; ‘подросток, который возит в поле навоз, наваливаемый работником’ [СРНГ, вып. 19, с. 176; Даль];

8) **навозчица** ‘девочка, вывозящая навоз в поле’ [ПОС, вып. 19, с. 284]; ‘подросток, который возит в поле навоз, наваливаемый работником’ [Даль];

9) **навозистый** ‘обильный навозом’ [Даль];

10) **наваживать, навозить** ‘удобрять землю навозом’ [ПОС, вып. 19, с. 281; Даль];

11) **навозиться** ‘быть удобряему’ [Даль];

12) **навознить** ‘удобрить землю навозом’ [ПОС, вып. 19, с. 281];

13) **навозенье** ‘вывозка навоза со дворов в поле; время, пора этой вывозки’ [НОС, с. 589];

14) шуйские лексемы **навозоуборщик** ‘уборщик навоза’, **навозоуборщица** ‘уборщица навоза’ [СРНГ, вып. 19, с. 174–176] (ср.: *возчик* ‘ребенок, подросток, занимающийся вывозкой навоза на поля’ [СВРГ, с. 50]).

Можно констатировать, таким образом, очевидное: навоз был чрезвычайно важен для крестьянского хозяйства, вокруг него выстраивалась целая «инфраструктура»: средства перевозки и переноски навоза; ямы, куда складывали навоз, и т.д. И все эти реалии получали свои имена. Значима в жизни сельчан и

навозница, что также находит отражение в языке: слово *навозница* характеризуется основательной включенностью в лексическую систему говоров – является членом объемного словообразовательного гнезда, входит в отношения синонимии и полисемии.

¹*Посад* – сторона деревенской улицы, *колышечки* – кучки, *разбивать навоз* – раскидывать навоз по полю.

²Ср.: *нет провороту* – об отсутствии свободного места, тесноте где-либо; *без провороту* – о большом количестве чего-либо [БСРП].

³Хотя имеются и другие оценки: *На суровозках навоз со дворов возили. Раньше надо было по 12 телег навоза вывести в колхоз. Все должны были* (д. Захарцево Савинского р-на).

⁴Архаический обычай коллективной помощи в разных видах сельскохозяйственных работ восходит к восточнославянской традиционной крестьянской культуре и известен многим другим народам [Букринская, Кормакова, с. 77].

Литература

Букринская И.А., Кормакова О.Е. Названия обычного коллективной помощи в сельской работе // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 84, 88.

Ворошилова Т. С. Материалы к областному словарю // Уч. зап. Шуйского государственного пед. ин-та. Вып. 9, 1960.

Майорова В.И. Слово о былом. Лондон, 2011.

Список сокращений

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л, 1950–1965.

БСРП – Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>

Даль – Толковый словарь Даля. В.И. Даль. 1863-1866 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>

НОС – Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. — XXVII, 1435 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Вып. Т. 1–10. Киров, 1996–2016.

ОСГКО – Опыт словаря говоров Калининской области. Под редакцией профессора Г.Г. Мельниченко. Калинин, 1972ю

ООС – Б.А. Моисеев. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2010.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская, С.М. Глушкина, Л.А. Ивашко, А.И. Корнев, И.С. Лутовинова и др. вып. 1–26. Л./СПб., 1967–2016.

СВРГ – Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / словарь / научный редактор Л.Ю. Зорина; Мин-во образования и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2017.

СВГ – Словарь вологодских говоров в 12-ти вып. / Под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.

СГКЗ – Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии / АН Республики Башкортостан; Министерство общего профессионального образования РФ; Башкирский государственный университет / Под ред. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 1997–2005 (переизд. Уфа, 2008).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–50. М.; Л./СПб., 1965–2017.

СЦРЯ – Словаря церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской академии наук. Т. 1–4. 1847. Репринтное издание. СПб., 2001.

ТБПК – Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / Ред. Н.В. Большакова. Составители: Андреев В.К., Большакова Н.В., Воробьева Л.Б., Лукьянова С.В., Моная Ю.Ю., Плоскук Г.И., Побидько З.В., Смирнова А.Н. Псков: ЛОГОС Плюс, 2012.

ЯОС – Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

ЯОСД – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

И. С. СБИТНЕВА
(г. Владимир)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ, ОДНОГО ДОМА И ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ

Часть первая

Краткая история одной деревни

В 1994 г. моя мама случайно приобрела часть дома и огорода в деревне с названием Нежитино. Эта покупка была сделана для меня. У родителей была уже дача в коллективном саду, вблизи от этой деревни. У меня же никакой недвижимости тогда не было, а потребность в уединении и отдыхе была давно. Конечно, доля в саду и огороде, с соседями – приобретение не лучшее. Но денег на лучшее у нас тогда не было.

Так я очутилась в деревне Нежитино. Название это я не могла объяснить ни тогда, ни много позже. Как я выяснила потом, люди жили на этом месте, по крайней мере, четыреста лет¹.

Деревня упоминается в дарственной грамоте Княгинина девичьего монастыря во Владимире, выданной царем Феодором (то есть, Борисом Годуновым). За это время, деревня несколько увеличилась в размерах. В грамоте упоминается 24 двора. В середине 1990-х гг. там было около 70 домов.

Дома разбросаны по краю длинного и очень глубокого оврага, более двадцати метров глубиной. Овраг был прорыт за века речкой с финно-угорским названием речкой Исахра² (летом это скорее ручей). Овраг отделял деревню от остального мира. Единственная проезжая дорога была и есть – в обход, через Юрьев-Польскую дорогу.

Поэтому местные жители переделали название деревни в «Неждино» – мол, тут все гости нежданные. Позже, когда появились сотовые телефоны – выяснилось, что устойчивой телефонной связи здесь тоже нет. Новое название оправдало себя.

...Находясь в 7 км от города Владимира, на плодородных землях, в красивом месте, деревня была полузаброшена. От полного запустения в 1970-1980-е гг. ее спас местный совхоз (здесь был его филиал), и любовь здешних жителей к своей малой родине.

Постоянных жителей тогда было два-три – пенсионеры, державшие коров и коз. Остальные – дачники на лето. Дачники тогда тоже были местные – из бывших крестьян, или их знакомые. В 1940-1960-е гг. местные жители ушли отсюда работать во Владимир. За годы трудов на заводе, заработали городскую квартиру. А летом их, как магнитом, тянуло на родину. Да и родительские дома бросать было жалко.

Моя соседка по дому и огороду, Екатерина Никитична Абаихина, связь с малой родиной не теряла, и работая на заводе. Как и другие жители этой деревни, она устроилась на Владимирский тракторный завод. Он был ближайшим к деревне.

До Тракторного завода было всего 8 км по пересеченной местности. Эти километры местные жители проходили утром и вечером, зимой и летом, под дождем и снегом. Автобуса здесь никогда не было.

Койку в общежитии прежде давали не сразу – общежития надо было еще построить. Чтобы получить квартиру, надо было проработать 15-20 лет – как кому повезет. Одиноким и бездетным женщины, такие как Екатерина Никитична, получали квартиру

позже других, ближе к пенсии. В первую очередь квартиры давали семейным парам с детьми³.

... Легкость, с которой местные жители потянулись в город на завод, говорит о том, что они и раньше «занимались отхожим промыслом». Только до революции это занятие было сезонным, преимущественно зимним, и фабрики и заводы были далеко – самое малое, за 40-50 км⁴. А тут завод появился рядом, «под боком».

В 1990-е гг. кратчайшая «народная тропа» в город, через овраг, еще сохранилась, и я ей лет десять пользовалась. Она была оборудована с помощью совхоза. Через речку было перекинуто два бревенчатых мостика с перилами. Мостики эти есть и сейчас, но ходить по ним опасно. А тропа заросла высокой крапивой и сорными деревьями.

Изменилось и состояние самой деревни. Четверть века назад здесь было деревенское стадо – козы, овцы, несколько коров. Теперь живности крупнее курицы нет, и то редкость.

По летним праздникам была слышна гармонь и песни. На Троицу избы украшали зелеными березовыми ветками. Старожилы ушли – с ними ушли и старые русские традиции.

В советское время здесь, как говорят, была начальная школа, почта с магазином, распаханное поле и филиал колхозной фермы – телятник. Осенью устраивали общий «праздник урожая». Но я этого уже не застала.

Новые жители старой деревни

...Зато в 1980-е гг. на краю деревни появилось несколько новых капитальных домов. Это тихое и красивое место облюбовали служители нашей знаменитой тюрьмы – Централа. Служащие правоохранительных органов выходят на пенсию рано; пенсии им на жизнь хватает. И вполне понятно, что после такой службы людям хочется тишины и покоя.

В начале 1990-х гг. на другом краю деревни давали земельные участки, по сертификатам, семьям отставных офицеров. Это была нечестная сделка – ведь в деревне, как уже было сказано, не было ни автобуса, ни магазина. Значит, для ПМЖ (постоянного места жительства) она не годилась. Однако военные от земли не отказались – привычны были преодолевать трудности. И машины в каждой семье были.

Почти на каждом участке со временем построили капитальный дом. Так возникла новая улица «Воинская» в 40 домов. Эти

дома отличаются от деревенских изб наличием второго этажа (мансарды). Жители этой улицы отличаются от «коренных» большей сплоченностью и дисциплиной. Так, свою улицу они засыпали щебенкой в складчину, за несколько лет. А прочие по сей день ждут, пока местные власти замостят не только дорогу до деревни (это уже сделано), но и деревенскую улицу бесплатно.

«Безлошадные дачники», вроде меня с мужем, проторили новую тропу к ближайшему автобусу «в город». Уже без помощи властей, построили новый мостик с лестницами через овраг. Чиним его каждый сезон. Жизнь продолжается.

Часть вторая

История одного дома и его обитателей

Дому в деревне, о котором пойдет речь, в этом году исполнилось сто лет. Скоро он будет разобран по ветхости. Но прежде мне хотелось бы рассказать историю, с ним связанную.

Соседка

...С соседкой моей, Екатериной Никитичной, или попросту тетей Катей, мы десять с лишним лет встречались на одном огороде. У нее было девять соток, у меня три с половиной. Соседка была невысокой, круглолицей и беззлобной. Еще была она разговорчивой – видно, от одинокой жизни. Замуж не выходила, детей не имела, о родительской семье и родных почти не упоминала.

Только на ее поминках, в 2010 г., я узнала, что она не была коренной жительницей этой деревни. Ее мать купила тот дом после войны, и поселилась там **с семьей детьми**. Откуда они пришли – неизвестно. Муж ее погиб на фронте. (По крайней мере, так говорила ее мать; похоронку предъявить не требовали). Екатерина Никитична родилась в 1940 году.

...Здесь я задумалась. До того я читала сборники воспоминаний, которые издавались во Владимире к 60-летию, 65-летию, 70-летию Победы. Эти воспоминания писали люди, бывшие во время войны детьми. Среди них были и дети из многодетных семей.

Их воспоминания однотипны: приехали с запада, были размещены в частных домах, по 5-8 человек в маленькую комнату. Отцы воевали или уже были убиты. Матери с санками обходили окрестные деревни и села, меняя взрослую и детскую одежду на

любую еду. Мешки с добытой провизией матери грузили на санки и волокли домой. Дома старшие дети добывали дрова (пилили деревья на реке и волокли в дом), топили печь, готовили еду (если было из чего), и смотрели за младшими [1].

О том, чтобы чья-то мать купила не мешок картошки или кулек сушеного гороха, а целый дом, речи в этих сборниках не было. И быть не могло. Видимо, такие случаи были, но про них не рассказывали. Почему?

Дом в деревне всегда был ценностью; за гроши его не купишь. После войны, когда люди потянулись в города, деревенские дома несколько подешевели. Тогда их покупали «на вывоз» бывшие фронтовики, и не за гроши.

У меня есть объяснение... Многодетная вдова могла купить дом за золото, ранее заработанное и припрятанное.

Семья Абалихиных была типичной крестьянской семьей; позже они держали корову, кур, кроликов, баранов. Они пахали и сажали свой огород, дети работали в колхозе. В колхозе в 1950-е гг. за работу денег не платили. Поэтому дети, когда выросли, ушли работать в город.

Другое дело – их родители. До колхозов, еще в 1920-е гг., крестьяне работали «на себя», и имели возможность копить. В обращении тогда были советские червонцы. До 1921 г., во времена «военного коммунизма», всякая торговля была запрещена. Но по факту, существовала и называлась «мешочничество». Это было опасное занятие – патрули могли арестовать, выбросить с поезда, даже расстрелять. Поэтому продукты стоили дорого [2]. Их меняли на хорошие, добротные вещи, наиболее охотно – на золото, украшения или царские червонцы⁵.

...Позже, в 1930-е гг., когда стране требовались средства, золото и валюту из граждан вышибали всеми средствами. В ход шли Торгсины⁶, и аресты, и обыски. Горожанам червонцы было велено сдать. Крестьяне, имевшие сбережения, объявлялись кулаками и с семьями отправлялись в ссылку. Имущество их конфисковывалось. «Схроны» с зерном и ценными вещами искали их земляки, «комбедовцы».

Однако кто-то должен был и уцелеть. Кто-то свою «заначку» сумел сберечь⁷. Для этого надо было, прежде всего сменить место обитания. То есть, уйти с тех мест, где тебя все знают [3].

Дети, выросшие в таких «беглых» семьях, с раннего детства знали, о чем можно говорить с посторонними, а о чем – нет. На

уровне рефлекса. Отсюда и неразговорчивость тети Кати, нежелание говорить о семье.

...Что было дальше с этой семьей? Тетя Катя, как уже было сказано, пошла на завод. Старший брат Павел нашел работу в ближнем поселке Юрьево, построил там дом, завел семью и детей. Только он и продолжил абалихинский род. Сестра Валя родилась слабоумной, но дожила до старости. Куда делись еще четверо братьев и сестер, не известно.

Как я появилась в этом доме

Жена Павла, больная сердцем женщина, выйдя на пенсию, хотела летом жить в деревне. Тетя Катя согласилась на пристройку к дому, на месте бывшего хлева. Двое взрослых сыновей, оба механизаторы, купили подержанный «сруб на вывоз», и пристроили к старому дому. Жена Павла вскоре умерла, и пристройку в 16 м² продали нам. Мама моя работала с родственницей покойной в КБ тракторного завода.

После смерти Екатерины Никитичны мы купили и ее огород, и старый дом, где прежде почти не бывали. Здесь было чему удивиться.

Удивительные свойства этого дома

Во-первых, размеры. Обычный деревенский дом «в три окошка» по фасаду – внутри оказался площадью в 20 м² (4 на 5 метров). Жила в нем семья из восьми человек. То есть, приходилось по два метра на каждого (надо ж было еще где-то готовить, стирать). На самом деле, места было в два раза меньше. Раньше почти половину дома занимала «русская» печка. Как они там помещались?

Помещались. Во-первых, большая печка. Во-вторых, полати и «запечек». В-третьих, лавки у печки. Да и не привыкли люди того времени иметь «свое место». Накормлены, одеты, спят в тепле – что еще надо?

Во-вторых, конструкция. Мы сейчас привыкли к деревянным домам на кирпичном или блочном фундаменте. Этот дом стоял на деревянных столбах – подпорках. С улицы их видно не было, только из подвала. С улицы, с одной стороны, подпорки загораживали сени; сзади был пристроен хлев. В оставшихся двух сторонах пространство между землей и срубом заваливалось землей – чтобы в дом снизу не задувало. Это и была русская завалинка.

«Моя хатка маленька, / Печка да завалинка,

Зато не казенная, / А своя законная...»

(Частушка солдата Бумбараша из одноименного фильма.)

Я попыталась выяснить, насколько такой дом «на столбах» был типичен для прежней русской деревни. Оказалось, что типичен.

В 1946 г., после войны, был разработан план «образцового дома колхозника». Такие дома колхоз должен был бесплатно построить особо отличившимся, в том числе геройским фронтовикам. Отсюда и известная строка в песне Алексея Фатьянова «...мы тебе колхозом дом построим⁸...» Так вот, тот образцовый дом площадью 33 м², тоже был «на столбах».

Это не удивительно. В тех местах, где есть лес, есть и плотники. Построить деревянный дом там стоит недорого. А вот стоимость кирпича на фундамент, по суглинку⁹, может оказаться дороже стоимости самого дома. Во Владимире улицы со старинными «полукаменными» домами раньше были населены в основном купцами-лавочниками.

В начале 1920-х гг., когда был построен этот дом (*о датировке я скажу далее*), с кирпичом было плохо. Пять-шесть частных кирпичных заводов во Владимире были объединены в завод имени Володарского. Завод в первое время выполнял госзаказы. Деревенские жители разбирали на кирпич барские усадьбы; здесь таких не было. Зато безработных плотников, готовых срубить дом «за одни харчи», в это время было достаточно.

В-третьих, здесь были странные полы: одинарные, некрашенные, из тонких и кривых досок. Щели между досками местами были в палец толщиной. Летом в таком доме было хорошо — прохладно. Зато в холодное время года такое строение было не натопить. Зимой щелястые полы, видимо, застилали соломой — иначе не выжить. Все живое в таком «продульном» доме жалось к горячей печке. У печной заслонки, в потолке, сохранился и крюк для колыбели.

Я думала, почему хозяин, построив хороший, судя по бревнам, дом, не сделал в нем теплого пола. Подсказал муж. По рассказам его родителей, во время коллективизации могли «определить в кулаки» даже за крашеный пол. И те жители их деревни, у кого полы были земляные (было тогда и такое), не затевали никаких перемен.

Может, и этому хозяину сначала было некогда. А потом так было безопасней. А потом, в колхозе, не было денег. А потом

была война. А вдове с семьей детьми было не достроек – дай Бог выжить. Бедной пенсионерке тоже было не достроек.

Под старость она решила продать свой дом – сил уже не было в огороде работать. Для скорой и успешной продажи она обратилась к родственникам. Те слепили из остатков русской печи фальшфундамент¹⁰. Эта наивная выдумка никого не обманула, и приезжие покупатели очень ругались.

Узнав, что ее дом, единственная собственность, ничего не стоит, Екатерина Никитична очень огорчилась и вскоре заболела. Хотя на самом деле, смертельная ее болезнь – рак печени – была вызвана тридцатилетней работой с кислотой в аккумуляторном цехе Владимирского тракторного завода.

...В праздничные дни и в гости Екатерина Никитична надевала одну и ту же белую блузку и черную юбку – униформу комсомольских времен. Униформа эта лежала в доме, в единственном чемодане.

¹ Есть и другое объяснение названия – не от слова «жизнь», но от слова «жито» (рожь). Урожай ржи для наших предков и означал жизнь. Но рожь в этой местности растет хорошо – сами проверяли. То есть название как «Место, где не растет рожь, хлеб» – тоже не годится.

² Название реки может относиться ко временам до X века – т.е. до славянской колонизации здешних земель.

³ Здесь, кстати, и объяснение, почему в средней советской семье было двое детей. Подходила очередь на квартиру, и срочно заводили второго ребенка, чтобы получить двухкомнатную, и без отсрочек. Два человека на комнату – норма 70-х и 80-х годов. Тогда и шло основное строительство во Владимире, да и в других городах.

⁴ Текстильная фабрика Дербенева в Юрьев-Польском, текстильная фабрика Каретникова в Тейкове, под Суздалем, дальше – по железной дороге.

⁵ Эти червонцы «всплывали» в годы Великой Отечественной войны, в виде добровольных пожертвований частных лиц. Об этих жертвованиях сообщали в местных газетах (здесь – «Колхозная газета»). Этот добровольный дар считался знаком высокой сознательности и примером для других.

Я тоже раньше так думала. Сейчас я понимаю, что сознательность иногда была; но было и другое. Эти газетные статьи были для жертвователей «охранной грамотой». Местные власти их потом не трогали. А оставались у них еще червонцы или нет – кто знает?

⁶ Торгсин – магазин, где в 30-е торговали дефицитными тогда продуктами в обмен на золото и серебро. Там были и продукты, заменявшие отсутствующие лекарства – например, лимоны.

⁷ Мне приходилось слышать, что те же червонцы – и царские, и советские – расплющивали в металлическую полосу, покрывали черной краской, зашивали в одежду, прикрепляли к швейным машинкам изнутри... Как говорится, «голь на выдумки хитра». И не только голь.

⁸ Надо сказать, что после Великой Отечественной войны немногие уцелевшие и трудоспособные фронтовики (с руками и ногами) обычно не возвращались в родной колхоз. Они подались работать в города, или создали странствующие артели - чтобы получать за свою работу деньги. В деревнях и селах после войны был большой недостаток рабочей силы. Искали способы, чтобы вернуть работников назад – и образцовые дома в том числе.

⁹ Фундамент по глинистой почве надо заглублять на 1,5-2 м, в зависимости от веса дома. По песчаной почве достаточно заглубить на 0,4-0,6 м. В Нежитино почва – суглинок.

Библиография (в квадратных скобках)

1. «Осенью 1942 отца призвали в армию, и мы остались с мамой, пять человек детей – от 14-летнего возраста до годовалого младшего. Остались без средств к существованию... Круглый год она ездила по окрестным деревням, где жили наши дальние родственники. Мама меняла вещи на картошку, зерно, горох. Сейчас я понимаю, что она не только меняла, но и милостыню просила. Однажды зимой она ушла в деревню и долго не возвращалась. Я, как старший, пошел ее искать. Встретил усталую, замерзшую, едва передвигающую ноги у деревни Масленка, в 11 км от города. Я взял у нее санки, и ей стало легче идти. (Федоров К.М.)»

Титова В.И. Мы вышли из войны, сборник. – Владимир: Администрация г. Владимира, 2004. – С. 118-119.

2. «По правде говоря, я бы хотел, чтобы в будущей, спокойной и здоровой России был воздвигнут скромный общественный монумент не кому иному, как Мешочнику. В пору пайковых жмыхов и пайковой клюквы это он, мешочник, провозил через огромные расстояния пищевые продукты. вися на вагонных площадках... или распластавшись на крыше теплушки, всегда перед угрозой ограбления и расстрела...».

Куприн А. Купол святого Исаакия Далматского // Купол святого Исаакия Далматского. – М.: Дарь, 2005. – С. 239.

3. «...Для основного класса, для крестьянства, самыми страшными временами были последние три месяца 1929 года и первые три месяца 1930, когда, точно под ударами топоров, рушились вековые устои, обычаи, привычки жителей села...

Началось массовое уничтожение скота и началось бегство крестьян со своих родных мест. Бежали на «великие стройки социализма», где на первых порах принимали без разбору всех, со справкой и без справки, а если ты прибыл еще с конем, то честь тебе и хвала. Бежали недалеко, в ближайший город, где устраивались, как бог пошлет. Бежали в соседний район... вступали в тамошний колхоз; именно из таких беглецов, а не из коренных жителей, выходили активисты села...»

Голицин. Записки уцелевшего. – М.: Орбита, 1990. – С. 462.

И. А. БАУЭР
(г. Шуя)

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ МУЗЕЯ В ШУЙСКОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

История становления музея колледжа прослеживается в сохранившихся документах, относящихся к 1976 г. Это «Рапорт Шуйского сельского среднего профессионально-технического училища № 4 о выполнении повышенных социалистических обязательств, принятых в честь 60-летия Великого Октября». В числе прочих обязательств «коллектива учащихся, рабочих и служащих училища», состоящих из пятнадцати пунктов, под номером двенадцать числилось обязательство «приступить к созданию музея истории училища». Далее следовал отчет о выполнении обязательств, но информация о создании музея отсутствует, вероятно, музей так и не был создан.

В период с 1987 по 2008 г. пост директора лицея занимал Заслуженный учитель России Забегалов Александр Дмитриевич. Под его руководством в 1992 г. Профессионально-техническое училище получило статус лицея. Именно в этот период создается музей колледжа, и связано это событие было с объявленным конкурсом музеев среди ПТУ. Музей располагался в одном из помещений общежития училища (сейчас это стекольная мастерская). Были изготовлены стенды, которые до сих пор сохранились. На стендах представлена информация об истории лицея, о преподавателях – ветеранах Великой Отечественной войны, о шуянах – героях Великой Отечественной войны. Тогда же свой вклад в создание музея внес и преподаватель истории лицея Додонов Сергей Николаевич. Он занимался собиранием материалов и экспонатов. Благодаря Сергею Николаевичу основу фондов музея составили вещественные и письменные источники по истории Ивановского края. В архиве музея хранятся подлинные экспонаты, фотографии, газетные статьи, грамоты и дипломы. Раздел «ОГБОУ НПО Профессиональный лицей № 4» включает также информацию и фото об открытии в 1934 г. сельскохозяйственной школы, редкие архивные документы, копии архивных

документов, воспоминания выпускников, альбомы, фотографии, рассказывающие о студенческой жизни, о студенческой практике, о праздниках. Фонды музея составляют наградные листы студентов-участников конкурсов профессионального мастерства, альбомы выпускников училища разных лет, а также предметы быта жителей села разных лет (прялка, самовар, серп, утюг и т.д.).

В настоящее время предметы музейного значения хранятся в отведённом помещении (музейной комнате) в кабинете № 19. С 2021-2022 учебного года в колледже начал работу предметный кружок «Музейное дело». Была разработана программа объединения. На занятиях кружка обучающиеся колледжа знакомятся с историей музейного дела, типами и видами современных музеев, теорией и практикой музейной работы в России (фондовой, архивной, культурно-образовательной и экспозиционной работой музея), а также приобретают и развивают первичные практические навыки музейной работы.

Собранные экспонаты, материалы используются для написания исследовательских работ и оформления выставок, стендов и экспозиций. За время работы предметного кружка были созданы экспозиции: «Традиционные ремёсла», «История быта», которые используются на уроках по дисциплине «История родного края». Особое место занимает экспозиция, посвященная преподавателям – ветеранам Великой Отечественной войны. В музейной комнате проводятся музейные уроки, экскурсии, беседы, викторины, классные часы. Таким образом, накопленные материалы активно интегрируются в учебно-воспитательный процесс колледжа.

Литература

1. Инструкция по учету и хранению музейных фондов в музеях, работающих на общественных началах. Приказ Министерства культуры СССР от 25.03.1988 г. № 134.
2. Письмо Министерства образования РФ от 12.03.2003 г. № 28-51-181/16 «О деятельности музеев образовательных учреждений».
3. Примерное Положение о музее образовательного учреждения (школьном музее). Из Письма Министерства образования от 12.03.2003 г. № 28 - 51 - 181/16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балдин Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета

Бальмонт Михаил Юрьевич – краевед

Батырева Лариса Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Бауэр Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, географии и экологии Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Бутрин Егор Сергеевич – кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела публикации и использования документов государственного архива Ивановской области

Гулидов Арсений Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Иванов Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Иеромонах Тихон (Захаров) – ключарь Воскресенского кафедрального собора г. Шуи

Касаткина Светлана Вадимовна – кандидат исторических наук, директор Заволжского городского художественно-краеведческого музея

Красницкая Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, географии и экологии Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Куриленко Нина Митрофановна – краевед

Макарьянц Борис Леонидович – врач-кардиолог

Марков Дмитрий Сергеевич – кандидат географических наук, доцент Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Монякова Ольга Альбертовна – доктор исторических наук, директор Ковровского историко-мемориального музея

Новичкова Наталья Юрьевна – доктор культурологи, доцент Ивановской Пожарно-Спасательной Академии ГПС МЧС России

Сбитнева Инна Станиславовна – учитель коррекционных дисциплин школы-интерната для слабослышащих и слепых детей г. Владимира

Семягина Анастасия Сергеевна – студентка историко-филологического факультета Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Ставровский Евгений Сергеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и организации предприятия Ивановского государственного энергетического университета

Харитонов Сергей Сергеевич – старший научный сотрудник Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника

Черниховский Дмитрий Михайлович – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

• Бутрин Е. С.	Ремесленные промыслы в Шуе в XVII-XVIII вв.	3
• Макарьянц Б. Л.	Из ранней истории Воскресенской церкви города Шуи.	18
• Макарьянц Б. Л.	Протоиерей Алексей Никитский (1751-1836): своих наставников достойный ученик.	30
• и/м Тихон (Захаров)	Символика шуйской соборной колокольни. Размышления на тему ..	38
• Черниховский Д. М.	Строители шуйских монастырей ..	46
• Ставровский Е. С.	Сила печатного слова, или Возрождение часовни в селе Китово .	51
	..	
• Бальмонт М. Ю.	Город Шуя на страницах московской газеты «Русское слово»	55
• Красницкая Т. А., Семягина А. С.	«Недостатки тормозят работу» (о материальном обеспечении Шуйского педагогического техникума в конце 20-х гг. XX в.)	57
• Куриленко Н. М.	Медицинская династия Юдиных из города Шуи	59
• Марков Д. С.	Тезинские осерёдки	64

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

• Монякова О. А.	Князя Пожарские – князя Ковровы: грани взаимоотношений	69
• Новичкова Н. Ю.	Молитвенный подвиг подвижника Ивановской земли Коленьки Ере-	

	минского	76
• Харитонов С. С.	Клавдий Михайлович Тихонравов и его воспоминания	79
• Балдин К. Е.	Приметы технического прогресса в провинции: автомобиль и аэроплан в Иваново-Вознесенске в начале XX века.. . . .	85
• Касаткина С. В.	Василий Аркадьевич Философов – основатель химического завода	92
• Монякова О. А.	М. В. Фрунзе и Ковров.	98
• Гулидов А. Ю.	Образ врага в восприятии россий- ского провинциала	104

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

• Иванов Ю. А.	Другая война генерала Белова	109
• Батырева Л. П.	Слово и время: <i>навозница</i>	114
• Сбитнева И. С.	История одной деревни, одного дома и его обитателей	120
• Бауэр И. А.	Из истории становления музея в Шуйском технологическом колле- дже	129
Сведения об авторах.		131

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский филиал Ивановского государственного университета и Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII века до 20-х годов XX века. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. XIII. – Шуя, 2022. – 136 с.

Технические редакторы: Е.В. Ставровская, Е.Ю. Фаркова

Подписано к печати 05.10.2022 Формат 60x84/16
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 8,5 Тираж 300 экз.

Издательство ФГОУ ВО Шуйский филиал «ИвГУ»

Отпечатано в ИП Пряслов А.А («ПолиЦентр»)
155900 г. Шуя ул. Ленина д. 30, тел. (49351) 4-44-04.